Джин Вулф

Пыточных дел мастер

Пыточных дел мастер
Джин Вульф

Аннотация
Джин Вулф. Пыточных дел мастер
Глава 1. Воскресение и смерть
Глава 2. Северьян
Глава 3. Пик Автарха
Глава 4. Трискепь
Глава 5. Чистильщик картин и прочие
Глава 6. Мастер Архивариус
Глава 7. Изменница
Глава 8. Собеседник
Глава 9. Лазурный Дом
Глава 10. Последний год
Глава 11. Празднество
Глава 12. Изменник
Глава 13. Пиктор города Тракса
Глава 14. «Терминус Эст»
Глава 15. Бапдандерс
Глава 16. Лавка тряпичника
Глава 17. Вызов
Глава 18. Разрушение алтаря
Глава 19. Ботанические Сады
Глава 20. Зеркала Отца Инира

Глава 21. Хижина в джунглях
Глава 22. Доркас
Глава 23. Хипьдегрин
Глава 24. Цветок Смерти
Глава 25. Харчевня Утраченной Любви
Глава 26. Трубный зов
Глава 27. «Он мертв?»
Глава 28. Казнедей
Глава 29. Агилюс
Глава 30. Ночь
Глава 31. Тень палача
Глава 32. Пьеса
Глава 33. Пять ног
Глава 34. Утро
Глава 35. Гефор
Примечание переводчика

Аннотация

Главный герой книги — молодой палач Северьян из Нессуса, изгнанный из гильдии, отправляется в путь, чтобы искупить свою вину. Но никто не знает, какова конечная цель Северьяна. Каждый сделанный им шаг, любой предмет, попавший ему в руки, странные люди и таинственнее существа, встречающиеся ему в дороге, — звенья одной цепи, загадочные инструменты судьбы.

Джин Вулф утверждает, что всего лишь перевел рукопись, неведомо как попавшую к нему из далекого будущего.

Джин Вулф
Пыточных дел мастер

Тысячелетья — ничто пред тобой,
столь быстротечен их лет;
кратки, как стража, вершащая ночь,
прежде чем солнце взойдет.

Глава 1
Воскресение и смерть

Пожалуй, я уже тогда почувствовал приближение беды. Ржавая решетка ворот, преградившая нам путь, и пряди тянувшегося с реки тумана, обволакивавшие острые навершия прутьев, словно горные пики, и поныне остаются для меня символами изгнания. Вот почему моя повесть начинается сразу после того, как мы переплыли реку, причем я, ученик гильдии палачей Северьян, едва не утонул.

— А стража-то нет, — сказал Рош, мой друг, Дротту, который и без него отлично видел, как обстоят дела.

Парнишка по имени Эата неуверенно предложил обойти кругом. Кивок и жест веснушчатой руки означали несколько тысяч шагов через трущобы под стеной и подъем по склону холма — туда, где стена Цитадели выше всего. Этот путь мне еще предстоит пройти — гораздо позже.

— И нас вот так, запросто, пропустят через барбикен? Ведь за мастером Гурло пошлют.

— Но почему стража нет на месте?

— Какая разница? — Дротт тряхнул решетку. — Эата, попробуй — может, пролезешь меж прутьев.

Что ж, Дротт — наш капитан. Эата просунул меж прутьями плечо и руку, и тут же стало ясно, что дело безнадежно: туловище не пройдет.

— Кто-то идет, — прошептал Рош.

Дротт выдернул Эату из решетки.

Я оглянулся. Там, в конце улицы, мелькали фонари; до ушей моих донеслись шаги и голоса. Я приготовился прятаться, но Рош удержал меня:

— Погоди! Они с пиками!

— Думаешь, страж возвращается?

Он покачал головой:

— Слишком много.

— По меньшей мере, дюжина, — подтвердил Дротт.

Мы еще не обсохли после купания в Гьолле. В памяти своей я и посейчас стою у тех ворот, дрожа от холода. Как все, что, будучи с виду непреходящим, неотвратимо идет к концу, мгновения, казавшиеся тогда неимоверно быстротечными, напротив, возрождаются вновь и вновь — не только в памяти моей (которая к конечном счете не позволяет пропасть ничему), в биении сердца, в морозце по коже возобновляются они, совсем

как наше Содружество ежеутренне возрождается к жизни под пронзительный рев горнов.

Насколько позволял судить тускло-желтый свет фонарей, на подошедших не было доспехов, однако при них имелись не только пики, замеченные Дроттом, но и топоры с посохами. А на поясе их вожака — длинный обоюдоострый нож. Но меня гораздо сильнее заинтересовал увесистый ключ на шнурке, обвивавшем его шею, по виду он вполне подошел бы к замку на воротах.

Малыш Эата беспокойно шевельнулся. Главный, заметив нас, поднял фонарь над головой.

— Мы ждем здесь, чтобы пройти внутрь, добрый человек, — громко сказал Дротт.

Ростом он был повыше, но темное лицо его выражало крайнюю степень почтения.

— Только после рассвета, — буркнул вожак. — А пока, ребята, ступайте-ка по домам.

— Добрый человек, страж должен был впустить нас, но отлучился куда-то…

Вожак шагнул к нам, причем ладонь его легла на рукоять ножа.

— Нынче ночью вы сюда не пройдете.

Какое-то мгновение я боялся, что он догадался, кто мы.

Дротт отступил, а мы встали за его спиной.

— Кто вы, добрые люди? С виду — не солдаты…

— Мы добровольцы, — сказал один из подошедших. — Пришли охранять своих умерших.

— Значит, вы можете пропустить нас. — Вожак отвернулся.

— Туда не войдет никто, кроме нас.

Ключ его заскрежетал в замке. Ворота распахнулись. И, прежде чем кто-либо смог помешать ему, Эата метнулся внутрь. Кто-то выругался; вожак и еще двое добровольцев ринулись следом, но Эата оказался проворней. Его шевелюра цвета пеньки и залатанная рубаха, попетляв среди осевших могил нищих, исчезли в зарослях изваяний выше по склону. Дротт тоже устремился за ним, но его схватили за руки.

— Нужно же найти его! Не украдем мы ваших умерших…

— А тогда зачем вам туда понадобилось? — спросил один из добровольцев.

— Собрать травы, — отвечал Дротт. — Мы — подмастерья у лекаря. Больных ведь нужно лечить, как по-твоему?

Доброволец молча таращился на него. Погнавшись за Эатой, человек с ключом бросил свой фонарь. В неверном свете оставшихся двух фонарей доброволец выглядел вовсе глупым и

невинным; по-моему, он был просто каким-то чернорабочим.

— Ты должен знать, — продолжал Дротт, — что некоторые ингредиенты обретают полную силу лишь будучи извлечены из кладбищенской почвы при лунном свете. Скоро ударят заморозки, и все погибнет, а нашим мастерам не обойтись без запасов на зиму. Три мастера устроили нам разрешение войти сюда нынче ночью; этого же парнишку я нанял у его отца нам в помощь.

— А вам не во что складывать эти… составляющие!

До сих пор не устаю восхищаться находчивостью Дротта!

— Мы вяжем их в снопы и высушиваем, — с этими словами он, без малейшей заминки, вынул из кармана клубок обычной бечевки.

— Понятно… — пробормотал доброволец, явно ничего не понимавший.

Мы с Рошем придвинулись к воротам поближе, но Дротт, напротив, отступил на шаг.

— Если вы не позволите нам собрать травы, мы лучше пойдем. Пожалуй, мы теперь не отыщем там даже этого паренька.

— Никуда вы не пойдете. Его нужно убрать оттуда.

— Хорошо…

Дротт нехотя шагнул в ворота. Мы, в сопровождении добровольцев, двинулись за ним. Вот некоторые мистические доктрины утверждают, будто вещный мир создан не чем иным, как человеческим разумом, поскольку управляют нами искусственные категории, в которые мы помещаем предметы, по существу недифференцированные, еще более неосязаемые, чем изобретенные для них слова. Вот этот самый принцип я в ту ночь понял интуитивно, едва услышав, как доброволец, замыкавший шествие, захлопнул за нами ворота.

— Ну, я пошел дежурить при своей матери, — сказал доброволец, молчавший до сих пор. — И так сколько времени потратили даром — ее уже за лигу отсюда могли бы унести!

Прочие согласно забормотали, и отряд рассыпался. Один фонарь двинулся влево, другой — вправо. Мы же с оставшимися добровольцами поднялись на центральную аллею, которой всегда возвращались к рухнувшему участку стены Цитадели.

Я не забываю ничего. В этом — моя природа, радость моя и проклятие. Каждый лязг цепи и посвист ветра, оттенок, запах и вкус сохраняются

в памяти моей неизменными. Я знаю, что так бывает не со всеми, однако не могу представить, как может быть иначе. Наверное, это — наподобие сна, когда не осознаешь того, что творится вокруг. А несколько белых ступеней, ведших к центральной аллее, и сейчас стоят перед моим взором…

Воздух становился все холоднее. Света при нас не было, да вдобавок с Гьолла начал подниматься туман. Несколько птиц, прилетевших ночевать на ветвях сосен и кипарисов, никак не могли угомониться, тяжело перелетая с дерева на дерево. Я помню, что чувствовали мои ладони, растиравшие мерзнувшие плечи, помню мерцание удалявшихся фонарей среди надгробных плит, помню запах реки, принесенный туманом и пропитавший мою рубаху, смешавшись с резким запахом свежевскопанной земли. В тот день я едва не утонул, запутавшись в гуще подводных корней, а ночью — впервые почувствовал себя взрослым.

Раздался выстрел — я никогда прежде не видел такого. Лиловая молния расщепила темноту, словно клин, и темнота с громом сомкнулась вновь. Где-то рухнул монумент. И вновь — тишина, в которой, казалось, растворилось все вокруг. Мы пустились бежать. Неподалеку закричали

люди, сталь зазвенела о камень, точно чей-то клинок ударил по могильной плите. Я рванулся прочь по совершенно незнакомой (по крайней мере, так мне показалось) аллее, узкой — едва-едва разойтись двоим, выложенной обломками костей и вонзавшейся, точно сломанное ребро, в небольшую низинку. В тумане не разглядеть было ничего, кроме темных глыб памятников по бокам аллейки. Затем дорожка внезапно, точно ее выдернули, исчезла из-под ног — видимо, я где-то прозевал поворот. Едва увернувшись от обелиска, словно из-под земли выросшего передо мною, я на полном ходу врезался в человека, одетого в черное пальто.

Он оказался жестким, точно дерево; удар при столкновении сшиб меня с ног и на время лишил способности дышать. Человек в черном пальто тихо выругался, а затем я услышал свист рассеченного клинком воздуха.

— Что случилось? — спросил другой голос.

— Кто-то налетел на меня. И исчез, кто бы он ни был.

Я замер.

— Открой фонарь.

Этот голос принадлежал женщине и был очень похож на воркованье голубки, если не считать

повелительного тона.

— Госпожа, они накинутся на нас, как стая дхолей, — возразил тот, на кого я налетел.

— Они в любом случае скоро будут здесь — Водалус стрелял. Ты должен был слышать.

— Ну, выстрел их скорее отпугнет.

В разговор снова вступил человек, заговоривший первым — я был тогда еще слишком неопытен, чтобы распознать характерный акцент экзультанта:

— Лучше бы я не брал это с собой. Против людей такого сорта — нужды нет.

Теперь он был гораздо ближе; какое-то мгновение я мог видеть его сквозь туман — очень высокий, худощавый, с непокрытой головой, он стоял возле толстяка, на которого я наткнулся. Третьей была женщина, закутанная в черное. Лишившись дыханья, я не в силах был двигаться, однако как-то сумел отползти за постамент статуи и, едва оказавшись в безопасном месте, снова принялся наблюдать за ними.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Я различил правильное, продолговатое лицо женщины и отметил, что она почти одного роста с худощавым человеком по имени Водалус.

— Трави помалу, — скомандовал толстяк, скры-

тый теперь от моих глаз.

На слух, он находился всего лишь в паре шагов от того места, где я прятался, но из виду пропал надежно, точно вода, вылитая в колодец. Затем я увидел, как к ногам худощавого придвинулось что-то черное (должно быть, тулья шляпы толстяка), и понял, в чем дело: толстяк спустился в могильную яму!

— Как она? — спросила женщина.

— Свежа, как роза, госпожа! Запаха почти не чувствуется, тревожиться не о чем. — С невероятным для его сложения проворством он выпрыгнул из ямы. — Берите другой конец, сеньор; вытащим легче, чем морковь из грядки!

Что сказала после этого женщина, я не расслышал. Худощавый ответил:

— Тебе не стоило ходить с нами, Теа. Как я буду выглядеть перед остальными, если вовсе ничем не рискую?

Они с толстяком закряхтели от напряжения, и я увидел, как возле их ног появилось что-то белое. Оба наклонились, чтобы поднять его. И вдруг — точно амшаспанд коснулся их своим сияющим жезлом — туман всклубился, уступив дорогу зеленому лунному лучу. В руках их был труп, тело женщины. Темные волосы ее спутались,

лиловато-серое лицо отчетливо контрастировало с длинным платьем из какой-то светлой ткани.

— Видишь, сеньор? — сказал толстяк. — Как я и говорил. Ну вот, госпожа, — осталось всего ничего. Только за стену переправить.

Стоило этим словам слететь с его губ, я услыхал чей-то вопль. На дорожке, ведшей в низинку, появились трое добровольцев.

— Придержи их, сеньор, — буркнул толстяк, взваливая тело на плечо. — Я пригляжу за дамами.

— Возьми это, — сказал Водалус. Поданный им пистолет сверкнул в лунном луче, словно зеркальце.

— Сеньор, — ахнул толстяк, — я и в руках-то никогда не держал…

— Возьми, может пригодиться!

Водалус нагнулся и поднял что-то наподобие темной палки. Металл прошуршал по дереву, и в руке его оказался узкий блестящий клинок.

— Защищайтесь! — крикнул он. Женщина, точно голубка, заслышавшая клич арктотера, выхватила блестящий пистолет из руки толстяка, и оба они отступили в туман.

Трое добровольцев приостановились, затем один двинулся вправо, другой — влево, чтобы

напасть разом с трех сторон. Оставшийся на белой дорожке из обломков костей был вооружен пикой, а один из его товарищей — топором.

Третьим оказался вожак добровольцев — тот самый, что говорил с Дроттом у ворот.

— Кто ты такой?! — закричал он. — Какого Эребуса явился сюда и чинишь непотребства?!

Водалус молчал, но острие его меча пристально следило за добровольцами.

— Вместе, разом! — зарычал вожак. — Взяли!

Однако добровольцы замешкались, и прежде чем они смогли приблизиться, Водалус ринулся вперед. Клинок его, сверкнув в тусклом лунном луче, заскрежетал о навершие пики — точно стальная змея скользнула по бревну из железа. Пикинер с воплем отскочил назад; Водалус отпрыгнул тоже (наверное, опасаясь, как бы двое оставшихся не зашли с тыла), потерял равновесие и упал.

Все происходило в темноте, да и туман вовсе не улучшал видимости. Конечно, я видел все, однако и мужчины и женщина с правильным, округлым лицом были для глаз моих лишь темными силуэтами. И все же что-то тронуло меня. Быть может, готовность Водалуса умереть, защищая эту женщину, заставила меня проникнуться к

ней особой симпатией и уж наверняка породила восхищение перед самим Водалусом. Сколько раз с тех пор я, стоя на шатком помосте посреди рыночной площади какого-нибудь городишки и занося мой верный «Терминус Эст» над головою какого-нибудь жалкого бродяги, окутанный ненавистью толпы и — что еще омерзительнее — грязным сладострастием тех, кому доставляет наслаждение чужая боль и смерть, вспоминал Водалуса на краю могильной ямы и поднимал свой клинок так, точно бью за него.

Водалус, как я уже говорил, споткнулся. В тот миг я поверил, будто вся жизнь моя брошена на чашу весов вместе с его жизнью.

Добровольцы, зашедшие с флангов, кинулись на него, но тот не выпустил из рук оружия. Клинок сверкнул в воздухе, хотя хозяин его еще не успел подняться. Помнится, я подумал, что мне очень пригодился бы такой меч в тот день, когда Дротт сделался капитаном учеников, а затем живо представил себя на месте Водалуса.

Человек с топором, в чью сторону был сделан выпад, отступил, а другой ринулся в атаку, выставив перед собою нож. Я к этому моменту уже поднялся на ноги и наблюдал за схваткой через плечо халцедонового ангела. Водалус едва увер-

нулся от удара, и нож вожака добровольцев ушел в землю по самую гарду. Водалус отмахнулся мечом, но клинок был слишком длинен для ближнего боя. Вожак, вместо того чтобы отступить, бросил оружие и сжал Водалуса в борцовском захвате. Дрались они на самом краю могильной ямы — наверное, Водалус увяз в вынутой из нее земле.

Второй доброволец поднял топор, но в последний миг замешкался — ближним к нему был вожак. Тогда он обошел сцепившихся на краю могилы, чтобы ударить наверняка, и оказался меньше чем в шаге от моего укрытия. Пока он менял позицию, Водалус вытащил из земли нож и вонзил его в глотку вожака. Топор взметнулся вверх; я почти рефлекторно поймал топорище под самым лезвием и тут же оказался в самой гуще событий. Ударил ногой, взмахнул топором — и внезапно обнаружил, что все кончено.

Хозяин окровавленного топора в моих руках был мертв. Вожак добровольцев корчился у наших ног. Пикинер успел удрать, лишь пика его мирно лежала поперек дорожки. Водалус поднял из травы черную трость и упрятал в нее свой меч.

— Кто ты?

— Северьян. Палач. То есть ученик палача, сеньор. Ордена Взыскующих Истины и Покаяния. — Тут я набрал полную грудь воздуха. — Я — водаларий. Один из тысяч водалариев, о которых тебе не известно ничего.

Слово «водаларий» мне довелось слышать где-то однажды.

— Держи!

Он вложил мне в ладонь предмет, оказавшийся небольшой монеткой, отполированной до такой степени, что на ощупь она казалась жирной. Сжимая монетку в кулаке, я стоял возле осквернённой могилы и смотрел ему вслед. Туман поглотил Водалуса еще прежде, чем тот выбрался из низинки. Через несколько мгновений серебристый флайер, острый, точно стрела, со свистом пронесся над моей головой.

Нагнувшись за ножом, выпавшим из горла вожака добровольцев — видимо, тот, корчась в судорогах, выдернул его, — я обнаружил, что все еще сжимаю монетку в кулаке, и сунул ее в карман.

Вот мы полагаем, будто символы созданы нами. На самом же деле это символы создают нас, определяя наши формы своими жесткими рамками. Солдату, принимающему присягу, вручают мо-

нету — серебряный азими с чеканным профилем Автарха. Принять монету — значит принять на себя все обязанности, связанные с бременем военной службы; с этого момента ты — солдат, хоть, может быть, ни аза не смыслишь в обращении с оружием. Тогда я еще не знал, насколько глубоко заблуждение, будто подобные вещи оказывают влияние, лишь будучи осмысленными. Фактически такая точка зрения есть суеверие — самое темное и безосновательное. Считающий так верует в действенность чистого знания; люди же рациональные отлично понимают, что символы действуют сами по себе либо не действуют вовсе.

Итак, в тот миг, когда монетка упала на дно моего кармана, я ничего не знал о догмах, исповедуемых движением во главе с Водалусом, но совсем скоро изучил их все — самый воздух был насыщен ими. Вместе с ним я ненавидел автократию, хоть и не представлял себе, чем ее можно заменить. Вместе с ним я презирал экзультантов, неспособных восстать против Автарха и отсылавших ему прекраснейших из своих дочерей для церемониального конкубината. Вместе с ним я питал отвращение к народу, которому так сильно недоставало дисциплины и здравого смысла. Из тех же ценностей, которые мастер Мальрубиус

пытался привить мне в детстве, а мастер Палаэмон прививал и по ту пору, я принял лишь одну — верность гильдии. И был абсолютно прав — теперь для меня было вполне приемлемо служить Водалусу и в то же время оставаться палачом. Так оно складывалось и тогда, когда я пустился в долгий путь, завершением коему стал мой трон.

Глава 2
Северьян

Память подавляет меня. Будучи взращен среди палачей, я никогда не знал ни отца своего, ни матери. Да и прочие собратья мои во ученичестве знали о своих родителях не больше. Время от времени — особенно с наступлением зимы — у Дверей Мертвых Тел гомонят обиженные жизнью, надеющиеся быть принятыми в нашу древнюю гильдию. Они частенько награждают Брата Привратника повествованиями о пытках, которым охотно подвергли бы любого ради тепла и пищи, а порой даже приносят с собою ни в чем не повинных животных для наглядной демонстрации.

Все эти бедолаги уходят ни с чем. Традиции дней нашей славы, предвосхищавших нынешний век упадка и ту эпоху, что предшествовала ему, и ту, что была перед нею, обычаи времен, название коим помнит сейчас не всякий книжник, запрещают вербовку людей подобного сорта. И традиции эти чтились даже во времена, о которых я пишу, когда гильдия сократилась до двух

мастеров при менее чем двух десятках подмастерьев.

В памяти моей живы все ранние воспоминания. Первое из них — я складываю в кучу булыжники на Старом Подворье, что лежит к юго-западу от Башни Ведьм и отгорожено от Большого Двора. Стена, в обороне которой полагалось участвовать нашей гильдии, уже тогда была разрушена; между Красной и Медвежьей Башнями зияла широченная дыра — оттуда я частенько, вскарабкавшись на груду обвалившихся плит тугоплавкого серого металла, любовался некрополем, уходившим вниз по склону Крепостного Холма.

Когда я стал постарше, некрополь превратился в место моих игр. Днем его извилистые аллеи патрулировались стражей, однако главной заботой патрульных были свежие могилы у подножия холма. Кроме того, они знали, что мы принадлежим к палачам, и выгонять нас из укромных кипарисовых рощ отваживались лишь изредка.

Говорят, наш некрополь — древнейший в Нессусе. Вранье, конечно же, но само существование подобного мнения подтверждает его древность, хотя автархов здесь не хоронили даже в те времена, когда Цитадель была главной их рези-

денцией, а знатнейшие семейства, как и сейчас, предпочитали предавать своих длиннооруких и длинноногих покойников земле сокровищниц собственных поместий. Армигеры и оптиматы хоронили своих наверху, под самой стеной Цитадели, простолюдины лежали ниже, а могилы нищих и бродяг без роду и племени достигали жилых кварталов на берегу Гьолла. Мальчишкой я редко забирался так далеко от Цитадели — даже вполовину.

Мы всегда держались втроем — Дротт, Рощ и я. Потом присоединился еще Эата, старший из прочих учеников. Ни один из нас не был рожден среди палачей — таких не бывает вовсе.

Говорят, в древности женщины состояли в гильдии наряду с мужчинами, и их сыновья и дочери посвящались в гильдейские таинства, как принято сейчас среди золотых дел мастеров и во многих других гильдиях. Но Имар Без Малого Праведный, заметив, сколь были жестоки те женщины и сколь часто превышали они пределы назначенных им наказаний, повелел, чтобы «впредь женскаго полу среди гильдейских отнюдь не держать».

* * *

С тех пор ряды наши пополняются лишь детьми тех, кто попадает к нам в руки. В Башне Сообразности у нас приспособлен железный прут, вбитый в перегородку на уровне паха взрослого мужчины, и дети мужского пола, ростом не выше этого прута, воспитываются нами как собственные. Когда же к нам присылают женщину в тягостях, мы вскрываем ее, и, если дитя является мальчиком и начинает дышать, нанимаем для него кормилицу. Девочки отсылаются к ведьмам. Так ведется у нас со дней Имара, забытых много сотен лет назад.

Таким образом, никто из нас не знал своих предков. Каждый мог бы быть и экзультантом — к нам присылают много высоких персон. С детства у каждого из нас складываются собственные догадки на этот счет, каждый пытается расспросить старших наших братьев-подмастерьев, но те, замкнувшиеся в собственной горечи, обычно скупы на слова. В тот год, о котором я пишу, Эата вычертил на потолке над своей койкой герб одного из северных кланов, возомнив, будто ведет происхождение от этой семьи.

Что до меня — сам я уже считал моим собствен-

ным герб, отчеканенный на бронзовой пластине над дверью одного мавзолея. Фонтан над гладью вод, корабль с распростертыми крыльями, а в нижней части — роза. Дверь давно разбухла от дождей и покоробилась, на полу лежали два пустых гроба, а еще три, слишком тяжелые для меня и до сих пор нетронутые, ждали на полках вдоль стены. Но не гробы — закрытые ли, открытые — составляли привлекательность этого места, хотя на остатках мягких, поблекших подушек последних я иногда отдыхал. Привлекал, скорее, уют небольшого помещения, толщина каменных стен с единственным крохотным оконцем, забранным единственным железным прутом, и массивность бесполезной, никогда не затворяющейся двери.

Сквозь окно и дверной проем я, скрытый от чьих-либо глаз, мог наблюдать за яркой жизнью деревьев, кустов и травы снаружи. Кролики и коноплянки, убегавшие и разлетавшиеся при приближении, не слышали и не чуяли меня здесь. Я видел, как водяная ворона строит себе гнездо и взращивает птенцов в двух кубитах от моих глаз. Я видел, как лис — огромный, крупнее любой собаки, кроме самых больших, которых называют ручными волками, — рысцой бежит сквозь кустарник. Однажды этот лис по каким-то своим,

лисьим, делам забрался даже в разрушенные кварталы на юге — я видел, как он возвращался оттуда в сумерках. Каракара выслеживала для меня гадюк, скокл на вершине сосны расправлял крылья, готовясь взлететь…

Момент вполне подходит для описания всего того, за чем я наблюдал так долго. Десятка саросов не хватило бы мне, чтобы описать значение всего этого для оборванного мальчишки, ученика палачей. Две мысли (почти мечты) постоянно владели мною и делали эти вещи бесконечно дорогими. Первая — что уже в обозримом будущем само время остановится; дни, сверкающие яркими красками и столь долго тянущиеся один за другим, словно ленты из шляпы фокусника, придут к концу; тусклое солнце мигнет и погаснет. Вторая же предполагала, будто где-то существует источник чудесного света (иногда я представлял его себе в виде свечи, а порою — факела), дарующего жизнь всему, что попадет в его лучи, — у опавшего листа отрастут тоненькие ножки и щупальца, а сухая колючая ветка откроет глазки и снова вскарабкается на дерево.

Но иногда, особенно в жаркие, сонные полуденные часы, смотреть было почти не на что. Тогда я отворачивался к бронзовой табличке над

дверью и гадал, какое отношение ко мне имеют корабль, фонтан и роза, или глазел на бронзовый саркофаг, мною же найденный, отполированный и установленный в углу. Покойный лежал, вытянувшись во весь рост и сомкнув тяжелые веки. При свете, проникавшем в мавзолей сквозь оконце, я изучал лицо покойного, сравнивая его со своим, отражавшимся в полированном металле. Мой нос, прямой и острый, впалые щеки и глубоко посаженные глаза были такими же, как у него. Ужасно хотелось выяснить, был ли он, как и я, темноволос.

Зимой я навещал некрополь лишь изредка, но с приходом весны этот мавзолей и его окрестности неизменно служили мне местом для наблюдений и отдыха в тишине. Дротт, Рош и Эата тоже приходили в некрополь, но я никогда не показывал им своего излюбленного убежища; у них, как и у меня, также имелись свои потайные местечки. Собираясь вместе, мы вообще редко лазали по склепам. Мы сражались на мечах из веток, швырялись шишками в солдат, играли в «веревочку», в «мясо» или — при помощи разноцветных камешков — в шашки, расчертив под доску землю на свежей могиле.

Так развлекались мы в лабиринте могил, также

принадлежавшем Цитадели, а иногда еще плавали в огромном резервуаре у Колокольной Башни. Конечно, там, под толстым каменным сводом, нависавшим над темной и бесконечно глубокой водой, было холодно и сыро даже летом. Однако в резервуаре можно было купаться и зимой, да вдобавок купанье это обладало преимуществом, главным, неоспоримым и решающим: оно было запрещено. Как упоительно было прокрадываться к резервуару и не зажигать факелов, пока за нами не захлопнется тяжелая крышка люка! Как плясали наши тени на отсыревших камнях, когда пламя охватывало просмоленную паклю!

Как я уже говорил, другим местом для купанья был Гьолл, огромной, усталой змеей проползавший сквозь Нессус. С наступлением теплых дней ученики компаниями шли купаться через некрополь мимо высоких старых гробниц под стеной Цитадели, мимо исполненных тщеславия последних прибежищ оптиматов, сквозь каменные заросли обычных памятников (минуя дородных стражей, опиравшихся на древки копий, мы старались изображать высшую степень почтения) и, наконец, через россыпи простых, смываемых первым же ливнем земляных холмиков, под которыми покоятся нищие.

На нижнем краю некрополя находились те самые железные ворота — я уже описывал их. Именно сквозь них прибывали тела, подлежащие захоронению в могилах для бедных. Минуя ржавые решетчатые створы ворот, мы начинали чувствовать, что в самом деле вышли за пределы Цитадели и, безусловно, нарушили правила, ограничивавшие нашу свободу перемещений. Мы были уверены (или, по крайней мере, делали вид, будто уверены), что (старшие братья подвергнут нас пыткам, если проступок откроется. На самом же деле нас ожидала в худшем случае порка — такова доброта палачей, которых я впоследствии предал.

Гораздо опаснее были для нас обитатели многоэтажных жилых домов, тянувшихся вдоль грязной улицы, которой мы шли на реку. Порой мне думается, что гильдия просуществовала столь долго лишь потому, что служила средоточием людской ненависти, отвлекая ее от Автарха, экзультантов, армии и даже — в какой-то степени — от бледнокожих какогенов, порой прибывавших на Урс с дальних звезд.

Обитатели жилых кварталов обладали тем же чутьем, что и стражи, и тоже частенько догадывались, кто мы такие. Порой из окон на нас

выплескивали помои, а гневный ропот следовал за нами постоянно. Однако страх, породивший эту ненависть, служил нам защитой. Никто никогда всерьез не нападал на нас, а раз или два, когда на милость гильдии отдавали тирана-префекта или продажного парламентария, на нас лавиной рушились пожелания (большей частью непристойные либо невыполнимые) по поводу того, как с ним надлежит распорядиться.

В том месте, где мы купались, естественных берегов не было уже много сотен лет — два чейна воды, заросшей голубыми ненюфарами, были заперты меж каменных стен. С набережной в воду спускались около десятка лестниц, к которым должны были причаливать лодки, и в солнечные дни каждый пролет был занят компанией из десяти-пятнадцати шумных, драчливых юнцов. Нам четверым не хватало сил, чтобы отбить себе пролет у такой компании, однако они не могли (по крайней мере, ни разу не попробовали) и избавиться от нашего присутствия, хотя, завидев нас, начинали грозить расправой, а стоило нам устроиться возле, принимались дразниться.

Вскоре, однако ж, все они уходили прочь, и набережная оставалась в нашем распоряжении до следующего купального дня.

Я предпочел описать все это сейчас, так как после спасения Водалуса ни разу больше не ходил купаться. Дротт с Рошем думали, что я просто боюсь снова оказаться перед запертыми воротами. А вот Эата, пожалуй, понимал истинную причину — в мальчишках, которые вот-вот станут мужчинами, порой просыпается прямо-таки женское чутье. Все дело было в ненюфарах.

Некрополь никогда не казался мне обителью смерти; я знал, что кусты пурпурных роз, к которым люди питают такое отвращение, служат убежищем для многих сотен птиц и мелких зверьков. Экзекуции, которые я наблюдал и в которых столько раз принимал участие, были для меня не более чем ремеслом, обычной мясницкой работой (вот только люди зачастую куда менее невинны и ценны, чем скот). Когда я думаю о смерти — своей ли, кого-либо из тех, кто был добр ко мне, или даже о смерти нашего солнца, — перед мысленным взором моим появляется образ ненюфар с бледными, лоснящимися листьями и лазоревыми лепестками. И — черными, тонкими и прочными, словно волос, корнями, уходящими вниз, в темные, холодные глубины вод.

Мы, по молодости лет, вовсе не задумывались об этих цветах. Плескались среди них, плавали,

раздвигая их в стороны и не обращая на них ни малейшего внимания. А аромат их хоть как-то перебивал мерзкие, гнилостные испарения реки…

В тот день, перед тем как спасти Водалуса, я нырнул в самую гущу цветов, как делал до того тысячи раз.

И не смог вынырнуть. Меня угораздило попасть в такое место, где гуща корней была гораздо плотнее, чем где-либо еще. Я словно оказался пойман сразу в сотню сетей! Я открыл глаза, но ничего не увидел перед собою, кроме густой, черной паутины корней. Я хотел было всплыть — но тело оставалось на месте, хотя руки и ноги бешено загребали воду среди миллионов тонких черных нитей. Сжав пучок корней в горсти, я рванул их — и разорвал, но и это не помогло обрести подвижность. Легкие, казалось, распухли так, что закупорили горло и вот-вот задушат меня, а после — разорвутся на части. Мной овладело непреодолимое желание вдохнуть, втянуть в себя темную, холодную воду.

Я перестал понимать, где поверхность воды, и сама вода не воспринималась больше как вода. Силы оставили меня, и страх исчез, хотя я сознавал, что умираю или даже уже мертв. В ушах стоял громкий, неприятный звон — и перед глазами

возник мастер Мальрубиус, умерший несколько лет назад. Он будил нас, колотя ложкой по металлической перекладине — вот откуда взялся этот звон! Я лежал в койке, не в силах подняться, хотя все прочие — Дротт, Рош и ученики помладше были уже на ногах, зевали спросонья и одевались, путаясь в рукавах и штанинах. Мантия мастера Мальрубиуса была распахнута, открывая обвисшую кожу на груди и животе, мускулы и жир которых были съедены временем. Я хотел было сказать ему, что уже проснулся, но не смог издать ни звука. Он пошел вдоль ряда коек, колотя ложкой по перекладине, и через какое-то время, показавшееся мне вечностью, достиг амбразуры, остановился и выглянул наружу. Я понял, что он высматривает меня на Старом Подворье.

Но взгляд его не мог достичь меня — я был в одной из камер под пыточной комнатой, лежал на спине и смотрел в серый потолок. Где-то плакала женщина, но я не видел ее, а женские рыдания вытеснял из сознания звон — звон ложки о металлическую перекладину. Тьма сомкнулась надо мной, во тьме появилось лицо женщины — огромное, точно зеленый лик луны в ночном небе. Но плакала не она — я все еще слышал рыдания, а лицо этой женщины было безмятежно

и исполнено той красоты, что не приемлет вовсе никаких выражений. Руки ее потянулись ко мне, и я тут же превратился в едва оперившегося птенца, которого год назад вытащил из гнезда в надежде приручить — ладони женщины превосходили размерами гробы из моего потайного мавзолея, в которых я иногда отдыхал. Руки схватили меня, подняли — и тут же швырнули вниз, прочь от ее лица и звуков рыданий, в непроглядную темноту. Достигнув чего-то, показавшегося мне донным илом, я вырвался наружу, в мир света, окаймленного черным.

Но дышать я по-прежнему не мог — да и не хотел, и грудь не желала, как обычно, двигаться сама по себе. Я заскользил по воде, хотя не знал, что меня тащат (позже выяснилось, что это Дротт тащил меня за волосы), и оказался на холодных, скользких камнях, а Дротт с Рошем по очереди принялись вдувать воздух мне в рот. Глаза их мелькали передо мной, точно узоры в окошке калейдоскопа. Глаза Эаты — их было очень уж много — я отнес на счет неполадок в собственном зрении.

В конце концов я отпихнул Роша и изверг из себя огромное количество черной воды. После этого мне полегчало. Я сумел сесть и начал поне-

многу дышать; смог даже пошевелить слабыми, дрожащими руками. Глаза, окружавшие меня, принадлежали реальным людям — жителям выходивших на набережную домов. Какая-то женщина подала мне чашку чего-то — я не смог разобрать, чай это был или бульон. Питье оказалось обжигающе горячим, слегка соленым и припахивающим дымом. Я поднес чашку ко рту и почувствовал легкий ожог на губах и языке.

— Ты уж не утопиться ли хотел? — спросил Дротт. — И как только выплыть смог?! — Я покачал головой.

— Так и вылетел из воды! — сказали из толпы. Рош подхватил чашку — я едва не выронил ее.

— Мы-то думали, ты где-то вынырнул и прячешься! Чтобы над нами подшутить…

— Я видел Мальрубиуса.

Какой-то старик — судя по заляпанной смолой одежде, лодочник — вдруг схватил Роша за плечо:

— Это кто такой будет?

— Был мастером учеников. Он давно умер.

— То есть не женщина?

Старик держал за плечо Роша, но взгляд его был устремлен на меня.

— Нет, нет, — ответил Рош. — У нас в гильдии

нет женщин.

Несмотря на горячее питье и теплый солнечный день, я ужасно замерз. Один из мальчишек, с которыми мы дрались когда-то, принес насквозь пропыленное одеяло, и я закутался в него, но встать и пойти все равно смог очень не скоро. Когда мы добрались до ворот некрополя, от статуи Ночи, венчавшей караван-сарай на противоположном берегу, остался лишь крохотный черный штришок на фоне пламенеющего заката, а ворота были закрыты и заперты на замок.

Глава 3
Пик Автарха

Взглянуть на монету, данную Водалусом, мне пришло в голову только посредь утра следующего дня. Как обычно, мы, обслужив подмастерьев в трапезной, позавтракали сами, встретились в классе с мастером Палаэмоном и, после краткой предварительной лекции, последовали за ним в нижние этажи наблюдать работу, начатую прошедшей ночью.

Но здесь, прежде чем писать дальше, наверное, стоит подробнее рассказать об устройстве нашей Башни Сообразности. Фасад ее выходит на западную, заднюю сторону Цитадели. На первом этаже расположены студии наших мастеров — там они проводят консультации с представителями юстиции и главами других гильдий. Над ними — общая комната, задней стеной примыкающая к кухне. Еще выше находится трапезная, которая служит нам не только местом приема пищи, но и залом для собраний. Над нею — личные каюты мастеров, которых в лучшие для гильдии времена было гораздо больше. Этажом выше

— каюты подмастерьев, над ними — дортуары учеников и классная комната, мансарды и анфилады заброшенных кабинетов. А на самом верху — орудийный отсек; то, что там осталось, членам гильдии полагается обслуживать в случае нападения на Цитадель противника.

Внизу, под всем этим, находятся рабочие помещения гильдии. Сразу под землей — комната для допросов, а под ней (то есть уже вне башни, ведь комната для допросов изначально была реактивным соплом) протянулись лабиринты темниц. Из них используются три этажа, к которым можно спуститься по центральной лестнице. Камеры их непритязательны, сухи и чисты, каждая снабжена столиком, креслом и узкой кроватью, которая жестко крепится к полу в центре помещения.

Светильники в темницах — из тех, древних, которые, говорят, должны гореть вечно, хотя некоторые уже погасли. В то утро сумрак подземных коридоров вовсе не омрачал моего настроения — наоборот, наполнял сердце радостью: ведь именно здесь я, став подмастерьем, буду работать, совершенствовать древнее искусство нашей гильдии, возвышусь до звания мастера гильдии и заложу фундамент для реставрации ее былой славы. Казалось, самый воздух коридоров

окутывает меня, словно одеяло, согретое у чистого, бездымного огня!

Мы остановились перед дверьми одной из камер, и дежурный подмастерье заскрежетал ключом в замке. Пациентка, находившаяся внутри, подняла голову и широко раскрыла темные глаза. Вероятно, ее напугала бархатная маска и черная мантия, в которые, согласно рангу, был облачен мастер Палаэмон, а может — массивное оптическое устройство, без которого он почти ничего не видел. Пациентка не проронила ни слова, и, уж конечно, никто из нас не заговорил с ней.

— Здесь, — начал мастер Палаэмон в своей обычной суховатой манере, — мы имеем нечто, выходящее за рамки стандартных юридических приговоров и хорошо иллюстрирующее возможности новейшей техники. Прошедшей ночью пациентка была подвергнута допросу — возможно, некоторые из вас имели возможность слышать ее. Двадцать минимов тинктуры были даны пациентке до начала процедуры и десять — по окончании. Доза лишь частично предотвратила шок и потерю сознания, вследствие чего процедура была прервана, — он подал знак Дротту, и тот начал разбинтовывать ногу пациентки, — как вы можете видеть, после удаления

кожи правой ноги.

— Полусапог? — спросил Рош.

— Нет, сапог полностью. Пациентка была служанкой, кожу которых мастер Гурло находит чрезвычайно прочной. Данный опыт наглядно доказал его правоту. Простое циркулярное рассечение было сделано под коленом, и край его зафиксирован восемью скобками. Результатом тщательного труда мастера Гурло, Одо, Меннаса и Эйгила явилась возможность удаления кожи от колена до кончиков пальцев без дальнейшего применения ножа.

Мы собрались вокруг Дротта. Мальчишки помладше принялись толкаться, делая вид, будто знают, на что именно нужно смотреть. Артерии и главные кровеносные сосуды остались неповрежденными, наблюдалось лишь незначительное общее кровотечение. Я помог Дротту сделать перевязку.

Мы уже двинулись к выходу, но женщина вдруг заговорила:

— Я не знаю! Ох, неужто вы думаете, что я не сказала бы, если б только знала? Она убежала с этим Водалусом-из-Леса, а куда — я не знаю!

Снаружи я, прикинувшись полным невеждой, спросил у мастера Палаэмона, кто такой этот

Водалус-из-Леса.

— Сколько раз я объяснял, что ни одно слово, сказанное пациентом во время допроса, не должно достигнуть твоих ушей?

— Много раз, мастер.

— И, видимо, попусту. Не за горами день возложения масок, Дротт с Рошем сделаются подмастерьями, а ты — капитаном учеников. Именно в таком духе ты будешь наставлять мальчишек?

— Нет, мастер.

Поймав многозначительный взгляд Дротта, стоявшего за спиной мастера Палаэмона, я понял: он знает, кто такой Водалус, и объяснит мне, как только выдастся удобный момент.

— Некогда подмастерьев нашей гильдии лишали слуха. Быть может, ты хочешь вернуть те дни, Северьян? И не держи руки в карманах, разговаривая с мастером.

Я нарочно сунул руки в карманы, чтобы отвлечь его гнев, но теперь, выполняя приказ, нащупал монету, данную мне Водалусом накануне. Страх, пережитый в схватке, совсем было вытеснил ее из памяти, а вот теперь вдруг до судорог захотелось взглянуть на нее — но мастер Палаэмон не сводил с меня своих блестящих линз.

— Когда пациент говорит, ты, Северьян, не

должен слышать ничего. Представь себе, что это — мышь, чей писк не имеет для людей ни малейшего смысла.

Я сощурил глаза, показывая, что изо всех сил стараюсь представить себе эту мышь.

На всем протяжении долгого, утомительного подъема в классную комнату я не мог избавиться от жгучего желания взглянуть на тоненький металлический диск, который сжимал в кулаке, однако шедший позади (это был Евсигниус, один из самых младших учеников) непременно увидел бы все. Ну, а в классе, где мастер Палаэмон монотонно читал урок над трупом десятидневной давности, монета привлекла бы к себе всеобщее внимание, и я не осмелился вынуть ее из кармана.

Удобный момент выдался лишь к вечеру, когда я спрятался в развалинах стены среди сверкающих на солнце мхов. Некоторое время я не решался разжать подставленный под солнечный луч кулак — боялся, как бы разочарование не оказалось больше того, что я смогу вынести.

Нет, не оттого, что для меня так уж важна была ценность монеты. Хоть я и стал взрослым, денег у меня было столь мало, что любая монетка сошла бы за улыбку фортуны. Скорее — оттого,

что монета, которая вот-вот утратит всю свою таинственность, была единственным звеном, связывавшим меня с прошлой ночью, единственной нитью, ведшей к Водалусу, прекрасной женщине в плаще с капюшоном и толстяку, на которого я налетел в темноте, единственным трофеем, вынесенным из схватки на краю отверстой могилы. Другой жизни, кроме гильдейской, я прежде не знал, и теперь она, в сравнении с блеском клинка экзультанта и раскатистым эхом выстрела среди надгробий, казалась мне такой же серой, как моя рваная рубаха.

И все это могло исчезнуть в один миг, стоило лишь разжать кулак!

Наконец, испив сладкий ужас до последней капли, я взглянул на монету. Та оказалась золотым хризосом. Я тут же сомкнул пальцы, боясь, что ошибся и принял за золото медный орихальк, и подождал, пока не наберусь храбрости разжать кулак снова.

Впервые в жизни я держал в руках золото. Орихальки видел во множестве, а несколькими даже владел сам. Раз или два попадался мне на глаза серебряный азими. А вот о существовании хризосов лишь, знал, причем знание это было так же туманно, как и знание о существовании мира

за пределами нашего города Нессуса и о других континентах на севере, востоке и западе.

На том хризосе, который я держал в руке, было изображено лицо, как мне показалось, женщины — увенчанной короной, ни молодой, ни старой, безмолвной и совершенной в лимонно-желтом металле. Наконец я повернул свое сокровище другой стороной — и тут у меня взаправду перехватило дух. На реверсе был вычеканен тот самый крылатый корабль с герба над дверью моего потайного мавзолея. Вот это лежало за гранью каких бы то ни было объяснений — настолько, что я в тот момент не стал даже строить никаких догадок, будучи вполне уверен в бесплодности любых построений. Поэтому я просто сунул монету обратно в карман и в некоторой прострации отправился назад, к своим товарищам-ученикам.

О том, чтобы держать монету при себе, не могло быть и речи. При первой же возможности я удрал в некрополь один и тщательно обыскал мой мавзолей. Погода в тот день изменилась, пришлось пробираться сквозь мокрый кустарник и высокую, жухлую траву, начавшую клониться к земле в предчувствии зимы. И убежище мое не было больше прохладной, уютной пещеркой;

оно превратилось в ледяную яму, внушавшую явственное чувство близости врагов, противников Водалуса, которым, без сомнения, уже известно, что я присягнул ему на верность, и которые, стоит мне войти внутрь, выскочат из засады и захлопнут дверь, висящую на новых, загодя смазанных петлях. Конечно, я понимал, что все это — чепуха, но в чепухе той была и доля истины. Я чувствовал близость тех времен, когда (через несколько месяцев или несколько лет) враги эти вправду станут охотиться за мной, и мне придется поднять топор, выбранный мною для боя, — ситуация, в которую, как правило, не попадают палачи.

В полу, у самого подножия бронзового саркофага, обнаружился расшатанный камень. Под него я спрятал свой хризос, а после прошептал заклинание, которому меня много лет назад выучил Рош, — несколько рифмованных строк, якобы обеспечивавших сохранность спрятанного:

Здесь лежи.

Кто ни придет, Стань прозрачен, будто лед; Взгляд чужой да не падет На тебя.

Здесь лежи, не уходи, Избегай чужой руки, Пусть дивятся чужаки, Но не я.

Чтобы заклятие в самом деле подействовало,

следовало обойти место клада в полночь, держа в руке пойманный блуждающий огонек, но тут я вспомнил Дроттовы выдумки насчет собирания трав на могилах в полночь, рассмеялся и решил положиться только на стишок, хотя был поражен тем, что достаточно повзрослел, чтобы не стесняться подобных вещей.

Шли дни, но впечатления от похода к мавзолею оставались достаточно яркими, чтобы удержать меня от попыток наведаться туда еще раз и проверить, на месте ли мое сокровище, как бы порой ни хотелось. Затем выпал первый снег, превративший развалины стены в скользкую, почти непреодолимую преграду, а издавна знакомый и привычный некрополь — в странные, чужие заросли снежных холмов. Монументы под покровом нового снега словно бы выросли, а кусты и деревья — съежились едва не вдвое.

Суть учения в нашей гильдии заключена в том, что бремя его, по первости легкое, тяжелеет по мере того, как взрослеет ученик. Самые младшие освобождены от работы вовсе, пока не достигнут шести лет от роду. После этого их работа состоит в беготне вверх-вниз по лестницам Башни Сообразности, и малыши, гордые оказанным доверием, вообще не воспринимают ее как труд. Однако со

временем работа их становится все обременительнее. Обязанности приводят ученика в другие части Цитадели — к солдатам в барбикен, где он узнает, что у учеников военных есть барабаны, трубы и офиклеиды, сапоги и даже блестящие кирасы; в Медвежью Башню, где он видит, как его сверстники-мальчишки учатся обращению с прекрасными боевыми зверями — мастиффами, чьи головы едва ли не больше львиных, и диатримами, превосходящими ростом человека, с окованными сталью клювами… И еще в сотню подобных мест, где он впервые узнает, что гильдию его ненавидят и презирают даже те (вернее, особенно те), кто пользуется ее услугами. Вскоре подоспевает мытье полов и кухонные наряды, причем всю интересную и приятную кухонную работу берет на себя брат Кок, так что на долю учеников остается чистить и резать овощи, прислуживать за столом подмастерьям да таскать вниз, в темницы, бесконечные груды подносов.

В то время я еще не знал, что вскоре мое ученичество, сколько себя помню — лишь тяжелевшее, резко сменит курс и станет куда менее утомительным и куда более приятным. Несколько лет перед тем, как стать подмастерьем, старший ученик только присматривает за работой младших.

Лучше становятся его пища и даже одежда. И подмастерья помладше начинают обращаться с ним почти как с равным. И — что приятнее всего — на него возлагается бремя ответственности, возможность отдавать приказы и добиваться их выполнения.

Когда же приходит день возвышения, он — уже взрослый. Он занимается лишь той работой, к которой его готовили и по выполнении коей может покидать Цитадель, даже получая деньги из свободных фондов на развлечения за ее пределами. Если же он когда-нибудь возвысится до звания мастера (каковая честь требует единогласного решения всех живых мастеров), то сможет выбирать работу по собственному вкусу и интересу, а также получит право непосредственного участия в решении гильдейских дел.

Но не следует забывать, что в тот год, о котором я пишу сейчас, в год, когда я спас жизнь Водалуса, я не сознавал всего этого. Зима (как мне сказали) временно прекратила сражения на севере; таким образом, Автарх со своими советниками и высшими чиновниками вернулись и возобновили отправление судебных дел.

— Значит, — объяснил Рош, — предстоит работа со всеми новоприбывшими пациентами. И

ожидаются еще — дюжины, если не сотни. Может, придется даже снова открывать четвертый этаж.

Взмах его веснушчатой руки означал, что уж он-то, по крайней мере, готов сделать все, что потребуется.

— Так он здесь? — спросил я. — Сам Автарх — здесь, в Цитадели? В Башне Величия?

— Конечно, нет. Если и приедет — ты уж всяко узнаешь, верно? Тут же пойдут парады, инспекции и все такое прочее. Да, в Башне Величия для него имеются покои, но двери их не отпирались сотню лет. А Автарх — в тайном дворце, в Обители Абсолюта, где-то к северу от города.

— И ты не знаешь, где это? — Рош ощетинился:

— Как я могу сказать, в каком он месте, если там нет ничего, кроме самой Обители Абсолюта? Стоит на своем месте. На том берегу, дальше к северу.

— За Стеной?

Мое невежество заставило Роша улыбнуться.

— Далеко за Стеной. Идти пешком — выйдет не одна неделя. Автарх-то, конечно, если захочет, может вмиг домчаться сюда на флайере. На Флаг-Башню приземлится.

Однако наши новые пациенты прибывали вовсе не на флайерах. Тех, кто попроще, пригоняли в

связках по десять-двадцать человек, в цепях, продетых сквозь кольца ошейников. Таких охраняли димархии, бойцы, как на подбор, крепко сбитые, в простых, предельно практичных доспехах. Каждый пациент имел при себе медный цилиндрический футляр с личными документами и, таким образом, нес в своих руках собственную судьбу. Конечно же, все они срывали с футляров печати и читали те бумаги; некоторые пробовали уничтожать их или меняться друг с другом. Прибывших без документов держали до получения относительно их дальнейших указаний, причем некоторые за время ожидания умирали естественной смертью. Те, кто менялся бумагами, менялись судьбами; сидели в темнице или выходили на волю, подвергались пыткам либо казни вместо других.

Тех, кто поважнее, привозили в бронированных каретах. Стальные борта и обрешеченные окна этих экипажей служили не столько для предотвращения побегов, сколько для того, чтобы помешать отбить заключенного силой. И еще прежде, чем такая карета с грохотом обогнет восточную стену Башни Ведьм и въедет на Старое Подворье, вся гильдия бывала полна слухами о дерзких нападениях, инспирированных либо

возглавленных лично Водалусом: все мои товарищи-ученики и большая часть подмастерьев были уверены, будто почти все эти пациенты — его приспешники, сообщники и союзники. Но я не стал бы освобождать их из этих соображений — такое навлекло бы на гильдию бесчестье. При всей моей преданности Водалусу и его движению, я не готов был предать гильдию — да и не имел возможности сделать это. Надеялся лишь, что смогу в меру сил скрасить заключение тем, кого полагал своими товарищами по оружию, — добавлять еды с подносов менее достойных пациентов или подбрасывать украденные на кухне кусочки мяса.

Однажды (день тогда выдался на редкость шумный) мне представилась возможность выяснить, кем были все эти люди. Я драил полы в кабинете мастера Гурло; выйдя по какому-то делу, он оставил на столе груду только что присланных досье. Едва за ним захлопнулась дверь, я поспешил к столу и успел просмотреть большую часть бумаг прежде, чем с лестницы вновь донеслись его тяжелые шаги. Ни один — ни один — из заключенных, в чьи бумаги мне удалось заглянуть, не имел к Водалусу никакого отношения. Все они оказались торговцами, попытавшимися на-

житься на армейских поставках, маркитантами, шпионившими в пользу асциан, либо просто презренными уголовниками разных мастей. Ничем более…

Относя ведро к каменному сливу на Старом Подворье, я увидел одну из таких бронированных карет, только что прибывшую. Над упряжкой курился пар, охранники в шлемах, утепленных мехом, робко разбирали наше традиционное угощение — дымящиеся кубки с подогретым вином. Я уловил было краем уха имя Водалуса, но никто, кроме меня, казалось, не обратил на него внимания, и мне внезапно почудилось, будто Водалус — лишь фантом, сотканный моим воображением из тумана и сумрака, а реален только человек, которого я зарубил его же собственным топором. И только что переворошенные досье будто хлестнули меня по лицу, как сухие листья, поднятые бурей с земли.

В тот миг смущения я впервые осознал себя в какой-то мере безумным — и могу смело утверждать, что это был самый ужасный миг в моей жизни. Я часто лгал мастеру Гурло с мастером Палаэмоном, и мастеру Мальрубиусу, когда тот еще был жив, и Дротту, поскольку он был капитаном учеников, и Рощу, который был старше меня и

сильнее, и Эате с прочими младшими учениками, надеясь внушить почтение к себе. И теперь я больше не мог сказать наверняка, не лжет ли мне самому мое собственное сознание; все мои выдумки вернулись ко мне, и я, помнящий все до единой мелочи, больше не мог быть уверен, что все эти воспоминания — нечто большее, чем пустые мечты. Я помнил лицо Водалуса в лунном свете — но ведь я хотел вспомнить его! Я помнил его голос и разговор с ним — но ведь я хотел снова услышать его и ту прекрасную женщину!

Вскоре, одной стылой ночью, я снова пробрался в мавзолей, чтобы взглянуть на свой хризос. И усталое, безмятежное, бесполое лицо на его аверсе вовсе не было лицом Водалуса.

Глава 4
Трискепь

Я нашел его, когда, наказанный за какую-то мелкую провинность, очищал ото льда замерзший сток в том месте, куда блюстители Медвежьей Башни выбрасывают «отходы производства» — трупы растерзанных, погибших в процессе дрессировки животных. Наша гильдия хоронит своих умерших под стеной, а пациентов — в нижней части некрополя; а вот блюстители Медвежьей Башни оставляют своих на попечение посторонних. Из всех, лежавших там, он был самым маленьким.

Бывают в жизни такие события, которые ничего не меняют. Урс обращает свое старушечье лицо к солнцу, и солнечный луч заставляет ее снега сверкать и искриться, так что любая сосулька, свисающая с башенного карниза, кажется Когтем Миротворца, драгоценнейшим из самоцветов. И все, кроме самых мудрых, верят, будто снег стает и уступит дорогу долгому, нежданному лету.

Но — не тут-то было. Солнечный рай продолжается стражу или две, затем на снег ложатся

голубые, словно разбавленное водой молоко, тени, колеблются, пляшут в токах восточного ветра… Наступает ночь и ставит все на свои места.

Так же было и с моей находкой, Трискелем. Я чувствовал, что это может — и должно — переменить все, однако то был лишь эпизод длиною в несколько месяцев. Когда с его уходом все кончилось, зима вновь сделалась обычной зимой, после которой, как всегда, наступил день Святой Катарины, и все осталось по-прежнему. Если бы я только мог описать, как жалко он выглядел, когда я коснулся его, и как обрадовался он моему прикосновению!..

Весь окровавленный, он лежал на боку. Кровь на морозе застыла, точно смола, и оставалась ярко-красной — холод предотвратил свертывание. И я — сам не знаю, зачем — положил ему руку на голову. Он, хоть и выглядел таким же мертвым, как и все остальные, открыл глаз и взглянул на меня, и во взгляде его ясно читалась уверенность, что все худшее — позади. Я сделал свое дело — словно говорил его взгляд, — родился и выполнил все, что смог; теперь же — твой черед выполнять свои обязанности передо мной.

Случись все это летом, я бы, пожалуй, оставил его умирать. Но я уже довольно давно не видел ни

единого зверя, даже какого-нибудь тилакодона, питающегося отбросами. Я снова погладил его, и он лизнул мою руку, после чего я уже никак не мог просто повернуться и уйти.

Я взял его на руки (он оказался удивительно тяжел) и огляделся, стараясь сообразить, что с ним делать. Конечно, в нашем дортуаре его обнаружили бы прежде, чем свеча сгорит на толщину мизинца. Да, Цитадель неизмеримо велика и сложна, в башнях ее, в коридорах, в постройках меж башен и проложенных под ними галереях имелось множество мест, куда не забредал никто. И все же я не мог припомнить ни одного такого места, куда мог бы добраться, не попавшись с десяток раз кому-нибудь на глаза. В конце концов я отнес бедную зверюгу в наши собственные гильдейские квартиры.

Здесь требовалось как-то протащить его мимо подмастерья, стоявшего на часах у верхней площадки лестницы, ведущей вниз, к темницам. Вначале мне пришло в голову уложить Трискеля в одну из корзин, в которых пациентам доставляют чистое белье. День как раз был банно-прачечным, и мне не составило бы труда сделать одним рейсом больше, чем нужно. Вероятность того, что охранник-подмастерье заметит неладное,

казалась весьма маленькой, но мне пришлось бы стражу с лишком ждать, пока высохнет очередная партия льняных простыней, да к тому же брат, стоявший на посту на площадке третьего яруса, обязательно увидел бы, как я спускаюсь на необитаемый четвертый.

Поэтому я оставил пса в комнате для допросов — он все равно был слишком слаб, чтобы двигаться — и предложил охраннику с верхней площадки подежурить вместо него. Он только обрадовался возможности малость отдохнуть и тут же отдал мне палаческий меч с широким клинком (которого я теоретически не должен был даже касаться) и плащ цвета сажи (который мне было запрещено носить, хоть я уже успел перерасти многих подмастерьев), так что издали подмены не заметил бы никто. Стоило ему уйти, я закрыл лицо капюшоном, поставил меч в угол и поспешил к своему псу. Плащи нашей гильдии отличаются свободным покроем, а доставшийся мне оказался еще шире прочих — брат, носивший его, был широк в кости. Более того — цвет сажи чернее всех прочих оттенков черного и потому превосходно скрывает от стороннего взгляда все складки и сборки, превращая ткань в бесформенный сгусток тьмы. Скрыв лицо под

капюшоном, я предстал бы перед подмастерьями, дежурившими на третьем ярусе (если бы они вообще обернулись к лестнице и заметили меня), как обычный — разве что пополнее большинства прочих — брат-гильдеец, спускающийся вниз. Учитывая все слухи, будто четвертый ярус снова собираются заселить пациентами, даже брат, дежурящий на третьем, где держат пациентов, полностью лишившихся рассудка, воющих и гремящих цепями, ничего не заподозрит при виде спускающегося вниз подмастерья и неусмотрит ничего особенного в том, что вскоре после того, как он вернется, на четвертый спустится ученик. Все будет выглядеть так, будто подмастерье что-то забыл на четвертом ярусе и послал ученика принести…

Место там не слишком располагало к себе. Примерно половина древних светильников еще горела, однако пол коридоров был покрыт слоем ила — кое-где едва не в руку толщиной. Стол дежурного охранника стоял там, где был оставлен, может быть, две сотни лет назад, но древесина прогнила насквозь, и вся конструкция рассыпалась бы при первом же прикосновении.

Но вода здесь не поднималась высоко, а в дальнем конце выбранного мной коридора не было

даже ила. Уложив пса на пациентскую кровать, я как мог вымыл его при помощи губок, захваченных в комнате для допросов.

Мех его под коркой запекшейся крови был коротким и жестким, рыжевато-коричневого цвета. Хвост был обрезан так коротко, что толщиной своей превосходил длину. Уши, обрубленные почти начисто, были не длиннее первого сустава большого пальца. Грудь ему здорово раскроили в последней схватке — мощные мускулы торчали наружу клубком сонных змей. Правой передней лапы не было вовсе: если что и оставалось — было размолото в кашу. Я как сумел зашил рану в груди и отрезал поврежденную лапу, после чего она снова начала кровоточить. Найдя артерию, я перевязал ее и подвернул шкуру, как учил нас мастер Палаэмон. Получилась замечательная культя.

Трискель время от времени лизал мою руку, а стоило мне наложить последний стежок, принялся облизывать культю, словно он — медведь и может высосать из культи новую лапу. Челюсти его были огромны, как у арктотера, а клыки — длиннее моего среднего пальца, вот только десны совсем побелели; в челюстях осталось не больше силы, чем в руках скелета. Взгляд его желтых глаз

был исполнен чистого, несомненного безумия.

В тот вечер я поменялся обязанностями с парнем, которому предстояло нести пациентам еду. От них всегда оставалось — некоторые пациенты не едят вовсе, и два оставшихся подноса я понес Трискелю, гадая, жив ли он до сих пор.

Он был жив. Он даже ухитрился выбраться из кровати и подползти (ходить пока не мог) к кромке ила, где скопилось немного воды. Там я и нашел его.

На подносах были суп, черный хлеб и два графина воды. Он вылакал миску супа, но, попробовав скормить ему хлеб, я обнаружил, что пес не в силах как следует разжевать его. Тогда я накрошил хлеба во вторую миску с супом, а после подливал в нее воды, пока оба графина не опустели.

Уже лежа в койке, почти на самом верху нашей башни, я все думал, будто слышу, как трудно ему дышать. Несколько раз даже садился и прислушивался, но звук всякий раз пропадал, чтобы вернуться, едва я снова коснусь головой подушки. Быть может, это было лишь биением моего собственного сердца. Да, найди я Трискеля годом-двумя раньше, он стал бы для меня божеством. Я обязательно рассказал бы о нем Дротту и всем остальным, и он сделался бы божеством для всех

нас. Ныне я воспринимал его как есть — как несчастного, больного зверя. И не мог допустить его смерти — это подорвало бы мою веру в самого себя. Я был (если уже был) взрослым так недолго, что не мог вынести мысли о том, насколько я взрослый не похож на себя в бытность мальчишкой. Я помнил каждое мгновение прошлой жизни, любую мимолетную мысль, взгляд или сон. Судите сами — легко ли мне было разрушать свое прошлое? Поднеся кисти рук к лицу, я попробовал разглядеть их, хотя и без этого знал, что на тыльной стороне ладоней набухли, выступили вены. А это — признак зрелости.

Во сне я снова отправился на четвертый ярус повидаться со своим огромным другом. Из раскрытой пасти его капала слюна. Он говорил со мной.

На следующее утро я снова понес пациентам еду и снова украл кое-что для пса, хоть и надеялся, что он умер. Но он и не думал умирать. Он поднял морду и, казалось, улыбнулся во всю свою широченную — будто голова вот-вот развалится на две половинки — пасть. Однако вставать не пытался. Я накормил его и, уже уходя, вдруг ощутил пронзительную жалость к нему, попавшему в такое плачевное положение. Он полностью зависел от

меня. От меня! Им дорожили; его тренировали, точно бегуна перед гонками; походка его была исполнена гордости, и огромную, шириной в человечью, грудь несли вперед мощные, точно колонны, лапы… Теперь он жил, словно призрак. Самое имя его было смыто его же собственной кровью. Улучив удобный момент, я наведался в Медвежью Башню и постарался завести дружбу с тамошними. Они (принадлежали к своей собственной гильдии, которая, хоть и была поменьше нашей, обладала не менее обширным знанием. Схожесть наших знаний (хотя я, конечно, и не пытался проникнуть в секреты их мастерства) изумила меня. Оказалось, что у них при возвышении в мастера кандидат стоит под металлической решеткой, на которую выпускают истекающего кровью быка, а в определенный период жизни каждый из братьев берет в жены львицу либо медведицу и после этого смотреть не хочет на обычных женщин…

Все это — к тому, что их взаимосвязь со зверями почти такова же, как наша — с пациентами. Надо заметить — как далеко ни уходил я от нашей башни, все, сколько их ни есть, ремесленные сообщества повторяют устройство нашей гильдии, словно зеркала отца Инира в Обители Абсолюта,

что отражаются одно в другом. Выходит, все они — такие же, как и мы, палачи. У нас — пациенты, у охотника — дичь, у купца — покупатель, у солдата — враги Содружества, у правителя — подданные, у женщин — мужчины… Все любят то, что разрушают.

Прошла неделя с того дня, как я принес Трискеля в башню, и, спустившись к нему в очередной раз, я нашел лишь следы его лап в иле. Я пошел по следам. Если бы он добрался до лестницы, один из дежурных подмастерьев наверняка упомянул бы о нем. Вскоре след привел меня к двери, за которой оказалась прорва темных и совершенно незнакомых мне коридоров. В темноте я не мог разглядеть следов, но все равно шел вперед, надеясь, что пес учует мой запах в застоявшемся воздухе и придет ко мне.

А потом я уже заблудился и продолжал идти вперед только потому, что не знал, как вернуться назад.

Я не имел возможности выяснить, насколько древни эти подземелья. Подозреваю лишь (сам не знаю, отчего), что древностью они превосходят самую Цитадель. Последняя принадлежит к концу той эпохи, когда стремление к чужим звездам еще жило в нас, хотя практика полетов

к ним угасала, точно очаг, в который забыли подкинуть дров. Из этой эпохи, за давностью лет, не сохранилось ни единого имени, однако мы еще помним ее. А предваряли ее, должно быть, другие, полностью забытые времена — времена стремления уйти под землю, эпоха сумрачных, тесных коридоров.

Как бы там ни было, мне сделалось страшно в этих коридорах. Я пустился бегом, порой натыкаясь на стены; наконец, увидел впереди пятнышко бледного дневного света и вскоре выбрался наружу сквозь отверстие, в которое едва-едва протиснул голову и плечи.

Оказавшись на свободе, я увидел, что забрался на обледенелый пьедестал одного из тех древних многогранных циферблатов, каждая из многочисленных граней которых обозначает свой час. Потолок туннеля под ним просел от времени, и циферблат накренился так, словно сам сделался гномоном, чья тень вычерчивала течение короткого зимнего дня на белом, ровном снегу…

Летом здесь явно был сад, но не такой, как у нас в некрополе, с полудикими деревьями и лужайками на пологом склоне. Здесь в расставленных на мозаичной мостовой вазонах цвели розы, а вдоль стен, огораживавших двор, стояли

скульптуры, изображавшие зверей, смотревших в сторону солнечных часов. Здесь были неуклюжие барилямбды; цари среди зверей, арктотеры; глиптодоны; смилодоны с клыками-саблями… Все статуи припорошил снег. Я огляделся в поисках следов Трискеля, но он не забегал сюда.

В стенах, огораживавших двор, имелись узкие, высокие окна, но за ними не было видно ни света, ни движения. Над стенами со всех сторон высились островерхие башни — значит, я не вышел из Цитадели, а, наоборот, забрался в самое ее сердце, где никогда прежде не бывал.

Трясясь от холода, я подошел к ближайшей двери и постучал. Было ясно, что в туннелях я могу бродить вечно, но так и не найду еще одного выхода наверх. В крайнем случае лучше разбить одно из окон, чем снова спускаться под землю…

Изнутри, сколько я ни стучал, не доносилось ни звука.

Пожалуй, ощущение того, что за тобой наблюдают, невозможно описать. Некоторые говорят, что при этом волосы на затылке встают дыбом либо кажется, словно где-то рядом парят в воздухе чьи-то глаза. Но со мной так не бывало ни разу. Было что-то наподобие беспричинного смущения вкупе с чувством, что нельзя оглядываться назад,

так как реагировать на призывы беспочвенных предчувствий — глупо… Но оглянуться все же рано или поздно приходится. И я, наконец, оглянулся, испытывая смутное впечатление, будто кто-то вылез из дыры у основания солнечных часов следом за мной.

Однако вместо этого я увидел молодую женщину, закутанную в меха. Она стояла у двери на противоположной стороне двора. Я помахал рукой и поспешно (так как жутко замерз) зашагал к ней. Она тоже двинулась вперед, и мы встретились у дальнего края циферблата. Она спросила, кто я такой и что здесь делаю, и я объяснился как мог. Лицо ее, обрамленное мехом капюшона, было прекрасно, а сам капюшон, и пальто, и подбитые мехом сапожки выглядели мягкими и теплыми, и потому я, говоря с ней, никак не мог забыть, что на мне — заплатанные штаны и рубаха, а ноги перепачканы илом.

Ее звали Валерией.

— У нас нет твоего пса, — сказала она, выслушав меня. — Можешь поискать, если не веришь.

— Нет, я ничего такого не думал. Я только хотел бы вернуться к себе, обратно в Башню Сообразности, не спускаясь снова под землю.

— Ты очень храбрый. Я с детства помню эту ды-

ру, но никогда не отваживалась забраться в нее.

— Можно мне войти? — попросил я. — То есть — туда, в дом.

Она отворила дверь, через которую вышла во двор, и ввела меня в комнату с драпированными стенами и высокими старинными креслами, казалось, так же прочно стоявшими на своих местах, как и статуи в скованном морозом дворе. В камине горел огонек. Мы подошли к камину, и Валерия начала снимать пальто, а я протянул озябшие руки к огню.

— Разве там, под землей, не было холодно?

— Теплее, чем снаружи. Кроме того, я бежал, да и ветра там не было.

— Понимаю. Как странно, что эти туннели ведут сюда, в Атриум Времени…

На вид она была младше меня, но из-за прекрасного платья старинного фасона и темных волос, отбрасывавших тень на лицо, временами казалась старше мастера Палаэмона, обитателя забытого прошлого.

— Как ты сказала? Атриум Времени? Наверное, это — из-за солнечных часов.

— Нет, это часы поставили здесь из-за названия. Ты любишь древние языки? На них есть много красивых высказываний. Вот:

Lux del vitae viam monstrat.

Это значит:

«Луч Нового Солнца освещает путь жизни».

Или:

Felicibus brevis, miseris hora longa.

«Люди ждут счастья долго».

Aspice ut aspiciar…

Я смутился. Пришлось признаться, что я не знаю ни одного языка, кроме того, на котором мы говорим, — да и то не очень.

Прежде чем я ушел, мы проболтали целую стражу — и даже больше. Я узнал, что семья Валерии всегда жила в этих башнях — сначала они ждали в надежде покинуть Урс вместе с автархом той эпохи, а после — просто потому, что ничего, кроме ожидания, им не осталось. Из ее семьи вышли многие кастеляны Цитадели, но последний из них умер много поколений тому назад; семья обеднела, и башни их теперь лежали в руинах. Валерия ни разу не поднималась выше первого этажа.

— Некоторые из башен долговечнее прочих, — сказал я на это. — Вот Башня Ведьм — тоже вся прогнила изнутри…

— А разве такая действительно есть? Няня рассказывала о ней, когда я была маленькой, чтобы

попугать, — но я думала, это только сказки… И будто бы есть еще Башня Мук. Всякий, кто попадет в нее, умирает в страшных мучениях.

Я сказал, что последнее — уж наверняка сказки.

— Мне гораздо более сказочными кажутся дни величия наших башен, — ответила Валерия. — Теперь никто из нашей семьи не защищает Содружество с мечом в руке, и наших заложников нет в Кладезе Орхидей…

— Возможно, кого-нибудь из твоих сестер скоро призовут туда.

Мне почему-то не хотелось думать, что Валерия отправится в Кладезь Орхидей сама.

— Все мои сестры — это я сама, — ответила она. — И все братья — тоже.

Старый слуга принес нам чай и мелкое, твердое печенье. Чай — не настоящий, а матэ с севера, каким мы из-за его дешевизны иногда поим пациентов.

— Видишь, — улыбнулась Валерия, — ты нашел здесь тепло и уют. Ты тревожишься о своей собаке, потому что она хрома. Но и пес мог где-нибудь найти гостеприимство! Если его полюбил ты, то может полюбить и кто-нибудь другой! А ты, если полюбил его, полюбишь и другого…

Я согласился, но про себя подумал, что никогда больше не заведу себе собаки. И это оказалось правдой.

Я не видел Трискеля почти неделю. А потом однажды нес в барбикен письмо, и он, хромая, подбежал ко мне. Выучился бегать без четвертой ноги, держа равновесие, как акробат, стоящий на руках на гладкой поверхности шара.

После этого, пока не стаял снег, я видел его раз или два в месяц. Я так и не узнал, кто кормил его и заботился о нем. Но вспоминать о том, что этот кто-то по весне забрал его с собой — быть может, на север, к палаточным городам и сражениям на горных перевалах, — почему-то приятно до сих пор.

Глава 5
Чистильщик картин и прочие

День Святой Катарины для нашей гильдии — величайший из праздников. В этот день мы вспоминаем все, что унаследовали от прошлых времен, в этот день подмастерья становятся мастерами (если вообще становятся ими когда-либо), а ученики — подмастерьями. Описание церемониала я отложу до тех пор, когда представится случай рассказать о моем собственном возвышении; в год же, о котором я пишу сейчас, в год схватки на краю могилы, до подмастерьев возвысились Дротт и Рош, а я стал капитаном учеников.

Вся тяжесть этой должности легла на меня только тогда, когда ритуал почти завершился. Я сидел в разрушенной часовне, наслаждаясь окружавшим меня великолепием, и вдруг (с тем же удовольствием, с каким воспринимал весь церемониал) понял, что по завершении праздника стану старшим над всеми учениками.

Однако постепенно мной овладевало беспокойство. Настроение испортилось прежде, чем я

осознал это, а бремя ответственности — согнуло еще до того, как я до конца понял, что оно возложено на меня. Я вспомнил, как трудно было Дротту поддерживать среди нас порядок. Теперь на его месте — я сам, но без его силы и без помощника, сверстника-лейтенанта, каким для него был Рош…

Последние ноты финального гимна смолкли, мастер Гурло с мастером Палаэмоном в шитых золотом масках величаво покинули часовню, и старшие подмастерья подняли на плечи Дротта с Рошем, новоиспеченных подмастерьев (уже путавшихся в висящих на поясах ташках с принадлежностями для фейерверка, который должны были устраивать снаружи). К этому времени я взял себя в руки и даже успел разработать предварительный план действий.

Мы, ученики, прислуживали за праздничными столами, и специально для этого нам перед празднеством выдавалась относительно новая и чистая одежда. Сразу после того, как разорвалась последняя шутиха, а Башня Величия (ежегодный жест доброй воли) сотрясла небо из самого крупного калибра, я согнал своих подчиненных — уже (хотя мне, может быть, просто показалось) поглядывавших на меня с затаенной злобой — в

дортуар, закрыл дверь и задвинул ее койкой.

После меня самым старшим был Эата, с которым я, к счастью, был дружен достаточно, чтобы он ничего не заподозрил прежде, чем сопротивляться станет слишком поздно. Взяв его за горло, я раз пять приложил его головой о переборку, а после подсечкой сбил с ног.

— Ну, — спросил я, — будешь моим помощником? Отвечай!

Говорить он не мог и поэтому утвердительно кивнул.

— Хорошо. Я беру Тимона, а ты — следующего по силе. За время, достаточное для сотни довольно быстрых вдохов-выдохов, ученики были приведены в подчинение. Прошло три недели, прежде чем кто-то осмелился выказать неповиновение, да и после не было никаких массовых бунтов — вообще ничего серьезнее попыток увильнуть от работы.

Капитанская должность подразумевала не только новые функции, но и личную свободу, какой я не пользовался никогда прежде. Именно я следил за тем, чтобы дежурным подмастерьям доставляли еду горячей, и командовал мальчишками, пыхтевшими под штабелями подносов, предназначенных для пациентов. Именно я рас-

ставлял своих подчиненных по местам в кухне и помогал им лучше усваивать уроки в классной; меня даже порой привлекали к гильдейским делам и посылали с письмами в отдаленные части Цитадели. Таким образом, я вскоре познакомился со всеми ее главными артериями и побывал во многих редко посещаемых местах — в зернохранилище с полными закромами и демоническими кошками; на выметенных ветром зубчатых стенах, возвышающихся над грязными, гнилыми трущобами; и в огромном зале пинакотеки со сводчатым потолком, каменным, выстеленным коврами полом и арками, ведущими в анфилады комнат, как и сам зал, увешанных бесчисленными картинами.

Многие из этих картин так потемнели от времени и копоти светильников, что я ничего не мог разобрать. Значение некоторых других было просто непонятно — кружащийся в танце человек, к плечам которого будто бы присосались длинные пиявки; женщина, безмолвно склонившаяся над посмертной маской и сжимающая в руке кинжал с двумя лезвиями… Однажды, отшагав около лиги среди этих загадочных картин, я увидел старика, пристроившегося на верхней перекладине высокой стремянки. Хотел было спросить дорогу,

но старик так увлекся работой, что я не решился беспокоить его.

На картине, которую он очищал от копоти, был изображен человек в доспехах на фоне пустынной земли, безоружный, сжимающий в руках древко странного, будто застывшего в воздухе, знамени. В золотом забрале его шлема, глухом, без каких-либо прорезей для обзора или вентиляции, отражалось смертоносное солнце пустыни и больше ничего.

Этот воин из мертвого мира произвел на меня глубочайшее впечатление, хоть я и не мог бы сказать, что именно чувствовал, глядя на него. Отчего-то захотелось снять картину со стены и унести — нет, не в некрополь, но в один из тех горных лесов, образ которых (я уже тогда понимал это), поэтизированный и извращенный, был воплощен в нем. Такое полотно должно было стоять среди деревьев, на мягкой, зеленой траве…

— …и все они сбежали, — сказал кто-то за моей спиной. — Добился своего этот Водалус.

— А ты что здесь делаешь?! — зарычал другой голос. Обернувшись, я увидел двоих армигеров, очень — настолько, насколько позволяла им смелость — похожих одеждой на экзультантов.

— У меня — дело к архивариусу, — ответил я,

выставив напоказ конверт.

— Хорошо, — сказал армигер, первым заговоривший со мной. — Тебе известно, где расположены архивы?

— Я как раз собирался спросить, сьер.

— Если так, ты — неподходящий гонец для доставки письма. Дай его сюда; я перешлю с пажом.

— Невозможно, сьер. Я получил приказ.

— Оставь, Рахо, — вмешался другой армигер. — Не будь так строг к молодому человеку.

— Ты ведь не знаешь, кто он таков, верно?

— А ты — знаешь?

Армигер по имени Рахо кивнул.

— Скажи-ка, гонец, откуда ты послан?

— Из Башни Сообразности. От мастера Гурло к архивариусу.

Лицо другого армигера окаменело.

— Значит, ты — палач.

— Пока — всего лишь ученик, сьер.

— Тогда понятно, отчего моему другу хочется, чтобы ты убрался с глаз долой. Ступай по галерее и сверни в третью дверь направо. Пройдешь сотню шагов, поднимешься по лестнице на следующий этаж; пойдешь на юг до двустворчатой двери в конце коридора.

— Спасибо.

Я сделал было шаг в указанном направлении.

— Подожди. Если пойдешь сейчас, мы будем обязаны сопровождать тебя.

— Ну нет уж, — сказал Рахо. — Мне такого счастья не требуется.

Остановившись и опершись на перекладину стремянки, я подождал, пока они свернут за угол.

Точно один из тех бесплотных покровителей, что порой обращаются к нам во сне с облаков, старик заговорил:

— Значит, палач? Не бывал, не бывал у вас… — Слабыми, близорукими глазами он здорово напоминал черепаху из тех, что мы порой ловили на отмелях Гьолла; тем более что нос с подбородком тоже подходили как нельзя лучше.

— Желаю не попадать к нам и впредь, вежливо ответил я.

— Теперь-то уже нечего бояться. Что вы можете сделать с таким стариком? Сердчишко остановится вмиг! — Бросив губку в ведро, он беззвучно прищелкнул пальцами. — Однако я знаю, где это. Где-то за Башней Ведьм, верно?

— Да, — подтвердил я, слегка удивившись тому, что ведьм знают лучше, чем нас.

— Так я и думал. Хотя о вас обычно не говорят. Ты зол на этих двоих армигеров, и я тебя понимаю. Но и ты должен их понять: они — совсем как экзультанты, только все же не экзультанты. Боятся смерти, боятся боли, всего-то они боятся… Тяжелая у них жизнь.

— Так пусть покончат с ней, — сказал я. — Водалус им охотно поможет. Они — всего лишь пережиток давно ушедших эпох. Какая от них теперь польза миру?

Старик склонил голову набок.

— Вот как? А какая польза для мира была от них прежде? Ты можешь сказать?

Я сознался, что не могу. Тогда он слез со стремянки вниз. Длинные — не меньше моей ноги — руки, скрюченные пальцы которых бугрились синеватыми венами, и морщинистая шея делали его очень похожим на состарившуюся обезьяну.

— Я — Рудезинд, смотритель музея. Похоже, ты знаком со старым Ультаном, верно? Хотя — нет, конечно же, нет; тогда бы ты знал дорогу в библиотеку…

— Я никогда прежде не бывал в этой части Цитадели.

— Никогда? Но ведь это лучшая ее часть — живопись, музыка, книги…У нас есть Фехин — три

девушки, убирающие цветами четвертую, и цветы — прямо-таки живые, даже ждешь, что из какого-нибудь вот-вот выберется пчела… Есть у нас и Куартильоза. Он теперь непопулярен, иначе бы его здесь не было. Однако он-с самого дня своего рождения — был рисовальщиком куда лучшим, чем те мазилки и пачкуны, за которыми гоняется нынешняя публика. Здесь, понимаешь ли, собрано все то, от чего отказалась Обитель Абсолюта. Это означает всех стариков, а они-то, в большинстве своем, и есть лучшие. Прибывают к нам — грязнющие от долгого висения, а я чищу их. Порой чищу и по второму разу — уже после того, как повисят здесь некоторое время. Подумать только — подлинный Фехин!.. Или взять хоть эту. Нравится она тебе?

Признание, похоже, не сулило недоброго.

— Ее я чищу в третий раз. Когда она поступила, я был учеником старого Бранвалладера, он обучал меня чистке полотен. И начал вот с этого, сказав, что оно все равно ничего не стоит. Начал вот с этого уголка, вычистил кусочек размером в твою ладонь и отдал мне, а уж я чистил дальше. Второй раз был еще при жизни моей жены, сразу после рождения нашей второй дочки. Картина тогда еще не так уж закоптилась — просто одо-

лели меня тяжелые мысли, хотелось чем-нибудь заняться… А вот сегодня взялся чистить ее снова. Она в этом нуждается — видишь, насколько ярче здесь краски? Ваш голубой Урс снова виден над его плечом, свеженький, точно рыбка для Автарха…

Все это время имя Водалуса эхом перекатывалось в моей голове. Я был уверен, что старик спустился со стремянки только потому, что я упомянул о нем. Хотелось расспросить старика о Водалусе, но никак не мог найти зацепки для поворота беседы в нужное русло. Когда молчание слегка затянулось, я, боясь, что старик снова взберется наверх и продолжит чистку, смог только спросить:

— А это — луна? Мне говорили, она — плодороднее…

— Теперь-то — да. А эта картина была написана до того, как там устроили ирригацию. Видишь коричневато-серый оттенок? Именно такой была луна в то время. Не зеленой, как сейчас. И не такой большой, потому что до нее было дальше — так говаривал старый Бранвалладер. А теперь на ней деревьев хватит, чтобы, как говорится, спрятать самого Ниламмона.

Этой возможности я не упустил.

— Или Водалуса. — Рудезинд кашлянул.

— Верно, или его… Ваши-то, небось, руки потирают, поджидая его? Уже и что-нибудь особенное изобрели?

Если у гильдии и имелись особые процедуры для определенных лиц, мне о таковых ничего не было известно. Однако я постарался скроить многозначительную мину и ответил:

— Мы подумаем.

— Уж вы-то придумаете, это верно. Хотя совсем недавно я считал, что ты — за него… В любом случае, если он спрятался в Лунных Лесах, придется тебе малость повременить… — С явным удовольствием окинув взглядом картину, Рудезинд снова обратился ко мне. — Я и позабыл — ты же хотел видеть нашего мастера Ультана. Стало быть, пройди обратно под ту арку, откуда пришел…

— Я знаю дорогу, — сказал я. — Тот армигер указал… Старый смотритель отмел эти объяснения единственным горьким вздохом.

— Если пойдешь, как он объяснил, попадешь только в Читальный Зал. Оттуда ты будешь добираться до Ультана целую стражу, если вообще доберешься. Ступай обратно, до самого конца того зала. Там спустишься по лестнице и увидишь дверь. Дверь заперта — стучи, пока кто-нибудь не

откроет. Это будет нижний ярус книгохранилища; Ультанов кабинет — там.

Запертая дверь не очень-то пришлась мне по вкусу, но старик не спускал с меня глаз, и мне пришлось последовать его совету. Спускаясь по лестнице, я подумал, что, может быть, приближаюсь к тем самым подземельям, где заблудился в поисках Трискеля.

В целом я чувствовал себя далеко не так уверенно, как в знакомых частях Цитадели. Я уже знал, что приезжих до глубины души поражает ее величина, и все же Цитадель — лишь малая часть раскинувшегося вокруг города, и когда мы, выросшие за ее серыми каменными стенами и заучившие около сотни ориентиров, необходимых, чтобы не заплутать, оказываемся в незнакомом месте, эти знания только сбивают с толку.

Так и случилось со мной, стоило лишь ступить под арку, указанную стариком. Арка, как и все остальные, была сложена из матово-красного кирпича, но опиралась на две колонны, капители которых изображали лица спящих. Их безмолвные уста и бледные сомкнутые веки показались мне куда ужаснее масок боли, нарисованных на металлических стенах нашей башни.

На каждой картине в этом зале присутствовала

книга. Иногда книг было много, или они сразу бросались в глаза; некоторые картины приходилось долго разглядывать, чтобы заметить уголок переплета, выглядывающий из кармана женской юбки, или что на странно выписанный клубок вместо нити намотаны слова.

Ступени лестницы оказались крутыми и узкими. Перил не было вовсе. Уходя вниз, лестница закручивалась винтом, поэтому свет из зала перестал достигать меня уже шагов через тридцать. Чтобы не разбить голову, наткнувшись на дверь, пришлось выставить вперед руки и продвигаться ощупью.

Но пальцы мои не находили двери. Лестница просто внезапно кончилась, причем я едва не упал, ступив на несуществующую ступеньку. Оставалось лишь пробираться вперед по неровному полу и в абсолютной темноте.

— Кто здесь? — окликнули меня.

Голос звучал странно — словно кто-то ударил в колокол, висящий под сводом пещеры.

Глава 6
Мастер Архивариус

— Кто здесь? — эхом раскатилось во тьме.

— Я прислан с известием, — ответил я, стараясь не выказать страха.

— Что ж, я тебя слушаю.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и я смог различить очень большую темную фигуру, движущуюся ко мне.

— Это — письмо, сьер, — объяснил я. — Вы — мастер Ультан, архивариус?

— Не кто иной, как.

Он остановился передо мной. То, что я поначалу принял за какую-то светлую деталь одежды, оказалось седой бородой, доходившей ему до пояса. И, хоть я уже сравнялся ростом со многими из тех, кого считают взрослыми мужчинами, мастер Ультан был на целых полторы головы выше меня — настоящий экзультант!

— Тогда примите письмо, сьер, — сказал я, протягивая конверт.

Но он не взял письма.

— Чей ты ученик?

В голосе его вновь зазвучала колокольная бронза. Мне вдруг почудилось, что оба мы мертвы, тьма вокруг — кладбищенская земля, залепившая наши глаза, и колокол призывает нас в некий подземный храм. На светлом фоне бороды архивариуса будто бы появилось посиневшее лицо женщины, которую при мне вытаскивали из могилы…

— Чей ученик? — снова спросил архивариус.

— Ничей. То есть я — ученик гильдии, сьер. Письмо — от мастера Гурло, а обучает нас большей частью мастер Палаэмон.

— И явно — не грамматике…

Рука его медленно потянулась к конверту.

— Отчего; и грамматике тоже. — Я вдруг почувствовал себя совсем маленьким — этот человек был стариком уже тогда, когда я родился… — Мастер Палаэмон говорит, что мы должны уметь писать, читать и считать, потому что в свое время станем мастерами, и тогда нам придется вести переписку с канцеляриями судов, вести учет…

— И посылать учеников с письмами наподобие этого, — перебил меня архивариус.

— Да, сьер. Совершенно верно.

— Что же в нем написано?

— Не могу знать, сьер. Письмо запечатано.

— Если я распечатаю письмо… — Послышался негромкий треск крошащегося воска. — Ты сможешь прочесть его мне?

— Но здесь темно, сьер, — неуверенно сказал я.

— Тогда придется звать Киби. Извини… — Во мраке я едва мог разглядеть, как он, отвернувшись, приставил к губам сложенные раструбом ладони.

— Киби! Киби!!!

На этот раз голос архивариуса грохотал так, точно я оказался внутри колокола после того, как звонарь раскачал тяжелый язык.

Откуда-то издали донесся ответный крик. Некоторое время мы стояли молча.

Наконец в узком проходе меж двух (как мне тогда показалось) грубо отесанных каменных стен блеснул свет. К нам приближался плотно сбитый человек лет сорока, с плоским, бледным лицом и неестественно прямой осанкой. В руках он держал пятилапый подсвечник.

— Наконец-то, Киби, — проворчал архивариус. — Ты принес свет?

— Да, мастер. Кто это?

— Гонец с письмом. А это — мой ученик, Киби, — церемонно сказал мастер Ультан. — Кураторы также объединены в гильдию, к которой при-

надлежат и архивариусы. Я здесь единственный мастер-архивариус, а согласно нашим обычаям, у каждого ученика есть наставник из старших членов гильдии. Последнее время при мне состоит Киби.

Я сказал Киби, что считаю честью знакомство с ним, и — немного застенчиво — спросил, какой праздник гильдия кураторов считает своим. Подразумевалось, что Киби, без сомнения, видел великое множество этих празднеств, однако так и не был возвышен до подмастерья.

— В этом году он уже прошел, — ответил мастер Ультан. Говоря, он повернулся ко мне, и в свете свечей я увидел его прозрачные, водянистые глаза. — Ранней весной… Это прекрасный день. Именно в эту пору на деревьях обычно распускается новая листва…

На Большом Дворе не было ни единого дерева, но я кивнул — и тут же, сообразив, что он не видит меня, сказал:

— Да. И теплый весенний бриз…

— Совершенно верно. Ты пришелся мне по сердцу, юноша… — Рука куратора легла на мое плечо — я не мог не заметить, что его пальцы темны от пыли. — Вот и Киби — еще один юноша, пришедшийся мне по сердцу… После меня он

станет здесь главным библиотекарем. Знаешь, мы, кураторы, устраиваем шествие — по улице Юбар. Он шел рядом со мной, оба мы были одеты в серое… Кстати, каков цвет твоей гильдии?

— Цвет сажи, — ответил я. — Тот, что чернее черного.

— По обеим сторонам улицы Юбар и на эспланадах высятся тенистые дерева — дубы, сикоморы, каменные клены, утиные лапы… Говорят, это древнейшие деревья Урса. Лавочники выходят на порог посмотреть на мудрых кураторов, и, конечно же, книготорговцы с антикварами приветствуют нас. Наверное, мы в своем роде одна из весенних примет Нессуса.

— Наверное, все это — очень впечатляюще, — заметил я.

— В самом деле, в самом деле. И собор, к которому направляется наша процессия, тоже прекрасен. Частоколы свечей, сверкающих, словно отражение ночного солнца в глади морской. Шандалы из синего стекла, символизирующего Коготь. И мы, озаренные этим великолепием, свершаем ежегодный церемониал перед главным престолом… Скажи, ваша гильдия тоже устраивает шествие к собору?

Я объяснил, что мы пользуемся часовней в Ци-

тадели, и вслух удивился тому, что библиотекари с прочими кураторами покидают ее стены.

— По праву положения, видишь ли. Подобно самой библиотеке — верно, Киби?

— Воистину так, мастер.

Лоб Киби был высок и угловат; седеющие волосы заметно отступали к затылку, отчего лицо его казалось совсем маленьким и чуточку младенческим. Понятно, почему Ультану, наверняка время от времени проводившему пальцами по его лицу, как мастер Палаэмон — по моему, он до сих пор кажется мальчишкой…

— Значит, вы поддерживаете тесную связь со своими городскими коллегами, — сказал я. Старик огладил бороду.

— Теснейшую, так как мы — и есть они. Эта библиотека является и городской библиотекой, и, кстати, библиотекой Обители Абсолюта. И заодно многими другими…

— Выходит, всему этому городскому сброду разрешено приходить в Цитадель и пользоваться вашей библиотекой?!

— Нет, — отвечал Ультан. — Просто сама библиотека простирается за стены Цитадели. И, думаю, не она одна. Дело в том, что содержимое нашей крепости гораздо обширнее, чем она мо-

жет вместить.

С этими словами он взял меня за плечо и повел вдоль одного из длинных, узких проходов меж уходящих вверх полок с книгами. Киби последовал за нами, подняв подсвечник повыше — наверное, не столько ради меня, сколько для собственного удобства, однако и я мог видеть достаточно хорошо, чтобы не натыкаться на стеллажи из потемневшего от времени дуба.

— Глаза еще не подводят тебя, — сказал мастер Ультан через некоторое время. — Видишь ли ты что-нибудь впереди, в проходе?

— Нет, сьер.

Я и в самом деле не видел ничего. Колеблющееся пламя свечей выхватывало из темноты лишь бесчисленные шеренги книг — от пола до потолка. Кое-какие полки были разорены, другие — набиты до отказа; раз или два я замечал присутствие крыс, угнездившихся на полках, устроивших себе из книг жилища в два и даже три этажа и собственным пометом изобразивших на обложках буквы своего грубого языка.

Книги были повсюду — ряды корешков из пергамента, сафьяна, холста, бумаги и сотни прочих, неизвестных мне материалов. Одни сверкали золотыми обрезами, на других просто чернели

буквы печатного шрифта, а некоторые были снабжены бумажными ярлыками, пожелтевшими от времени, точно засохшие листья.

— Несть конца из чернильницы начатому… — сказал мне мастер Ультан. — По крайней мере, так сказал один мудрец. Он жил очень давно — что он сказал бы, увидев нас сейчас? Другой же утверждал, что за возможность перерыть хорошую библиотеку не жаль и жизни. Хотел бы я посмотреть на человека, способного «перерыть» нашу — хотя бы один тематический раздел!

— Я разглядываю переплеты, — сказал я, чувствуя себя крайне глупо.

— Как повезло тебе! Хотя я рад. Я больше не могу видеть их, но хорошо помню наслаждение, с которым смотрел на них когда-то. Это было сразу после того, как я стал мастером-архивариусом. Мне было тогда около пятидесяти… Видишь, сколь долго длилось мое ученичество!

— Неужели, сьер?

— Да-да! Моим наставником был мастер Гербольд, и многие десятки лет мне казалось, что он не умрет никогда. Год за годом, год за годом, и все это время я читал. Пожалуй, немногим удалось прочесть столько! Я начал, как все юноши, с книг, доставлявших удовольствие. Со временем

выяснилось, что большую часть моего времени отнимает поиск таковых. Тогда я разработал для себя план и, в соответствии с ним, принялся прослеживать развитие абстрактных наук — от начала знания до настоящего времени. В конце концов я исчерпал даже это и принялся за огромный эбеновый шкаф, стоящий посреди зала, который триста лет собирали к возвращению автарха Сульпиция (и который, как следствие, так и не дождался посетителей). Я прочел собранное там от начала до конца за пятнадцать лет. Успевал закончить по две книги в день!

— Поразительно, сьер! — пробормотал за моей спиной Киби, явно слышавший эту историю далеко не в первый раз.

— А потом нежданно-негаданно, как снег на голову — умер мастер Гербольд. Тридцатью годами раньше я в силу природной склонности, образования, опыта, молодости, семейных связей и личных амбиций — был идеальным кандидатом на его место. Когда же я и в самом деле занял его, нельзя было найти никого, менее подходящего! Я ждал так долго, что не знал ничего, кроме ожидания, и тяжкий груз никчемных фактов задушил мой разум. Но я заставил себя принять назначение и провел невероятное количество времени,

вспоминая планы и максимы, разработанные мной к вступлению в эту должность много лет назад…

Он замолчал, вновь углубившись в себя. Сознание старика показалось мне еще более темным и обширным, чем хранимая им библиотека.

— Но старая привычка к чтению по-прежнему не давала мне покоя. Я проводил за книгами дни и даже недели, вместо того чтобы управлять тем, что возглавил. А затем — внезапно, словно бой часов — ко мне, оттеснив старую, пришла новая страсть. Ты уже догадываешься, о чем я говорю?

Я сознался, что — нет.

— Я читал — или, по крайней мере, полагал, будто читаю — сидя у того стрельчатого окна на сорок девятом этаже, что выходит на… Надо же, забыл. Киби, куда выходит это окно?

— В сад обойщиков, сьер.

— Да, припоминаю: такой маленький, зеленый садик — по-моему, они сушат там розмарин, которым набивают подушки… Словом, я просидел у этого окна несколько страж, и вдруг обнаружил, что вовсе не читаю. Некоторое время я просто не мог понять, что делал до этого. Пытаясь облечь это в слова, я вспоминал лишь определенные запахи, ощущения и цвета, не имевшие, казалось

бы, никакого отношения к обсуждавшимся в моей книге вопросам. Наконец я осознал, что не читал книгу — я наблюдал ее, как обычный физический объект. Воспоминания о красном шли от красной ленты, пришитой к корешку для того, чтобы закладывать нужную страницу. Шероховатость, ощущаемая пальцами, — от шероховатой бумаги, на которой был напечатан том. А запах был запахом старой кожи вкупе с почти выветрившимся переплетным клеем. Вот тогда-то я, впервые увидев книгу саму по себе, понял, что есть забота о книге.

Рука его сильнее сжала мое плечо.

— У нас здесь имеются книги, переплетенные в кожу ехидн, кракенов и животных, вымерших так давно, что следы их существования дошли до ученых нашего времени лишь в виде окаменелостей. Есть книги в переплетах из совершенно неизвестных нам металлических сплавов и книги, переплеты которых сплошь усыпаны драгоценными камнями. Есть книги в футлярах из ароматической древесины, попавшей к нам сквозь неизмеримые пространства, разделяющие миры, — и книги эти драгоценны вдвойне, ибо никто на всем Урсе не может прочесть их.

У нас есть книги, отпечатанные на бумаге, изго-

товленной из растений, выделяющих необычные алкалоиды, отчего читателем, переворачивающим страницы, вдруг овладевают причудливые фантазии и видения. Есть книги, отпечатанные не на бумаге, но на тончайших пластинах белого нефрита, слоновой кости и перламутра, или же на листьях неизвестных растений. Есть и книги, с виду вовсе не похожие на книги — свитки, таблички и прочие записи на сотнях разнообразных материалов. Здесь есть — хотя я уже не вспомню, где именно он лежит, — хрустальный куб размером с твой ноготь, содержащий книг больше, чем собрано во всей библиотеке. Какая-нибудь шлюха могла бы украсить им ухо, как серьгой, — но во всем мире недостало бы томов, чтобы адекватно украсить и другое! И вот, осознав все это, я посвятил жизнь заботе о книгах.

Семь лет я занимался этим, и тут, стоило нам решить явные и косвенные проблемы, связанные с хранением, и вплотную подойти к началу первой со времен основания библиотеки генеральной ревизии фондов, глаза мои истаяли, точно свеча. Тот, кто вверил моему попечению все эти книги, ослепил меня, чтобы я понимал, кто печется о самих попечителях…

— Если вы не можете прочесть письма, сьер, —

сказал я, — я буду рад прочесть его вам вслух.

— Верно, — пробормотал мастер Ультан, — я и забыл… Киби прочтет — он хорошо читает. Возьми, Киби.

Я вызвался держать канделябр, а Киби развернул хрустящий пергамент, торжественно, точно воззвание, поднял его и начал читать для нас троих, стоявших в крохотном круге света среди огромного скопища книг:

— От Гурло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния…

— Что? — удивился мастер Ультан. — Так ты — палач, юноша?

Я ответил, что — да. Воцарилась тишина, затянувшаяся настолько, что Киби принялся было читать снова:

— От Гурло, мастера Ордена Взыскующих…

— Подожди, — велел мастер Ультан.

Киби снова умолк, а я продолжал стоять с канделябром в руках и чувствовал, как к щекам моим приливает кровь. Наконец мастер Ультан заговорил, и голос его звучал так же ровно и обыденно, как в тот раз, когда он сообщал мне, что Киби хорошо читает.

— Не припоминаю, чтобы я имел какое-либо отношение к вашей гильдии. Впрочем… Ты, без-

условно, знаком с нашим методом пополнения рядов?

Я признался, что незнаком.

— В каждой библиотеке, согласно древним заповедям, имеется особый зал для детей. В нем собраны книги с яркими картинками, какие нравятся детям, и некоторые простенькие повествования о чудесах и приключениях. Дети посещают эти залы во множестве, но ни для кого не представляют интереса, пока не выходят за их пределы.

Он запнулся и, хоть лицо его не выражало ничего особенного, у меня появилось впечатление, будто он опасается, что его слова могут причинить боль Киби.

— Однако порой библиотекари замечают ребенка, все еще в нежном возрасте, который мало-помалу выбирается за пределы детского зала и вскоре забрасывает его совсем. Такое дитя в конце концов обнаруживает на одной низкой, но неприметной полке «Золотую Книгу». Ты никогда не видел этой книги и уже не увидишь, так как вышел из возраста, коему она соответствует.

— Прекрасная, должно быть, книга, — заметил я.

— Воистину так. Если меня не подводит память,

переплет ее — из черного клееного холста, должным образом поблекшего на сгибах. Несколько тетрадок вываливаются из блока, несколько гравюр вырвано, но это удивительно красивая книга. Если б я мог найти ее снова… хотя теперь книги для меня закрыты.

Одним словом, этот ребенок в свою пору находит «Золотую Книгу». Тогда являются библиотекари — точно вампиры, по словам одних, или же, по мнению прочих, словно добрые крестные. Они заговаривают с ребенком, и тот присоединяется к ним. С этих пор он — в библиотеке, где бы ни находился, и вскоре родители больше не знают его… Я полагаю, примерно так же ведется и среди палачей?

— Мы, — объяснил я, — берем детей из тех, что попадают в наши руки еще совсем маленькими.

— Мы делаем то же, — пробормотал Ультан, — и потому вряд ли имеем право осуждать вас… Читай, Киби.

— От Гурло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния — Архивариусу Цитадели. Приветствую тебя, брат!

Волею суда на нашем попечении состоит персона возвышенного положения, именуемая шатленой Теклой; его же волею заключение

означенной персоны должно быть комфортабельным настолько, насколько это не выходит за рамки здравого смысла и благоразумия. Дабы могла она коротать время до завершения своего пребывания у нас — или же, как мне было указано передать: пока сердце Автарха, чья снисходительность не знает ни стен, ни глубин моря, не смилуется над ней — просит она, чтобы ты, согласно должности своей, снабдил ее определенными книгами, а именно…

— Названия можешь пропустить, — сказал мастер Ультан. — Сколько их, Киби?

— Четыре, сьер.

— Значит, никаких препятствий… Продолжай.

— …за что мы были бы тебе весьма обязаны. Подписано: «Гурло, мастер Ордена Взыскующих Истины и Покаяния, в просторечии именуемого Гильдией Палачей».

— Известны ли тебе книги, перечисленные мастером Гурло, Киби?

— Три из них, сьер.

— Очень хорошо. Найди и принеси. А четвертая?

— «Книга Чудес Урса и Неба», сьер.

— Прекрасно — экземпляр имеется меньше чем в двух чейнах отсюда. Найдя остальные тома, ты

можешь встретить нас у двери, через которую этот юноша — боюсь, мы уже слишком долго его задерживаем — вошел в хранилище.

Я хотел было вернуть Киби подсвечник, но он показал жестом, чтобы я оставил его себе, и удалился рысцой по узкому проходу меж книжных полок. Ультан, ступая уверенно, точно зрячий, направился в противоположную сторону.

— Я хорошо помню ее, — сказал он. — Переплет коричневой дубленой кожи, золотой обрез, раскрашенные вручную гравюры Гвинока; стоит на третьей снизу полке, прислоненная к фолианту в переплете из зеленой ткани — по-моему, это «Жизнь Семнадцати Мегатериан» Блайтмека.

Большее частью для того, чтобы показать, что я не отстал (хотя его острый слух, несомненно, улавливал мои шаги позади), я спросил:

— А про что она, сьер? Я хочу сказать — книга об Урсе и небе.

— Ну и ну! Ты задаешь такой вопрос не кому иному, как библиотекарю? Наша забота, юноша, есть сами книги, а не их содержание.

Судя по тону, он посмеивался надо мной.

— Я думал, вы, сьер, знаете содержание всех этих книг…

— Навряд ли. Но «Чудеса Урса и Неба» — стан-

дартная работа трех-четырехсотлетней давности. Сборник общеизвестных древних легенд. Из них, на мой взгляд, наиболее интересна легенда об Историках, повествующая о временах, когда любая легенда могла быть прослежена до полузабытого факта, ее породившего. Я полагаю, ты сам видишь противоречие. Существовала ли в те времена и эта легенда? Если нет, как она могла возникнуть?

— А про каких-нибудь гигантских змеев или крылатых женщин там нет, сьер?

— О да, — ответил мастер Ультан. — Но не в легенде об Историках.... — Он наклонился, тут же выпрямился и триумфально показал мне небольшую книгу в растрескавшемся кожаном переплете. — Взгляни-ка, юноша. Посмотрим, не ошибся ли я.

Пришлось поставить канделябр на пол и присесть возле него. Книга в моих руках была такой старой и заплесневелой, словно ее ни разу не раскрывали за последние сто лет, но название на титульном листе подтверждало правоту старика. Подзаголовок же гласил: «Почерпнуто из печатных источников эпохи столь давней, что суть их навеки скрыта от нас во мраке времен».

— Итак, — спросил мастер Ультан, — не ошибся

ли я? Раскрыв книгу наугад, я прочел: «…при помощи каковых изображение могло быть выгравировано столь искусно, что все оно, будучи уничтожено, могло быть воссоздано заново из малого кусочка, каковой мог быть любой частью оного изображения».

Наверное, именно эти повторяющиеся «могло» вдруг живо напомнили мне ту ночь, когда я получил свой хризос, и схватку у вскрытой могилы.

— Феноменально, мастер! — ответил я.

— Вовсе нет. Но ошибаюсь я редко.

— Наверное, кому, как не тебе простить меня за то, что я замешкался с ответом, чтобы прочесть несколько строк… Мастер, ты, конечно, знаешь о пожирателях трупов. Я слышал, будто они, поедая плоть мертвецов вкупе с определенным снадобьем, обретают способность прожить заново жизнь своих жертв.

— Излишек сведений о практиках такого рода не доведет до добра, — пробормотал архивариус. — Хотя, если проникнуть в сознание историков наподобие Ломана или Гермаса…

За долгие годы слепоты он, должно быть, забыл, сколь очевидно лицо может выражать наши сокровеннейшие чувства. Его лицо так исказилось в гримасе мучительного вожделения, что я — из

соображений благопристойности — отвернулся. Но голос мастера оставался ровным и безмятежным, точно размеренный колокольный звон:

— Да, исходя из того, что мне однажды довелось прочесть, ты прав. Хотя не припоминаю, чтобы в книге, которую ты держишь в руках, что-либо говорилось об этом.

— Мастер, — заговорил я, — даю слово, что и в мыслях не имел подозревать тебя в подобных вещах… Но скажи: допустим, могилу вскрывают двое, одному достанется правая рука мертвеца, другому — левая. Выходит, тот, кто съест правую руку, получит только половину жизни покойника, а остальное достанется съевшему левую? И, если так, что достанется тому, кто придет третьим и возьмет себе ногу?

— Как жаль, что ты — палач, — заметил мастер Ультан. — Ты мог бы стать философом… Нет, насколько я понимаю в этих злодеяниях, каждому из троих достанется целая жизнь.

— Значит, вся жизнь человека, целиком, заключена и в правой руке и в левой. Быть может, и в каждом пальце?

— По-моему, чтобы добиться эффекта, каждый из участников должен съесть не менее пригоршни. Но — по крайней мере, в теории — ты прав.

Вся жизнь — в каждом пальце.

Мы уже возвращались туда, откуда пришли. Проход был слишком узок, чтобы разминуться двоим, поэтому теперь я шел впереди с канделябром, и кто-нибудь, увидев нас со стороны, наверняка решил бы, что я освещаю старику путь.

— Мастер, — спросил я, — но как же это может быть? В силу того же аргумента жизнь должна содержаться и в каждой фаланге каждого пальца, а уж это-то никак невозможно.

— А сколь велика человеческая жизнь?

— Не могу сказать. Но разве она не больше, чем…

— Ты отсчитываешь жизнь сначала, у тебя еще многое впереди. Я же веду ей счет до конца, который наступит вскоре. Наверное, поэтому и те извращенные твари, что пожирают трупы, ищут ее продления. Позволь спросить: известно ли тебе, что сын зачастую разительно похож на своего отца?

— Да, так говорят. И я верю в это. — В голову помимо воли пришла мысль: похож ли я на своих родителей, о которых так никогда ничего и не узнаю?

— Тогда ты, безусловно, согласишься и с тем,

что каждый сын может быть похожим на своего отца, и потому одно и то же лицо может воплотиться во многих поколениях. Таким образом, если сын похож на отца, а его сын похож на своего отца, а сын этого сына — на своего, то можно утверждать, что представитель четвертого поколения будет похожим на своего прадеда.

— Да, — согласился я.

— Однако же семя всех четверых заключено всего лишь в драхме клейкой жидкости. В самом деле, откуда же они взялись, если не из этого семени?

Не зная, что на это ответить, я промолчал. Вскоре мы добрались до двери, сквозь которую я вошел в нижний ярус хранилища. Здесь нас ждал Киби с остальными книгами, значившимися в письме мастера Гурло. Я забрал их у него, поклонился на прощание мастеру Ультану и с превеликой радостью покинул затхлое хранилище. Впоследствии мне еще несколько раз доводилось бывать в верхних ярусах библиотеки, но никогда больше не попадал я в этот огромный склеп. Даже желания вернуться туда снова не возникало.

Один из трех принесенных Киби томов превосходил размерами столешницу небольшого

столика — кубит в ширину и почти эль в длину. Судя по гербу, вытисненному на сафьяновом переплете, это была история какого-то древнего и знатного рода. Остальные были гораздо меньше. Зеленая книжица — вряд ли больше моей ладони и не толще среднего пальца — оказалась собранием историй о праведниках, со множеством эмалевых изображений аскетических пантократоров и гипостазов в сверкающих ризах, с черными нимбами над головами. Я остановился на время в маленьком заброшенном садике с чашей фонтана, залитой ярким зимним солнцем, чтобы посмотреть.

Но прежде чем раскрыть одну из оставшихся книг, я почувствовал давление времени возможно, главный признак того, что детство оставлено позади. Я уже затратил самое меньшее две стражи на выполнение простого поручения, и скоро должно было стемнеть. Взяв книги поудобнее, я, хоть еще и не знал этого, поспешил навстречу своей судьбе в лице шатлены Теклы.

Глава 7
Изменница

Вернувшись в Башню Сообразности, я принялся разносить еду подмастерьям, дежурившим в подземных темницах. На первом ярусе дежурил Дротт; его я навестил последним, потому что хотел поговорить с ним прежде, чем вернусь наверх. Голова моя все еще кружилась от мыслей, навеянных визитом к архивариусу, и мне хотелось рассказать Дротту о них.

Но Дротта нигде не было видно. Поставив его поднос вместе с четырьмя книгами на столик, я окликнул его и тут же услышал ответ из камеры неподалеку. Подбежав к ее двери, я заглянул в зарешеченное оконце на уровне глаз. Дротт был внутри — он склонился над распростертой на койке пациенткой, изнуренной женщиной средних лет. Пол камеры был забрызган кровью.

— Северьян, ты? — спросил, не оборачиваясь, Дротт.

— Я. Принес твой ужин и книги для шатлены Теклы. Тебе нужна помощь?

— Нет, все в порядке. Сорвала повязки, чтобы

умереть от потери крови, да я заметил вовремя. Оставь поднос на столе, ладно? И, если есть время, закончи за меня раздачу еды.

Я колебался: вообще-то ученикам не положено иметь дело с теми, кто отдан на попечение гильдии.

— Давай-давай! Всех-то дел — рассовать подносы по кормушкам.

— Я принес еще книги.

— Просунь сквозь кормушку и их.

Какой-то миг я еще смотрел на него, склонившегося над мертвенно-бледной женщиной на койке, затем взял оставшиеся подносы и принялся выполнять просьбу Дротта. Большинству пациентов еще хватало сил подняться и принять передаваемую еду, но кое-кто не мог, и их подносы я оставлял у дверей — Дротт внесет после. По пути я видел нескольких женщин аристократического облика, но ни одна из них, похоже, не была шатленой Теклой, недавно доставленной к нам экзультанткой, с которой — по крайней мере, пока — обращались почтительно. Она оказалась в последней камере — о чем я мог бы догадаться и раньше. Камера эта, в дополнение к обычной обстановке — кровати, стулу и маленькому столику — была убрана ковром, а вместо обычного тряпья

на пациентке было белое платье с широкими рукавами. Края рукавов и подол были здорово испачканы, однако платье до сих пор сохраняло особую элегантность, чуждую для меня так же, как и для самой камеры. Она сидела, неотрывно глядя на огонек свечи, отраженный в серебряном зеркальце, но, должно быть, почувствовала мой взгляд. Теперь я был бы рад сказать, что на лице ее не было страха, но, сказав так, солгал бы. Лицо ее было исполнено ужаса, который она изо всех сил старалась скрыть. — Ничего, ничего, — сказал я. — Я принес еду.

Кивком поблагодарив меня, она поднялась и подошла к двери. Она оказалась даже выше, чем я думал — голова ее едва не касалась потолка. А ее лицо — пусть скорее треугольное, чем округлое — сразу напомнило мне лицо той женщины, что была в некрополе с Водалусом. Наверное — из-за огромных темно-синих глаз, окруженных голубоватой тенью, и длинных черных волос, очень похожих на капюшон плаща… Как бы там ни было, я полюбил ее сразу — полюбил со всей силой, с какой способен любить глупый мальчишка. Но, будучи всего-навсего тем самым глупым мальчишкой, не понял этого. Ее рука — бледная, холодная, слегка влажная и невообразимо узкая

— коснулась моей, когда она принимала поднос.

— Еда — обычная, — сказал я. — Пожалуй, ты можешь получить кое-что получше, если попросишь.

Ты не носишь маски… — проговорила она. — Первое человеческое лицо здесь…

— Я — лишь ученик. Маску на меня возложат только через год.

* * *

Она улыбнулась, и я почувствовал себя совсем как тогда, в Атриуме Времени, только-только войдя в теплую комнату с чашкой чаю и печеньем. Рот ее был широк, а зубы — узки и очень белы; ее глаза, глубокие, точно резервуар под сводом Колокольной Башни, заблестели.

— Извини, — сказал я. — Я не расслышал тебя.

Вновь улыбнувшись, она склонила набок прекрасную головку.

— Я хотела сказать, как рада видеть твое лицо, и спросила, буду ли и впредь иметь удовольствие принимать еду от тебя. Кстати, что это?

— Я здесь — только сегодня, потому что Дротт занят.

Затем я хотел восстановить в памяти, что было на ее подносе (она поставила его на столик, так

что сквозь решетку не разглядеть), но не смог, хоть напряг мозг до предела, и наконец неуверенно сказал:

— Наверное, тебе лучше съесть ужин. Я думаю, если ты попросишь Дротта, то сможешь получить что-нибудь получше.

— Люди всегда осыпали комплиментами мою стройную фигуру, но, поверь, я ем, словно дикий волк! Съем и это!

Взяв со столика поднос, она повернулась ко мне, точно поняла, что без посторонней помощи мне не разгадать тайны его содержимого.

— Вот это, зеленое — лук-порей, шатлена, — сказал я. — Коричневые зернышки — чечевица. И хлеб.

— Шатлена? Зачем эти формальности, ведь ты — мой тюремщик и можешь называть меня как захочешь. — Теперь ее глубокие глаза сияли весельем.

— У меня нет желания оскорбить тебя, — сказал я. — Ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя по-другому?

— Зови меня Теклой — это мое имя. Титулы — для формального общения, имена — для неформального; наша встреча — как раз из неформальных… Хотя, когда придет время моей казни,

все формальности будут соблюдены?

— С экзультантами, как правило, поступают так.

— Тогда, надо думать, будет присутствовать экзарх — если только вы впустите его сюда — в платье с пурпуром. И еще некоторые — возможно, Старост Эгино… Это на самом деле хлеб?

Она ткнула в кусок пальчиком — таким белым, что мне показалось, будто хлеб может испачкать его.

— Да, — ответил я. — Шатлене, конечно же, приходилось есть хлеб и раньше, не правда ли?

— Но не такой. — Взяв тонкий ломтик, она откусила немного. — Хотя — и этот неплох. Ты говоришь, мне могут принести еду получше, если я попрошу?

— Думаю, да, шатлена.

— Текла. Я просила книги — два дня назад, когда меня привезли. Но не получила их.

— Они здесь, — сказал я. — Со мной. — Сбегав к Дроттову столу, я принес книги и просунул в кормушку самую маленькую.

— О, чудесно! А остальные?

— Еще три.

Книга в коричневом переплете тоже прошла сквозь кормушку. Но две другие — зеленая и

тот фолиант, с гербом на обложке — оказались слишком широки.

— Позже Дротт откроет дверь и передаст их тебе, — сказал я тогда.

— А ты не можешь? Так ужасно — видеть их сквозь эту штуку и не иметь возможности даже дотронуться…

— Вообще-то мне не положено даже кормить тебя. Этим надлежит заниматься Дротту.

— Но все же ты передал мне еду. И, кроме того, это ты принес книги. Разве тебе не полагалось вручить их мне?

Я смог лишь неуверенно возразить, потому что в принципе она была права. Правила, запрещающие ученикам работать в темницах, направлены на предотвращение побегов; но ведь этой хрупкой, несмотря на высокий рост, женщине нипочем не одолеть меня, и, таким образом, она не сможет беспрепятственно выйти наружу. Я пошел к камере, где Дротт все еще приводил в чувство пациентку, пытавшуюся покончить с собой, и принес ключи.

Оказавшись в камере Теклы и закрыв за собой дверь, я обнаружил, что не в силах вымолвить ни слова. Я пристроил книги на столике, где из-за подсвечника, подноса и графина с водой почти

не оставалось места, и остановился в ожидании. Я знал, что должен идти, но не мог сделать этого.

— Может быть, сядешь?

Я присел на кровать, предоставив ей стул.

— Будь мы в моих покоях в Обители Абсолюта, я смогла бы предложить тебе больше комфорта. К несчастью, в то время тебя не вызывали туда.

Я покачал головой.

— Сейчас мне нечем угостить тебя, кроме этого. Тебе нравится чечевица?

— Я не стану есть этого, шатлена. Скоро — время моего собственного ужина, а здесь вряд ли достаточно и для тебя одной.

— Действительно… — Взяв с подноса перышко лука, она, будто не совсем понимая, что с ним делать, проглотила его, как ярмарочный фигляр глотает гадюку. — А что дадут на ужин тебе?

— Лук-порей с чечевицей, хлеб и баранину.

— Ах, вот в чем разница — палачи получают еще и баранину… Как же тебя зовут, мастер палач?

— Северьян. Но это не поможет, шатлена. Не будет никакой разницы.

— В чем? — улыбнулась она.

— Ну… если ты подружишься со мной. Я не могу выпустить тебя на свободу. И не стал бы делать

этого, даже если бы ты была моим единственным во всем мире другом.

— Но я и не думала, что ты можешь это, Северьян.

— Тогда зачем же утруждаться беседами со мной? — Она вздохнула, и радость исчезла с ее лица — так солнечный свет покидает камень, на котором пристроился погреться нищий.

— С кем же мне еще беседовать, Северьян? Вот я поговорю с тобой некоторое время — несколько дней или пару недель, — а потом умру. Я понимаю, ты думаешь о том, что, будь я в своих покоях, не удостоила бы тебя и взглядом. Но ты ошибаешься. Конечно, со всеми не поговоришь, их слишком много вокруг, но за день до того, как меня привезли сюда, я разговаривала с конюхом, державшим мне стремя. Заговорила с ним оттого, что пришлось ждать, но услышала от него много интересного…

— Но ты больше не увидишь меня. Еду будет приносить Дротт.

— Вот как? Спроси, не позволит ли он тебе делать это? — Она взяла меня за руки. Ее руки были холодны как лед.

— Попробую… — проговорил я.

— Попробуй! Пожалуйста, попробуй! Скажи

ему, что мне нужна еда получше, и что я хочу, чтобы приносил ее ты. Хотя — я попрошу об этом сама. Кому он подчинен?

— Мастеру Гурло.

— Я скажу ему — Дротту, правильно? — что хочу говорить с мастером Гурло. Ты прав, они не откажут — ведь как знать, Автарх может и освободить меня!

Глаза ее заблестели.

— Я передам Дротту, что ты хочешь его видеть, — сказал я, поднимаясь.

— Подожди. Разве ты не хочешь спросить, почему я здесь?

— Я знаю, почему ты здесь, — ответил я, прежде чем закрыть дверь. — Потому, что тебя рано или поздно надлежит подвергнуть пытке, как и всех прочих.

Да, жестоко, но я сказал это без всякой задней мысли — как любой юнец. Сказал то, что пришло в голову… Но это было правдой, и, поворачивая ключ в замке, я был даже рад тому, что сказал это.

Экзультанты часто попадают к нам. И первое время почти все понимают ситуацию правильно, так же как сейчас — шатлена Текла. Но проходит несколько дней, а пыток что-то не видать, и то-

гда надежды берут верх над здравым смыслом. Пациенты начинают говорить об освобождении, рассуждать о том, что предпримут ради них друзья и родные и что сделают они сами после того, как выйдут на волю.

Один хочет уехать в свои владения и больше не показываться при дворе Автарха, другой — собрать отряд наемников и во главе его отправиться на север… И на дежуривших в подземельях подмастерьев градом сыплются рассказы об охотничьих собаках, далеких вересковых пустошах, местных потехах, нигде более неизвестных, устраиваемых под сенью древних рощ. Женщины в большинстве своем мыслят много практичнее, но и они со временем заговаривают о высокопоставленных любовниках (получивших отставку за месяцы или годы до сего момента), которые никогда не оставят их в беде, а потом — о вынашивании ребенка или воспитании приемыша. После того как для всех этих детей, которые так никогда и не появятся на свет, придуманы имена, как правило, наступает черед одежды: после освобождения непременно нужен новый гардероб; старое тряпье — сжечь. Часами обсуждают оттенки, изобретение новых фасонов, возвращение хорошо забытых старых…

Но в конце концов и для мужчин и для женщин неизменно наступает день, когда в камеру вместо дежурного с едой входит мастер Гурло в сопровождении троих-четверых подмастерьев и, может быть, следователя с фульгуратором. Поэтому мне хотелось по возможности оградить шатлену Теклу от бесплодных надежд. Я повесил связку ключей на гвоздь, где та обычно висела, и, проходя мимо камеры, где Дротт заканчивал отмывать кровь с пола, сказал ему, что шатлена желает говорить с ним.

Через день меня вызвали к мастеру Гурло. Обыкновенно ученикам положено стоять против его стола, заложив руки за спину, но он велел мне сесть и, сняв шитую золотом маску, подался ко мне, что должно было означать частную беседу накоротке.

— С неделю назад я посылал тебя к архивариусу, — начал он. Я кивнул.

— И, насколько понимаю, вернувшись с книгами, ты доставил их пациентке сам. Так?

Я объяснил, как все вышло.

— Ну, ничего страшного. Не бери в голову; я не стану назначать тебе внеочередные наряды и уж тем более — раскладывать тебя на кресле и драть. Ты уже, можно сказать, подмастерье; мне в

твои годы и с альтернатором доверяли работать… Понимаешь ли, Северьян, штука-то в том, что пациентка — лицо высокопоставленное. — Голос его понизился до шепота. — Со связями на самом верху.

Я сказал, что все понимаю.

— Высоких кровей, не из каких-нибудь там армигеришек… — Повернувшись к полкам позади его кресла, он порылся в беспорядочной груде бумаг и книг и извлек увесистый том. — Имеешь представление, сколько на свете экзультантских семейств? В этой книге перечислены лишь те, чей род еще продолжается. А чтобы счесть и тех, чей род прервался, наверное, понадобилась бы целая энциклопедия! И несколько экзультантских династий прерваны мной лично! — Он захохотал, и я засмеялся тоже. — Здесь каждому семейству отведено по полстраницы. А всего страниц — семьсот сорок шесть. — Я понимающе кивнул. — Большинство этих семейств не представлено при дворе никем — не могут себе позволить либо боятся. Эти все — мелочь. Но большие семейства — обязаны: Автарху нужны конкубины, которые в случае чего станут заложницами. Но Автарх уже не может крутить кадрили с пятью сотнями женщин. Наложниц

поэтому около двадцати; остальные проводят время в танцах и болтовне друг с дружкой, а Автарха видят раз в месяц и то — издали.

Я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, спросил, вправду ли Автарх делит ложе со всеми этими конкубинами. Мастер Гурло закатил глаза и подпер огромной ручищей подбородок.

— Ну, ради соблюдения приличий нанимаются хайбиты — их еще называют тенями. Это — обычные девчонки, внешне похожие на нанимающих их шатлен. Уж не знаю, где их берут, но их обязанность — этих шатлен подменять. Конечно, ростом-то они поменьше… — Он хмыкнул. — Впрочем, лежа, видимо, разница в росте незаметна. Однако говорят, будто частенько случается наоборот. Хозяйки этих девчонок-теней сами берутся выполнять их обязанности. Но нынешний Автарх, каждое деяние коего, можно сказать, слаще меда на устах нашей почтенной гильдии, о чем ты никогда не должен забывать… Так вот, в его случае, как я понимаю, вряд ли хоть одна из наложниц доставляет ему удовольствие.

— Этого я не знал, мастер, — сказал я, едва сдержав вздох облегчения. — Очень интересно.

Мастер Гурло склонил голову в знак того, что и он считает это интересным, и сцепил пальцы

на животе.

— Быть может, когда-нибудь ты сам станешь во главе гильдии, и тебе понадобится знать такие вещи. Будучи в твоем возрасте — или, может, малость помладше, — я воображал себе, будто родом из экзультантов. Ну, бывает с некоторыми.

Мне — далеко не в первый раз — вдруг пришло в голову, что мастер Гурло (и мастер Палаэмон тоже) все знают о происхождении любого ученика и подмастерья, ведь именно они решали, кого брать на воспитание.

— Конечно, точно сказать не могу. Но по всем физическим данным гожусь во всадники, да и ростом повыше среднего, несмотря на тяжелое детство. Сорок лет назад, должен тебе заметить, ученикам приходилось гораздо тяжелее, чем нынче.

— Мне рассказывали, мастер.

Мастер Гурло вздохнул — такой звук иногда издают кожаные подушки, когда сядешь на них.

— Но с течением времени я понял, что Предвечный, избрав для меня карьеру в нашей гильдии, действовал мне во благо. А ведь я вряд ли заслужил его благоволение в прежней жизни. Быть может, заслужу в этой…

Мастер Гурло замолчал, опустив взгляд (как

мне казалось) на стол, к груде бумаг — судебных отношений и досье пациентов — на столе. Наконец, когда я уже приготовился спросить, нужен ли ему еще, он заговорил снова:

— За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы член нашей гильдии — а ведь их на свете наберется около тысячи — был подвергнут пытке.

Я ввернул в разговор общую фразу насчет того, что лучше быть жабой, прячущейся под валуном, чем бабочкой, раздавленной на нем.

— Ну, мы, принадлежащие гильдии, пожалуй, есть нечто большее, чем жабы. Но нельзя не отметить и вот чего: я видел в наших камерах более пятисот экзультантов, но никогда прежде не держал в заключении особ, принадлежащих к узкому кругу конкубин, приближенных к самому Автарху.

— А шатлена Текла принадлежит к нему? Ты только что намекнул на это, мастер. — Он мрачно кивнул.

— Подвергни ее пытке немедленно, все было бы не так уж плохо. Однако — нет. Могут пройти годы… А может, и вовсе никогда…

— Ее могут освободить, мастер?

— Она — пешка в игре Автарха с Водалусом, уж

это-то известно даже мне. Ее сестра, шатлена Теа, бежала из Обители Абсолюта, чтобы стать его любовницей. Текла — по крайней мере, некоторое время — будет одним из доводов в переговорах. Пока это так, мы должны содержать ее хорошо. Но тут важно не перестараться.

— Понимаю, — сказал я.

Мне было здорово не по себе — ведь я не знал, что шатлена Текла сказала Дротту, а Дротт — мастеру Гурло.

— Она просила о лучшей еде, и я уже отдал необходимые распоряжения. Просила она и о компании, а узнав о недопущении к заключенным посетителей, настаивала на том, чтобы ей позволили иногда беседовать хотя бы с одним из нас.

Мастер Гурло сделал паузу, чтобы отереть блестевшее от пота лицо краем плаща.

— Я понимаю.

Я был уверен, что в самом деле понимаю, что последует за этим.

— Она видела твое лицо и посему просила, чтобы это был ты. Я ответил, что ты будешь сидеть при ней, пока она принимает пищу. Твоего согласия не спрашиваю — не только потому, что ты подчинен мне, но и потому, что уверен в твоей ло-

яльности. Прошу лишь соблюдать осторожность и не послужить причиной ее неудовольствия. Равно как и источником чрезмерного удовольствия.

— Сделаю все, что смогу. — Я сам подивился твердости своего голоса. Мастер Гурло улыбнулся так, словно я снял с его плеч тяжкий груз.

— Ты умен, Северьян; умен, несмотря на молодость. У тебя уже были женщины?

В обычае учеников было, беседуя между собой, сочинять на этот счет разные небылицы, но я разговаривал с мастером и потому отрицательно покачал головой.

— Ни разу не был у ведьм? Ну, может, оно и к лучшему. Сам-то я выучился всем этим вещам, но, пожалуй, не стал бы посылать к ним кого-то еще наподобие меня в то время. Возможно, шатлена захочет, чтобы ты согрел ее постель. Не вздумай делать этого. Ее беременность может надолго отодвинуть применение пытки и принести бесчестье гильдии. Понимаешь?

Я кивнул.

— Мальчишки твоих лет всегда озабочены на этот счет. Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь свел тебя туда, где такие хвори вылечиваются мигом.

— Как пожелаешь, мастер.

— Что? Ты даже не благодаришь?

— Благодарю тебя, мастер, — сказал я.

Гурло был одним из самых сложных людей, которых я знал — то есть сложным человеком, который старается быть простым. То есть не обычным простым человеком, а таким, каким представляет себе простого человека сложный. Как придворный вырабатывает для себя обличье блестящее и таинственное, нечто среднее между мастером танцев и тонким дипломатом с налетом бретерства в случае нужды, так и мастер Гурло старательно лепил из себя мрачное, неповоротливое создание, какое ожидает увидеть помощник герольда или бейлиф, вызывая главу гильдии палачей, однако на свете нет качеств, менее присущих настоящему палачу. В целом же, хотя все составляющие характера мастера Гурло были такими, какими и должны быть, ни одна из них не подходила к прочим. Он сильно пил, по ночам его мучили кошмары; но кошмары эти приходили именно тогда, когда он пил, как будто вино, вместо того чтобы наглухо запереть двери его сознания, распахивало их настежь, заставляя его весь остаток ночи провести на ногах в ожидании первых проблесков солнца, которое изгонит призраки из его огромной каюты, позволит ему

одеться и разослать по местам подмастерьев. Порой он поднимался на самый верх башни, на артиллерийскую платформу, и ждал там первых лучей солнца, разговаривая с самим собой и глядя вдаль сквозь стекло, которое, говорят, тверже кремня. Он, единственный в гильдии (считая и мастера Палаэмона), не боялся обитающих там сил и невидимых уст, говорящих порой с людьми или иными невидимыми устами в других башнях. Он любил музыку, однако, слушая ее, прихлопывал ладонью по подлокотнику и притопывал ногами в такт, причем — тем сильнее, чем больше нравилась ему музыка (а особенной его любовью пользовались сложнейшие, тончайшие ритмы). Ел он помногу, но очень редко; читал только тогда, когда полагал, что его никто не видит; навещал некоторых пациентов, включая одного с третьего яруса, и беседовал с ними о материях, в которых никто из нас, подслушивавших в коридоре, не мог понять ни аза. Глаза его блестели ярче, чем у любой женщины. Он странно грассировал и делал ошибки в произношении самых обычных слов… Я не в силах описать, сколь плохо он выглядел, когда я, наконец, вернулся в Цитадель, и сколь плохо выглядит он сейчас.

Глава 8
Собеседник

На следующий день я в первый раз понес шатлене Текле ужин и почти стражу сидел при ней, причем Дротт частенько заглядывал в камеру сквозь решетчатое окошко. Мы поиграли в слова (и она неизменно выигрывала), после поговорили о том, что, по рассказам вернувшихся, якобы лежит после смерти, а потом она пересказала мне сведения, заключенные в самой маленькой из принесенных мной книг — не только общепринятые точки зрения иерофантов, но и разнообразные экзотические и даже еретические теории.

— Вот выйду на свободу, — сказала она, — и заведу собственную секту. Заявлю во всеуслышание, что во время пребывания среди палачей мне открылась высшая мудрость. К этому прислушаются.

Я спросил, в чем будет состоять учение ее секты.

— В том, что не существует никакого доброго гения и жизни после смерти. Что сознание после

смерти исчезает — так же как во время сна, только навсегда.

— А кого ты объявишь вестником, открывшим тебе эту мудрость?

Она покачала головой и подперла рукой подбородок. Поза эта восхитительно подчеркивала совершенство линий ее шеи.

— Пока не решила. Быть может, ледяной ангел. Или призрак. Что, по-твоему, лучше?

— Но разве здесь нет противоречия?

— Совершенно верно! — Голос ее был исполнен удовольствия, доставленного моим вопросом. — И в этом противоречии будет заключена привлекательность нашей новой веры. Новая теология не может быть основана на пустом месте, и ничто так не помогает основать ее, как противоречие. Вспомни великих, что добились успеха в прошлом — их божества неизменно объявлялись властителями и создателями всех мирозданий, однако же всех, вплоть до дряхлых старух, призывали защищать тех богов, точно детей, испугавшихся петуха. Или взять хотя бы утверждение, будто владыка, не карающий никого, пока у людей есть малейший шанс стать лучше, покарает всех, хоть никто от этого не сможет измениться в лучшую сторону.

— Для меня это слишком сложно, — сказал я.

— Вовсе нет. По-моему, ты так же разумен, как и большинство других юношей. Но у палачей, наверное, нет никакой веры? Тебя не заставляли клятвенно отрекаться от нее?

— Нет. У нас есть своя небесная покровительница и свои праздники, как в любой другой гильдии.

— А вот у нас — нет, — сказала она, словно на миг огорченная этим. — Так бывает только в гильдиях, да еще в армии, которая — тоже своего рода гильдия. Хотя… пиршества, всенощные бдения, зрелища, возможность показаться в новых нарядах… Тебе нравится это?

Поднявшись, она развела руки в стороны, демонстрируя мне испачканное платье.

— Очень красиво, — отважился заметить я. — И узор, и вышивка с жемчужинками…

— Здесь у меня есть только это — в нем я была, когда за мной пришли. Вообще-то это обеденное платье — его следует носить между обедом и наступлением вечера.

Я сказал, что мастер Гурло наверняка пошлет кого-нибудь за остальными, если она попросит о том.

— Я уже просила, и он сказал, что посылал лю-

дей в Обитель Абсолюта за моими платьями, но они не смогли отыскать ее. Это означает, что в Обители Абсолюта стараются сделать вид, будто меня не существует. Хотя, возможно, все мои платья отосланы в наше шато на севере, или на одну из вилл. Он собирался отдать своему секретарю распоряжение выписать их.

— А ты не знаешь, кого он посылал? — спросил я. — Обитель Абсолюта, должно быть, не меньше нашей Цитадели — вряд ли ее так уж нелегко обнаружить.

— Напротив, довольно трудно. Поскольку ее нельзя увидеть, ты можешь находиться в самом ее центре, но так и не узнаешь об этом. Кроме того, учитывая, что дороги перекрыты, требуется всего-навсего приказать шпионам указать определенным путникам неверное направление — а шпионы у них повсюду.

Я хотел было спросить, как Обитель Абсолюта, которую я всегда представлял себе огромным дворцом со сверкающими башнями и куполами, может быть невидимой, но Текла уже думала о чем-то другом, разглядывая свой браслет в форме кракена с глазами из неограненных изумрудов, оплетшего щупальцами ее тонкое, белое запястье.

— Мне позволили оставить браслет, а он очень дорогой. Это — не серебро, а платина. Я была удивлена.

— Здесь никого нельзя подкупить.

— Его можно продать в Нессусе и купить платья… Северьян, ты не знаешь, кто-нибудь из моих друзей пытался увидеться со мной?

Я покачал головой.

— В любом случае у них ничего бы не вышло.

— Я понимаю. Но кто-нибудь мог бы попробовать… А ты знаешь, что в Обители Абсолюта многие даже не подозревают о существовании этого места? Вижу, ты мне не веришь!

— Не подозревают о существовании Цитадели?

— Нет, о Цитадели известно всем — некоторые ее части открыты для свободного доступа, а башен просто нельзя не заметить, если находишься на любом берегу Гьолла в южной части города. — Она хлопнула по металлической переборке камеры. — Они не знают об этом — по крайней мере, подавляющее большинство будет отрицать существование ваших темниц.

Да, она была великой шатленой, а я — даже ниже, чем раб (конечно, в глазах обычных людей, не понимающих по-настоящему функций нашей гильдии). Однако когда пришло время и Дротт с

грохотом отворил дверь камеры, именно я вышел в коридор и поднялся по лестнице к чистому вечернему воздуху, а Текла осталась внизу, среди стонов и криков других заключенных. (Ее камера находилась в некотором отдалении от лестницы, но, когда ей не с кем было беседовать, безумный хохот с третьего яруса доносился и туда.) Перед сном, в дортуаре, я спросил, не знает ли кто-нибудь имен подмастерьев, которых мастер Гурло посылал в Обитель Абсолюта. Никто не знал, однако вопрос послужил началом оживленной дискуссии. Никто из мальчишек не видел дворца и даже не встречался с кем-либо из видевших его, но рассказы о нем каждый слышал во множестве. В большинстве своем эти истории повествовали о сказочной роскоши — золотых блюдах, шелковых попонах и прочем в том же роде. Куда интереснее были описания Автарха, который, если б они все соответствовали истине, оказался бы настоящим чудовищем — огромного (вровень со средним человеком, когда сидит) роста, старым, совсем молодым, женщиной в мужском платье и так далее. Однако еще фантастичнее оказались байки о его визире, достославном отце Инире, похожем на обезьянку и являвшемся самым старым человеком на свете.

Но стоило нам как следует разойтись, в дверь постучали. Самый младший из нас открыл ее, и я увидел Роша, одетого не в предписываемые уставом гильдии бриджи и плащ цвета сажи, а в самые обычные (хотя — новые и прекрасно сидящие) брюки, рубашку и пиджак. Он кивнул мне, а когда я подошел к двери, знаком пригласил следовать за ним.

Как только мы оказались достаточно далеко от дверей в дортуар, он заговорил:

— Боюсь, я здорово перепугал этого мальца. Он же не знает, кто я.

— В этой одежде он тебя вправду не узнал, — сказал я. — А если увидит в обычном облачении — вспомнит сразу.

Он довольно захохотал.

— Знаешь, так странно стучаться в эту дверь! Сегодня у нас какое число? Ну что ж, еще три недели — и восемнадцатое. Как у тебя дела?

— Нормально.

— Похоже, ты в этой банде навел порядок. Эата — твой помощник, верно? Ему до подмастерьев еще четыре года, и три из них он будет после тебя капитанствовать. А пока опыта поднаберется — жаль, что тебе в свое время не так повезло. Я стоял у тебя на пути, хоть тогда и не задумывался

об этом.

— Рош, а куда мы идем?

— Сначала — ко мне в каюту, чтобы тебя переодеть. Как, Северьян, небось, ждешь не дождешься, когда сам станешь подмастерьем?

Последние слова были брошены через плечо, а затем Рош, не дожидаясь ответа, затопотал вниз по лестнице.

Мой костюм оказался таким же, как у него, только цвета другие. Кроме того, для нас обоих были приготовлены пальто и шляпы.

— Пригодится, — сказал он, когда я надел свою. — Снаружи холодно, да и снег пошел.

Подав мне шарф, он велел снять мои башмаки и надеть сапоги.

— Это ведь для подмастерьев сапоги, — возразил я, — как я в них пойду?

— Давай-давай, обувь у всех черная, никто не заметит. Подходят?

Сапоги оказались великоваты, и Рош дал мне пару носков, чтобы натянуть поверх моих собственных.

— Ну вот. Кошелек должен бы быть у меня, но раз уж не исключено, что разделимся, тебе тоже неплохо иметь в кармане несколько азими. — Он высыпал монеты в мою ладонь. — Готов? Дви-

нулись. Я бы хотел вернуться так, чтобы еще осталось время малость поспать.

Мы вышли на двор, путаясь в непривычной одежде, обогнули Башню Ведьм и ступили на крытую дорожку, ведущую мимо Мартелло к Разбитому Двору. Рош оказался прав: шел густой снег, и огромные — в целый ноготь — хлопья кружили в воздухе так медленно, что казалось, будто снег идет уже целую вечность. Ветра не было, и новое облачение знакомого, привычного мира явственно поскрипывало под сапогами.

— Везет тебе, — заметил Рош. — Не знаю, как ты это устроил, но все равно — спасибо.

— Что устроил?

— Поездку в Эхопраксию и по женщине каждому. Я думал, ты знаешь — мастер Гурло сказал, что уже уведомил тебя.

— Я и забыл. И вообще не думал, что он это — всерьез. Мы пойдем пешком? Это, должно быть, неблизко.

— Ну, не так уж оно далеко, но средства у нас, как я уже говорил, имеются. У Горьких Врат стоят фиакры — они там всегда стоят, потому что постоянно кто-нибудь приезжает и уезжает, хотя, сидя в нашем укромном уголке, как-то и не скажешь…

Ради поддержания беседы я рассказал ему то, что слышал от шатлены Теклы, — будто в Обители Абсолюта тьма народу даже не знает о нашем существовании.

— А что, очень похоже на правду. Это для нас, выросших в гильдии, она — пуп земли. Вот станешь немного постарше (я сам это в свое время обнаружил и знаю, что ты не станешь трепать языком) и увидишь, что палачество — вовсе не чека в колесе мироздания, а просто хорошо оплачиваемая и очень непопулярная работа, которой, по воле случая, приходится заниматься тебе.

Рош оказался прав — на Разбитом Дворе действительно стояли три экипажа. Один был экзультантским, с нарисованными на дверцах гербами и ливрейными лакеями на запятках, а два других — маленькими, простенькими фиакрами. Возницы в низких меховых шапках склонились над костерком, разведенным на булыжной мостовой. Издали, сквозь густой снег, огонь казался не больше искры.

Рош махнул им рукой, крикнул; один из возниц вскочил на сиденье, щелкнул кнутом, и фиакр с грохотом подкатил к нам. Оказавшись внутри, я спросил у Роша, знает ли кучер, кто мы такие.

— Мы — двое оптиматов, — ответил Рош. —

Приезжали в Цитадель по делам, а теперь направляемся в Эхопраксию, чтобы приятно провести вечер. Вот все, что он может и должен знать.

Я подумал, вправду ли Рош гораздо более моего опытен в развлечениях такого рода, и решил, что — вряд ли. Надеясь выяснить, бывал ли он прежде там, куда мы направляемся, я спросил, в какой стороне находится Эхопраксия.

— В квартале Мучительньк Страстей. Слыхал о таком? — Я кивнул и сказал, что мастер Палаэмон однажды говорил, будто это — один из древнейших кварталов города.

— На самом-то деле — нет. Дальше на юг есть кварталы еще древнее, но там живут одни омофаги. Цитадель ведь раньше была чуть севернее Нессуса, знаешь?

Я покачал головой.

— Город до сих пор понемногу ползет вверх по реке. Аримгерам и оптиматам нужна чистая вода — не для питья, а для рыбных прудов, купален и всего такого. Да еще — любой, кто живет слишком близко к морю, как-то не внушает доверия. И нижние кварталы, где вода была хуже всего, в конце концов сдаются. Потом вышел тот закон, и оставшиеся там боятся даже разводить огонь — чтобы их не отыскали по дыму.

Я смотрел в окно. Мы уже миновали какие-то неизвестные мне ворота, прогрохотав мимо стражей в шлемах, но все еще находились внутри Цитадели. По обеим сторонам узкого проезда тянулись ряды разбитых окон.

— Станешь подмастерьем — сможешь выходить в город когда угодно, если только ты не на дежурстве.

Я, конечно, знал об этом, но спросил Роша, считает ли он все это приятным.

— Ну, не то чтобы очень… Я, честно говоря, был там всего два раза. Оно — не то чтобы приятно, но интересно. Только всем вокруг известно, кто ты такой.

— Ты же сказал, что кучер этого не знает.

— Он-то, наверное, не знает… Эти фиакры разъезжают по всему Нессусу; кучер может жить где угодно, а в Цитадель попадать раз в году. Но местные — знают. Солдаты рассказывают. Им-то что, они могут выходить в город в своей форме.

— Ни в одном из окон нет света. Похоже, в этой части Цитадели вообще никого нет.

— Что ж, все мельчает, с этим ничего не поделать. Еды меньше — значит, и людей будет меньше, пока не придет Новое Солнце.

В фиакре, несмотря на холод, было душно.

— Далеко нам еще? — спросил я. Рош хмыкнул.

— А ты — вроде как беспокоишься?

— Вовсе нет.

— Наверняка — да. Ничего, это естественно. Так что не беспокойся насчет своих беспокойств!

— Да я совершенно спокоен.

— Если захочешь, можно все провернуть по-быстрому. С женщиной можно даже не разговаривать — ей все равно. Конечно, она с тобой и побеседует, если захочешь, ведь ты платишь. То есть в данном случае плачу я, но принцип — тот же. Она сделает все, чего ты пожелаешь, в пределах разумного. Если ударишь ее или еще что-нибудь в этом духе, цена возрастет.

— А что, люди и вправду так делают?

— Находятся любители. Тебе-то наверняка не захочется, да и из наших, гильдейских, вряд ли хоть кто-нибудь так развлекается — ну, разве что выпьет лишку. — Он помолчал. — Вообще-то эти женщины нарушают закон и поэтому не могут жаловаться…

Фиакр с грохотом свернул в другой проезд, еще уже прежнего. Теперь мы мчались на восток.

Глава 9
Лазурный Дом

Конечным пунктом нашей поездки оказалась одна из тех причудливых построек, какие часто встречаются в старых районах города, где некогда отдельные здания «срастаются» воедино, превращаясь в дикую мешанину пристроек, крыльев и переходов, выполненных в самых разнообразных архитектурных стилях, со шпилями и башнями там, где изначально не планировалось ничего сложнее обыкновенных крыш. Здесь снега было еще больше — а может, он просто успел накопиться, пока мы были в пути. Снег укрыл под собою окружавший здание портик, мягкими подушками лег на подоконники, застелил ковром ступени у входа и одел в плащи с капюшонами поддерживавших карнизы деревянных кариатид, казалось, обещавших посетителям тишину, безопасность и соблюдение полной тайны.

За окнами нижнего этажа был виден тусклый, желтый свет, другие же были темны. Несмотря на снегопад, кто-то внутри, должно быть, услышал наши шаги. Огромная, видавшая виды дверь

распахнулась прежде, чем Рош успел постучать. Войдя, мы оказались в маленькой, узкой прихожей, со стенами и потолком, обитыми голубым атласом, отчего помещение было очень похоже на футляр для дорогих украшений. Человек, впустивший нас, был одет в желтый халат и башмаки на толстой подошве; его короткие светлые волосы были зачесаны назад, открывая широкий, покатый лоб над гладким, безбородым лицом. Проходя мимо него, я заглянул в его глаза и обнаружил, что словно бы смотрю в окно. Глаза его, блестящие и ровные, точно небо засушливым летом, и вправду вполне могли быть сделаны из стекла.

— Фортуна благосклонна к вам, — сказал человек, подавая нам по бокалу. Голос его мог быть и мужским тенором и женским контральто. — Сегодня здесь нет никого, кроме вас.

— И девочки наверняка соскучились, — заметил Рош.

— Воистину! О, ты улыбаешься… я вижу, ты не веришь мне, но это — сущая правда. Да, они жалуются, когда у нас много гостей, но и скучают, если к ним не приходит никто. И каждая постарается приятно удивить вас сегодня вечером, вот увидите. И после того, как вы покинете нас, будут

хвастать перед другими тем, что вы выбрали именно их. Кроме этого, оба вы — юноши симпатичные. — Он сделал паузу, во время которой окинул Роша быстрым взглядом. — Ты бывал у нас и прежде, не так ли? Такие ярко-рыжие волосы трудно забыть. Далеко на юге дикари изображают своих огненных духов точно такими. А у твоего друга — лицо экзультанта… такие нашим девушкам нравятся больше всего! Я понимаю, отчего ты привел его к нам.

Он отворил другую дверь, со стеклянной вставкой, изображающей Искушение. Мы прошли в зал, который (несомненно, в силу контраста с прихожей) казался много просторнее самого здания. Высокий потолок был украшен белыми, похоже, шелковыми фестонами, отчего помещение напоминало огромный роскошный шатер. Вдоль двух из четырех стен тянулись колоннады — конечно, фальшивые, так как колонны на самом деле были всего лишь полукруглыми пилястрами, укрепленными на стенах, выкрашенных в синий цвет, а архитрав — всего-навсего лепным карнизом, однако, пока мы оставались в центре зала, эффект был почти полным.

В дальнем конце зала, напротив окон, стояло кресло с высокой, точно у трона, спинкой. Че-

ловек в желтом халате уселся в него, и я тут же услышал, как где-то в глубине здания зазвенел колокольчик. Устроившись в двух других креслах, поменьше, мы с Рошем ждали в тишине, нарушаемой лишь эхом мелодичного перезвона. Снаружи не доносилось ни звука, но я простотаки физически ощущал падавший снег. Вино согревало, и, сделав несколько глотков, я увидел дно бокала. Я чувствовал себя словно бы в ожидании начала церемонии в нашей разрушенной часовне, только на сей раз она была менее реальной и одновременно более серьезной.

— Шатлена Барбеа, — объявил хозяин. В зал вошла высокая женщина, державшаяся так благородно и одетая так вызывающе, что я далеко не сразу понял, что ей — никак не больше семнадцати лет. Лицо ее — округлой, совершенной формы, с ясными глазами, небольшим прямым носом и крохотным ртом, подрисованным так, чтобы казался еще меньше — было прекрасно, а волосы так отливали золотом, что вполне могли бы оказаться париком из настоящей золотой проволоки.

Остановившись в паре шагов от нас, она медленно повернулась, едва уловимо, с необыкновенной грацией меняя позу в движении. До

этого я никогда не видел профессиональных танцовщиц и ни разу после не встречал столь прекрасной. Не могу и передать, что я чувствовал, глядя на нее!

— Все придворные красавицы — здесь, к вашим услугам! — воскликнул хозяин. — Сюда, в Лазурный Дом, явились они в эту ночь, покинув свои золотые стены ради счастья доставить вам наслаждение!

Я, наполовину загипнотизированный танцем, решил, что это фантастическое утверждение высказано совершенно серьезно, и сказал:

— Это не может быть правдой.

— Но ты пришел к нам за наслаждением, не так ли? И если мечта также послужит ему, что в том плохого?

Все это время девушка с золотыми волосами продолжала свой медленный танец без музыки.

Мгновения летели одно за другим.

— Она тебе нравится? — спросил хозяин. — Ты выбираешь ее?

Я хотел было сказать — точнее, закричать, чувствуя желание всем своим существом, — что нравится, но, прежде чем успел сделать вдох, меня опередил Рош:

— Давай посмотрим и других.

Танец тут же прекратился, девушка сделала реверанс и покинула зал.

— Можешь выбрать и нескольких — по одной или всех вместе. У нас есть очень большие кровати! — Дверь, закрывшаяся за золотоволосой девушкой, отворилась снова. — Шатлена Грациа!

Вошедшая девушка казалась совершенно иной, однако во многом напоминала предыдущую, «шатлену Барбеа». Волосы ее были белы, словно хлопья снега, кружащиеся за окном, и от этого ее юное лицо казалось еще свежее, а темная кожа — темнее. Груди и бедра ее были (или же казались) пышнее, но все же она вполне могла оказаться той же самой женщиной, успевшей за несколько секунд до второго своего появления сменить одежду и парик и слегка затемнить кожу лица при помощи косметики. Мысль была абсурдной, но, подобно многим абсурдным мыслям, заключала в себе элемент истины. Что-то совпадало во взгляде, выражении лица, походке и плавности их движений. Все это напоминало о чем-то, уже виденном мною (хотя я не мог вспомнить, когда и где), но тем не менее было внове, причем то, прежнее, казалось как-то предпочтительнее.

— Эта мне подойдет, — сказал Рош. — Теперь нужно подыскать что-нибудь для моего друга.

Темнокожая девушка (эта не танцевала, а просто стояла перед нами) подошла к Рошу, присела на подлокотник его кресла и что-то прошептала ему на ухо.

Дверь отворилась в третий раз.

— Шатлена Текла, — объявил хозяин.

Казалось, в зал и вправду вошла шатлена Текла, каким-то непонятным образом выбравшаяся из темницы. Не наблюдательность, но лишь разум в конце концов убедил меня в том, что я ошибаюсь. Не знаю, заметил бы я разницу, если бы передо мной бок о бок стояли они обе, или нет. Хотя — эта девушка, несомненно, несколько ниже ростом…

— Значит, тебе нравится эта? — спросил хозяин. Не помню, чтобы я что-либо ответил, но Рош шагнул вперед с кошельком в руке и объявил, что платит за нас обоих. Я проследил за вынимаемыми из кошелька монетами, ожидая увидеть блеск хризоса, но на свет появились лишь несколько азими.

«Шатлена Текла» коснулась моей руки. Надушена она была крепче, чем настоящая Текла, однако аромат оказался точно тем же — мне он напоминал розу, сжигаемую в огне.

— Идем, — сказала она.

Я последовал за ней. За дверью оказался грязно-

ватый, тускло освещенный коридор, приведший нас к узкой лестнице. Я спросил, много ли здесь еще придворных дам, и она приостановилась, искоса взглянув на меня через плечо. Возможно, ее лицо выражало удовлетворенное тщеславие, или влюбленность, или то смутное ощущение, какое испытываешь, когда состязание становится игрой.

— Сегодня — лишь несколько, из-за снегопада. Мы с Грацией приехали в одних санях.

Я кивнул. Она наверняка явилась сюда из какого-нибудь темного переулка поблизости и, скорее всего, пешком, с шалью на голове и в старых, насквозь пронизываемых холодом туфлях, и все же перед моими глазами тут же возникла отчетливая картина: взмыленные боевые кони быстрее любой машины несутся галопом сквозь снегопад, и ветер свистит в ушах юных, прекрасных, пресыщенных дам в соболиных и рысьих шкурах, темнеющих на фоне красного бархата сидений…

— Ну, ты идешь?

Она уже поднялась до верхней площадки и почти скрылась из виду. Ее окликнули, назвав «дражайшей сестрицей», и, поднявшись парой ступеней выше, я увидел женщину, очень похожую на прекрасную спутницу Водалуса. Она

не обратила на меня никакого внимания и, как только я догадался посторониться, стремительно сбежала вниз по лестнице.

— Вот видишь, что можно получить, если только чуть-чуть подождешь!

На губах моей куртизанки мелькнула улыбка, которую я явно видел где-то прежде.

— Но я все же выбрал тебя.

— Ну, вот потеха — так потеха! Идем, идем — не стоять же вечно на этом сквозняке. Да, ты ничуть не изменился в лице, но проводил ее таким воловьим взглядом!.. Что ж, она и впрямь мила, спору нет.

С этими словами женщина, так похожая на Теклу, отворила дверь, и мы оказались в крохотной спальне с огромной кроватью. К потолку была подвешена погасшая кадильница на блестящей серебристой цепочке; в углу на высокой подставке стоял светильник под розовым колпаком. Между маленьким туалетным столиком с зеркалом и узким платяным шкафчиком оставалось как раз достаточно места, чтобы пройти внутрь.

— Хочешь раздеть меня?

Кивнув, я потянулся к ней.

— Тогда будь аккуратен. — Она повернулась ко мне спиной. — Застежки — там. Если разорвешь

что-нибудь в возбуждении, придется платить отдельно — не говори потом, будто тебя не предупредили.

Пальцы мои нащупали крошечную застежку и расстегнули ее.

— Но я полагал, что у шатлены Теклы множество платьев.

— Так оно и есть. Но как я вернусь в Обитель Абсолюта в разорванном?

— У тебя здесь, несомненно, имеются и другие.

— Да, пара. Много здесь держать нельзя — кто-нибудь унесет, пока меня нет.

Платье, что выглядело дорогим и роскошным в комнате с фальшивыми колоннадами, на поверку оказалось сшитым из тонкой дешевой ткани.

— Ни атласа, — сказал я, распуская следующую застежку, — ни соболей, ни бриллиантов…

Я отступил от нее на шаг (при этом упершись спиною в дверь). Теперь в ней не было ничего от Теклы. Чуть внешнего сходства, кое-какие жесты, да еще одежда — ничего более. Передо мною, в крохотной, холодной комнатушке, стояла с обнаженными плечами и шеей бедная молодая женщина, чьи родители, скорее всего, с благодарностью примут скудное серебро из кошелька Роша и сделают вид, будто не знают, где бывает

их дочь по ночам…

— Ты — вовсе не шатлена Текла, — сказал я. — Что я здесь делаю…

Вышло, наверное, гораздо многозначительнее, чем предполагалось. Она повернулась ко мне лицом, и тонкая ткань платья соскользнула с ее груди. В глазах ее, точно пущенный зеркалом «зайчик», мелькнул страх. Должно быть, она и прежде попадала в такое положение, и это выходило ей боком.

— Я — Текла, — сказала она, — если тебе хочется, чтобы я была ею.

Я поднял руку.

— Здесь есть кому защитить меня, — поспешно добавила она. — Мне стоит только закричать. Во второй раз ударить уже не успеешь.

— Неправда, — сказал я.

— А вот и правда. Трое мужчин…

— Ни единого. Весь этаж пуст и холоден — думаешь, я не заметил, как здесь тихо? Рош со своей девушкой остался внизу, и, наверное, получил комнату получше — платит-то он. А женщина, которую мы встретили на лестнице, просто уходила и хотела прежде переговорить с тобой. — Я взял ее за талию и поднял в воздух. — Кричи. Никто не придет.

Она молчала. Я бросил ее на кровать и присел рядом.

— Ты зол оттого, что я — не Текла. Но я хотела стать ею для тебя — и стану, если захочешь. — Стянув с моих плеч чужое непривычное пальто, она бросила его на пол. — Ты очень сильный.

— Вовсе нет.

Я отлично знал, что некоторые из трепетавших передо мной мальчишек уже гораздо сильнее меня.

— Очень! Но разве тебе, такому сильному, не по силу одолеть реальность — хотя бы ненадолго?

— Что ты хочешь сказать?

— Слабые верят в то, во что вынуждены верить. А сильные верят в то, во что хотят, и заставляют это стать реальностью. Кто есть Автарх, как не человек, верящий в то, что он — Автарх, и силой собственной веры заставляющий и других верить в это?

— Но ты — не шатлена Текла, — ответил я.

— Как и она сама. Шатлена Текла, которую ты вряд ли и видел хоть раз… Хотя — нет, здесь я ошибаюсь. Ты бывал в Обители Абсолюта?

Ее маленькие, теплые ладони легли мне на плечо и потянули вниз. Я покачал головой.

— Некоторые клиенты говорят, что бывали там.

И мне всегда нравилось слушать их.

— Они и вправду бывали в Обители Абсолюта? На самом деле?

Она пожала плечами.

— Я хотела сказать, что шатлена Текла — вовсе не шатлена Текла. То есть не та шатлена Текла, что живет в твоем воображении — единственная, до которой тебе есть дело. И я — тоже не она. Какая же тогда между нами разница?

— Наверное, никакой. Я принялся раздеваться.

— Однако ж все мы хотим знать, что же реально на самом деле. Отчего? Наверное, потому, что всех нас притягивает к теоцентру. Иерофанты говорят, что только он воистину реален.

Она поцеловала мое бедро, зная, что одержала верх.

— Ты в самом деле готов искать истину? Не забывай: для этого ты должен быть облечен фавором, иначе попадешь в руки палачей. И это тебе не понравится!

— Нет, — сказал я, беря ее голову в ладони.

Глава 10
Последний год

Думаю, мастер Гурло намеревался почаще устраивать мне поездки в этот дом, чтобы меня не слишком влекло к Текле. Я же позволил Рошу прикарманить отпущенные на это деньги и больше ни разу не ездил туда. Боль оказалась такой приятной, а наслаждение таким болезненным, что я боялся перестать понимать себя самого.

К тому же, перед тем как мы с Рошем покинули этот дом, беловолосый человек, встретившись со мною взглядом, извлек из-за пазухи нечто — я вначале решил, что это иконка, но вещица оказалась крошечным флаконч иком в форме фаллоса. При этом он улыбнулся, и улыбка его испугала меня — в ней не было ничего, кроме дружелюбия.

Прошли дни, прежде чем из моих мыслей о Текле изгладились впечатления от той фальшивой Теклы, введшей меня в мир анакреонтических развлечений и благ, что дарят друг другу мужчины и женщины. Возможно, это должно было возыметь эффект, как раз обратный тому, кото-

рого добивался мастер Гурло, но — нет. Менее всего я был склонен к любви с этой несчастной женщиной, пока в сознании моем свежи были воспоминания о том, как я невозбранно наслаждался ею. В действительности меня влекло (хотя в то время я не понимал этого) не к ее женскому естеству, но — к миру древнего знания и привилегий, который она представляла.

Книги, которые я доставил ей, стали моим университетом, а сама она — моим оракулом. Я — не из образованных; мастер Палаэмон научил меня всего лишь читать, писать и считать, преподал скудный набор сведений о физическом мире и, конечно же, все секреты нашего ремесла. И, если образованные люди порой — ну, не то чтобы принимают меня за равного, но хотя бы не стесняются быть в компании со мной — этому я обязан единственно той, до сей поры живущей в моих мыслях Текле, да еще этим четырем томикам.

Не стану пересказывать, что мы читали вместе и о чем беседовали — описание самого краткого разговора займет всю эту недолгую ночь без остатка. Всю зиму, пока на Старом Подворье не стаял снег, я неизменно поднимался из темниц наверх, словно бы пробуждаясь ото сна, и только тут начинал замечать окружающий мир — следы

собственных ног позади, свою тень на снегу… Текла очень тосковала в ту зиму, но с удовольствием рассказывала мне о тайнах прошлого, о слухах высших сфер, о гербах и историях про героев, умерших тысячелетия назад.

С приходом весны в некрополе расцвели пурпурные и белые лилии. Я принес их ей, и она сказала, что вскоре так же стремительно вырастет и моя борода, и тогда синева моих щек будет гуще, чем у большинства обычных мужчин, а на следующий день попросила за это прощения, так как предсказание ее запоздало. Тепло весны и (по-моему) принесенные мной цветы подняли ей настроение. В беседе о знаках отличия древних семейств она заговорила о своих подругах, об их браках, удачных и неудачных, и как такая-то пожертвовала своим будущим ради разрушенного замка, потому что видела его во сне, а еще одна, с которой они в детстве играли в куклы, сделалась хозяйкой многих тысяч лиг земли.

— Когда-нибудь, Северьян, непременно будет новый Автарх, а может быть, и новая автархия. Все может оставаться без перемен очень долго. Но — не вечно.

— Я мало осведомлен о придворных делах, шатлена.

— Чем меньше ты знаешь о них, тем лучше для тебя. — Она помолчала, покусывая изящно изогнутую нижнюю губу. — Когда моя мать была в тягостях, она велела слугам отнести ее к Пророческому фонтану, который предсказывает грядущее, и он предсказал, что я воссяду на трон. Теа всегда завидовала мне из-за этого. Однако Автарх…

— Что?

— Пожалуй, мне лучше не болтать слишком много. Автарх — не таков, как другие люди. Что бы я ни говорила порой, на Урсе нет человека, который мог бы сравниться с ним.

— Я знаю это.

— И этого для тебя достаточно. Взгляни. — Она подала мне книгу в коричневом переплете. — Здесь сказано:

«Таделеус Великий сказал, что демократия — это значит, Народ желает, чтобы ею управляла сила, превосходящая ее, а Ириэрикс Мудрый — что серая масса никогда не позволит кому-либо, выделяющемуся из нее, занять высокий пост. Невзирая на это, и тот и другой именуются Совершенными».

Не поняв, что она хочет сказать, я промолчал.

— Все это — к тому, что никто не может знать

наверное, как поступит Автарх. Или же Отец Инир. Когда я только-только прибыла ко двору, мне, точно великую тайну, поведали, что фактически политику Содружества определяет Отец Инир. Через два года один очень высокопоставленный человек — я даже не могу назвать тебе его имени — сказал, что правит сам Автарх, хотя из Обители Абсолюта и может показаться, будто это — Отец Инир. А в прошлом году одна женщина, суждениям которой я доверяю гораздо больше, чем суждениям любого из мужчин, поведала мне, что на самом деле это абсолютно все равно, так как оба они непостижимы, точно океанские глубины, и, если б один из них правил, когда прибывает луна, а другой — когда ветер дует с востока, никто не заметил бы разницы. И я считала это суждение мудрым, пока не поняла, что она всего-навсего повторила то, что я говорила ей за полгода до этого.

Текла умолкла и опустилась на кровать, разметав волосы по подушке.

— По крайней мере, — заметил я, — ты не ошиблась, доверяя ей. Она черпала свои суждения из достоверных источников.

Точно не слыша меня, она прошептала:

— Но все это — так, Северьян. Никто не может

предсказать заранее их действия. Меня могут освободить хоть завтра. Это вполне возможно. Теперь-то им уж точно известно, что я здесь. Не смотри так! Мои друзья поговорят с Отцом Иниром. Быть может, кто-нибудь даже упомянет обо мне в разговоре с Автархом. Тебе ведь известно, почему я здесь?

— Из-за чего-то, связанного с твоей сестрой.

— Моя единокровная сестра Теа сейчас с Водалусом. Говорят, будто она — его любовница, и это, по-моему, очень даже на нее похоже.

Я вспомнил прекрасную женщину на лестнице Лазурного Дома и сказал:

— Пожалуй, я однажды видел твою сестру. В некрополе. С ней был экзультант — вооруженный мечом, упрятанным в трость, и очень красивый. Он сказал мне, что его имя — Водалус. Лицо той женщины было правильной, округлой формы, а голос — словно у голубки. Похожа?

— Пожалуй, да. Они хотят, чтобы она предала Водалуса ради моего спасения, но она ни за что не сделает этого. И, когда они убедятся в этом, почему бы им не освободить меня?

Я заговорил о чем-то другом и продолжал, пока она не рассмеялась.

— Ты так умен, Северьян, что, сделавшись

подмастерьем, будешь самым церебральным палачом в истории! Ужасно!

— Но у меня было впечатление, будто шатлене доставляют удовольствие такие беседы.

— Только сейчас, потому что не могу выйти отсюда. Может быть, это окажется для тебя потрясением, но на свободе я редко уделяла время метафизике. Предпочитала танцевать или охотиться на пекари со сворой гончих. А восхищающую тебя ученость приобрела еще в детстве, под угрозой палки учителя.

— Если шатлена захочет, мы можем не говорить о таких вещах.

Поднявшись, она зарылась лицом в принесенный мною букет.

— Теология цветов лучше теологии пыльных фолиантов, Северьян. Как, должно быть, прекрасно в некрополе, где ты сорвал их! Это ведь не могильные цветы, верно? Принесенные кем-то, чтобы почтить память покойного?

— Нет. Они были посажены там давным-давно. И каждый год расцветают.

В дверное окошко заглянул Дротт.

— Время! — Я поднялся.

— Как ты думаешь, может быть, ты увидишь мою сестру, шатлену Теа, еще раз?

— Думаю, вряд ли, шатлена.

— Но, Северьян, если увидишь, расскажешь ей обо мне? Возможно, они просто не могут связаться с ней. В этом не будет никакой измены — ты сделаешь для Автарха то, чего хочет он сам!

— Хорошо, шатлена. — Я шагнул через порог.

— Я знаю, она не предаст Водалуса, но возможен же какой-нибудь компромисс…

Дротт закрыл дверь и повернул ключ в скважине. От меня не укрылось, что Текла не спрашивала, как ее сестра с Водалусом оказались в нашем древнем, давно забытом такими людьми, как они, некрополе. Коридор с рядами металлических дверей и отсыревшими стенами казался темным и мрачным после освещенной светильником камеры. Дротт завел рассказ о том, как они с Рошем ездили на тот берег Гьолла смотреть львов, но я все же расслышал последние слова Теклы:

— Напомни ей, как мы шили куклу для Жозефы!

Лилии, как и положено цветам, со временем отцвели; распустились бутоны темных роз смерти. Нарвав их пурпурных, почти черных цветов, я также отнес их Текле. Она улыбнулась и процитировала:

— Вот покоится Грации — не Целомудрия — Роза, И ароматы ее розам не свойственны вовсе…

— Если шатлене неприятен запах…

— Вовсе нет, он очень мил. Я просто цитировала одну из любимых присказок моей бабушки. В юности она пользовалась дурной славой — по крайней мере, так говорила сама бабушка, — но, когда она умерла, все дети декламировали этот стишок. А на самом деле он, наверное, гораздо старше, и корни его, подобно всему — хорошему ли, плохому — затерялись во времени. Скажи, Северьян: ведь мужчины желают женщин? Так почему же они презирают тех, которыми обладают?

— Не думаю, что так поступают все мужчины, шатлена.

— Та прекрасная Роза отдала себя всю, без остатка, и за это была осмеяна так, что даже мне известно об этом, хотя и мысли и плоть ее давно превратились в прах. Иди, сядь со мной рядом.

Я выполнил ее просьбу, и руки ее, скользнув под подол моей рубахи, стащили ее с меня через голову. Я хотел было протестовать, но противиться тому, что она делает, не мог.

— Чего тебе стесняться — ведь у тебя нет даже грудей, которые следует прятать! Никогда не

видела такой белой кожи при таких темных волосах… Как ты думаешь — а у меня кожа белая?

— Белее не бывает, шатлена.

— И прочие думали так же, но все же она темна по сравнению с твоей. Когда станешь палачом, Северьян, избегай солнца. Иначе оно страшно обожжет тебя.

Сегодня ее волосы, которые она обычно оставляла распущенными, были обернуты вкруг головы наподобие темного нимба. Никогда еще она не была более похожа на свою сестру Теа, и я почувствовал такое желание, что с каждым ударом сердца силы покидали меня, будто я истекал кровью.

— Зачем ты стучишь в мою дверь?

Ее улыбка показывала, что ответ ей хорошо известен.

— Я должен идти.

— Только прежде надень рубашку — твоему другу незачем видеть тебя таким.

Вечером я ушел в некрополь и несколько страж бродил среди безмолвных обителей мертвых, хотя знал, что из этого ничего не выйдет. Назавтра я вернулся туда, и следующим вечером — тоже, а на четвертый Рош взял меня с собой в город, и там, в одном питейном заведении, кто-то, каза-

лось, знающий, что говорит, обмолвился, будто Водалус сейчас далеко на севере — прячется среди скованных морозами лесов с отрядом кафилиев.

Шли дни. Текла, проведя столько времени в полной безопасности, уже твердо уверилась, что никогда не будет подвергнута пытке, и попросила Дротта доставить ей принадлежности для письма и рисования, при помощи которых намеревалась составить план своей новой виллы на южном берегу озера Диутурна, известного как самый отдаленный и прекрасный уголок Содружества. А я водил группы учеников купаться, полагая это своей обязанностью, хотя меня самого при одной мысли о том, чтобы нырнуть в воду, охватывал страх.

Затем — как всегда, внезапно — погода сделалась слишком холодной для купаний, однажды утром истертые булыжники Старого Подворья оказались покрыты инеем, за обедом на наших тарелках появилась свинина — верная примета того, что мороз добрался до холмов, лежащих ниже по течению Гьолла. Наконец я был вызван к мастеру Гурло с мастером Палаэмоном.

— Вот уже не первый квартал, — начал мастер Гурло, — мы получаем о тебе, Северьян, только положительные отзывы, и ученичество свое ты

почти выслужил.

— Детство позади, — почти шепотом добавил мастер Палаэмон, — впереди — жизнь зрелого мужчины. — В голосе его слышалась искренняя симпатия.

— Именно, — подтвердил мастер Гурло. — Праздник нашей святой покровительницы близок. Ты, без сомнения, уже подумал о будущем?

Я кивнул.

— Да. После меня капитаном станет Эата.

— А ты?

Я не понял, что он хочет сказать, и мастер Палаэмон, увидев это, мягко спросил:

— Кем будешь ты, Северьян? Палачом? Ведь ты можешь оставить гильдию, если будет на то твоя воля.

Я — твердо, будто даже слегка шокированный — ответил, что никогда и не помышлял о таком. Но это было неправдой. Как и все ученики, я знал, что ни один из нас не является членом гильдии окончательно и бесповоротно, пока не даст на это согласия по достижении совершеннолетия. Более того — хоть я и любил гильдию, но в то же время ненавидел ее. Нет, не из-за боли и мук, порой причиняемых невинным либо, по мало-

сти содеянного, не заслужившим столь строгого наказания. Я полагал бесполезным и ненужным служение власти не только неэффективной, но и безмерно далекой. Пожалуй, лучше всего выразить чувства, которые я питал к гильдии, так: я ненавидел ее за унизительную и изнурительную жизнь, любил за то, что она была моим домом, и вместе любил и ненавидел потому, что она была древней и слабой и, казалось, должна была существовать вечно.

Конечно, я не стал высказывать всего этого мастеру Палаэмону, хотя мог бы, не будь с нами мастера Гурло. Да, казалось невероятным, что моя облаченная в отрепья верность может быть принята всерьез; но все же это было так.

— Обдумывал ты возможность ухода или нет, — сказал мастер Палаэмон, — этот выбор для тебя открыт. Многие сказали бы, что только глупец способен, выслужив тяжкий срок ученичества, отказаться стать подмастерьем. Но все же ты вправе поступить так, если пожелаешь.

— Но куда же я пойду?

Вот что, хоть я и не мог сказать им этого, являлось настоящей причиной, в силу которой мне хотелось остаться. Я знал, что за стенами Цитадели — или даже за стенами нашей башни

— простирается огромный мир, но не мог представить себе, какое место мог бы занять в нем. Оказавшись перед необходимостью выбирать между рабством и зияющей пустотой свободы, я испугался, что получу ответ на свой вопрос, и добавил:

— Я вырос здесь…

— Да, — сказал мастер Гурло самым официальным тоном, на какой был способен. — Но ты еще не палач. На тебя еще не возложена маска.

Сухая, морщинистая рука мастера Палаэмона пошарила в воздухе и нашла мою.

— Посвящаемым в сан священника обычно говорят: «Да приобщишься к таинству навеки!» Здесь имеется в виду не только приобщение к знанию, но и принятие помазания, которого не снять, не стереть, хотя оно и невидимо. Каково наше помазание, тебе известно.

Я снова кивнул.

— Стереть его — невозможнее невозможного. Уйди ты сейчас, люди будут говорить о тебе только: «Его вырастили палачи». Но когда ты примешь помазание, скажут: «Он — палач!» И идя за плугом либо маршируя под барабанную дробь, ты все равно будешь слышать: «Он — палач!» Ты понимаешь это?

— Я и не желал бы слышать ничего иного.

— Вот и хорошо, — сказал мастер Гурло, и оба внезапно улыбнулись, причем мастер Палаэмон обнажил в улыбке редкие, кривые зубы, а зубы мастера Гурло оказались квадратными и желтыми, точно у дохлой лошади. — Тогда настало время посвятить тебя в главную, окончательную тайну. — (Даже сейчас, когда я пишу это, мне отчетливо слышна торжественность в его голосе.) — До церемонии тебе неплохо было бы подумать над ней.

Затем они с мастером Палаэмоном открыли мне тайну, заключенную в самом сердце гильдии и еще более сокровенную, ибо в честь нее, лежащей на коленях самого Панкреатора, не служат литургий.

После этого я дал клятву не раскрывать этой тайны никогда и никому — кроме тех, кто подобно мне сейчас принимает посвящение в гильдию. И клятвы этой наряду со множеством прочих впоследствии не сдержал.

Глава 11
Празднество

День нашей святой покровительницы приходится на самый конец зимы, и в этот день мы веселимся вовсю. Во время шествия подмастерья представляют танец мечей с фантастическими прыжками и пируэтами; мастера возжигают в разрушенной часовне Большого Двора тысячу ароматических свечей; мы же накрываем столы для пиршества.

В нашей гильдии прошедший год считается изобильным, если в этот день хотя бы один подмастерье возвышается до звания мастера, урожайным, если хотя бы один ученик становится подмастерьем, и скудным, если никаких возвышений не происходит. Поскольку в тот год, когда я стал подмастерьем, ни один из подмастерьев не поднялся до мастера (что неудивительно — такое случается реже, чем раз в десятилетие), церемония возложения маски на меня завершала урожайный год.

Даже в этом случае приготовления к празднеству заняли не одну неделю. Я слышал, будто в

стенах Цитадели трудятся члены не менее ста тридцати пяти гильдий. Некоторые из них (наподобие кураторов) слишком немногочисленны, чтобы праздновать день своего святого в часовне, и потому вынуждены присоединяться к своим городским собратьям. А те, кто числом поболе, стараются изо всех сил — пышность празднеств служит репутации гильдии. Солдаты — на Адриана, матросы — на Барбару, ведьмы — в день святой Мэг — и так далее. И все стараются при помощи убранства, представлений и дарового угощения привлечь на церемонию как можно больше стороннего люда.

Все — кроме гильдии палачей. Ни один посторонний не ужинал с нами в день святой Катарины более трехсот лет. Последним, отважившимся явиться к нашему столу, был, говорят, некий лейтенант стражи, сделавший это на пари. Существует множество пустопорожних баек, повествующих о том, как с ним обошлись — например, будто его усадили за праздничный стол в кресло из раскаленного докрасна железа. Но все они лгут. В соответствии с обычаями гильдии, он был принят с почетом и угощен на славу. Однако оттого, что мы за мясом и праздничным пирогом отнюдь не хвастались друг перед другом при-

чиненными пациентам муками, не изобретали новых методов пытки и не проклинали тех, кто умер под пыткой слишком быстро, он испугался еще сильнее — вообразил, будто мы усыпляем его бдительность, с тем чтобы впоследствии захватить врасплох. С этими мыслями он много пил, мало закусывал, а вернувшись в казармы, пал наземь и принялся биться головой об пол, словно в одночасье потерял все, во что верил, и пережил великие страдания. Через некоторое время он сунул в рот ствол своего оружия и нажал на спуск, но уж в том нашей вины не было ни грана.

После этого в часовне на святую Катарину не бывало никого, кроме палачей. Но все же каждый год (зная, что на нас смотрят из-за высоких стрельчатых окон) мы готовимся к празднику, подобно всем прочим — и даже усерднее. И в этот раз на столах у входа в часовню наши вина сверкали в свете сотни светилен, словно рубины; жареные быки нежились в лужах подливки, дымясь и вращая глазами из цельных лимонов; агути и капибары в шкурах из хрустящего поджаренного кокоса, будто живые, резвились на бревнах из ветчины и каменных россыпях из свежевыпеченного хлеба.

Мастера, которых в тот год, когда я стал подма-

стерьем, было всего двое, прибыли на праздник в паланкинах с занавесками, сплетенными из цветущих ветвей, и ступили на ковры, выложенные из разноцветного песка, — картины эти, повествующие о традициях гильдии, подмастерья выкладывали по зернышку в течение многих дней, чтобы стопы мастеров разметали их в один миг.

Внутри ждали своего часа огромное шипастое колесо, дева и меч. Колесо это я знал отлично, так как раз десять за время ученичества помогал устанавливать и убирать его. В обычные дни оно хранилось в башне, под артиллерийской площадкой. Меч, шагов с двух выглядевший совсем как настоящее орудие палача, был простой деревяшкой, насаженной на старый эфес и выкрашенной блестящей серебряной краской.

Вот о деве не могу сказать ничего. Во время первых праздников, которые могу вспомнить, я, по малолетству, просто не задумывался о ней. Когда стал постарше (капитаном в те годы был Гилдас, вышедший в подмастерья задолго до того дня, о котором я пишу сейчас) — считал, что это, должно быть, одна из ведьм, но еще через год или два понял, сколь крамольной была эта мысль.

Возможно, она была служанкой из какой-то

отдаленной части Цитадели. Возможно, жительницей города, за плату либо в силу неких старых связей с нашей гильдией согласившейся играть эту роль. Не знаю. Знаю только, что каждый год эта женщина — насколько я могу судить, одна и та же — участвовала в нашем празднике. Она была высокой и стройной, хотя и не такой высокой и стройной, как Текла, смуглой, черноглазой, жгучей брюнеткой. Я никогда и нигде больше не видел подобного лица — оно казалось чистым, глубоким озером среди лесной чащи.

Пока мастер Палаэмон, как старший из мастеров, рассказывал нам об основании гильдии и жизни наших предшественников в доледниковые времена (эта часть повествования каждый год, по мере продвижения ученых изысканий мастера Палаэмона, менялась), она стояла между мечом и колесом. Молча стояла она и тогда, когда мы запели Песнь Страха — исполнявшийся лишь раз в году гимн гильдии, который каждый ученик должен знать назубок. Молчала она и тогда, когда мы преклонили колени для молитвы.

После вознесения молитв мастер Гурло и мастер Палаэмон, при помощи десятка старших подмастерьев, начали ее легенду. Иногда декламировал кто-то один, иногда — все вместе, а

порой — двое возглашали каждый свое, в то время как прочие играли на флейтах, выточенных из бедренных костей, и трехструнных ребеках, визжавших совсем по-человечески.

Когда они достигли той части повествования, в которой Максентий приговаривает нашу святую к смерти, четверо подмастерьев в масках бросились к деве и схватили ее. Она, столь молчаливая и безмятежная прежде, с криком рванулась прочь. Тщетно! Но стоило подмастерьям подтащить ее к колесу, оно внезапно зашевелилось. При свете свечей поначалу казалось, будто из обода наружу выбралось множество змей — зеленых питонов с алыми, лимонно-желтыми и белыми головами. Но это были не змеи, это были всегонавсего цветы — бутоны роз. Вот уже один шаг отделяет деву от колеса — и бутоны (я прекрасно знал, что они сделаны из бумаги и упрятаны до времени в сегменты обода) распускаются! Подмастерья отступают, изображая страх, но судьи — мастер Гурло, мастер Палаэмон и прочие, хором декламирующие слова Максентия, — гонят их вперед.

Тогда вперед выступил я — все еще без маски и в одежде ученика.

— Сопротивление не принесет пользы. Ты бу-

дешь изломана на колесе, однако не претерпишь дальнейшего бесчестья.

Дева молча потянулась к колесу и коснулась его, отчего розы исчезли, и оно разом распалось на куски, с грохотом рухнувшие на пол.

— Обезглавь ее, — велел Максентий.

Я взялся за меч. Он оказался очень тяжел.

Дева опустилась передо мной на колени.

— Ты — посланница Всеведущего, — сказал я. — И, хоть тебе предстоит погибнуть от моей руки, я молю тебя пощадить мою жизнь.

Тут дева впервые отверзла уста, сказав:

— Рази и не страшись ничего.

Я поднял меч. Помню, что на миг испугался, как бы его тяжесть не заставила меня потерять равновесие.

Этот момент всплывает в моем сознании прежде всего, когда я вспоминаю те времена. Именно он остается точкой отсчета, откуда приходится двигаться вперед или же возвращаться назад, чтобы вспомнить больше. В воспоминаниях я всегда стою так — в серой рубахе и рваных штанах, с мечом, занесенным над головой. Поднимая его, я был учеником, а когда клинок опустится — сделаюсь подмастерьем Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Есть правило, согласно которому экзекутор должен находиться между своей жертвой и источником света; таким образом, плаха, на которой лежала голова девы, была почти полностью скрыта в тени. Я знал, что удар не причинит ей вреда — мне следовало направить клинок чуть вбок и привести в действие хитроумный механизм, который высвободит из тайника в плахе восковую голову, вымазанную кровью, тогда как дева незаметно спрячет свою собственную под капюшоном цвета сажи. Знал, но все же медлил с ударом.

Дева заговорила снова; голос ее, казалось, зазвенел в моих ушах:

— Рази и не страшись ничего.

И тогда я изо всех сил обрушил вниз поддельный клинок. На миг показалось, будто он противится этому. Затем деревяшка врезалась в плаху, распавшуюся надвое, и окровавленная голова девы покатилась к ногам моих собратьев, наблюдавших за казнью. Мастер Гурло поднял ее за волосы, а мастер Палаэмон подставил горсть под стекавшую на пол кровь.

— Сим помазую тебя, Северьян, — заговорил он, — и нарекаю братом нашим навеки.

Его средний палец коснулся моего лба, оставив

на нем кровавый след.

— Да будет так! — провозгласили мастер Гурло и все подмастерья, кроме меня.

Дева поднялась на ноги. Мне было отлично известно, что ее голова всего-навсего скрыта под капюшоном, и все же впечатление ее отсутствия было полным. Я ощутил усталость и головокружение.

Забрав у мастера Гурло восковую голову, она сделала вид, будто водружает ее обратно на плечи, но на самом деле просто ловко и незаметно спрятала под капюшон — и встала пред нами, живая, здоровая и ослепительная. Я преклонил перед нею колени, а остальные отступили назад.

Подняв меч, которым я до этого якобы обезглавил ее (лезвие от соприкосновения с восковой головой тоже было в крови), она провозгласила:

— Отныне принадлежишь ты палачам!

Я почувствовал, как меч касается моих плечей, и тут же нетерпеливые руки надели на меня гильдейскую маску и подняли в воздух. Еще прежде чем понять как следует, что происходит, я оказался на плечах двух подмастерьев — только потом узнал, что это были Дротт с Рошем, хотя мог бы сразу догадаться. Под приветственные крики они пронесли меня по главному проходу часовни.

Наружу мы выбрались не раньше, чем начался фейерверк. Под ногами и даже в воздухе, над самым ухом, трещали шутихи, под тысячелетними стенами часовни рвались петарды, зеленые, желтые и красные ракеты взмывали ввысь. Ночное небо разорвал пополам пушечный выстрел с Башни Величия.

Выше я уже описывал все великолепие, ждавшее нас на столах во дворе. Меня усадили во главе стола, между мастером Гурло и мастером Палаэмоном, в мою честь возглашались тосты и здравицы, и я выпил чуть больше, чем следовало (для меня даже самая малость всегда оказывалась чуточку большей, чем следовало бы).

Что было дальше с девой, я не знаю. Она просто исчезла, как и в любой другой день святой Катарины, который я могу вспомнить. Больше я никогда не видел ее.

Как я оказался в кровати — не имею ни малейшего представления. Те, кто пьет помногу, рассказывали, что порой забывают все, что случилось с ними под конец ночи, — возможно, так же произошло и со мной. Но скорее, я (я ведь никогда ничего не забываю и даже, признаться, хоть это выглядит чистой похвальбой, не понимаю, что именно имеют в виду другие, говоря,

будто забыли что-то, ибо все, пережитое мной, становится частью меня самого) просто заснул за столом и был отнесен туда.

Как бы там ни было, проснулся я не в знакомой комнате с низким потолком, служившей нам дортуаром, но в маленькой — в высоту больше, чем в ширину, — каютке подмастерья. Поскольку я был из подмастерьев младшим, мне досталась самая худшая во всей башне — крохотная, не больше камеры в подземных темницах, комнатенка без окон.

Казалось, кровать раскачивается подо мной. Ухватившись за ее края, я сел, и качка прекратилась, чтобы начаться вновь, едва я опять коснусь головой подушки. Я почувствовал себя полностью проснувшимся, а затем — будто проснулся снова, проспав какое-то мгновение. Я знал, что в крохотной каютке со мной был кто-то еще, и по какой-то причине, которой не могу объяснить, полагал, будто это была та молодая женщина, игравшая роль нашей святой покровительницы.

Я опять сел на качающейся кровати. Комната была пуста, лишь тусклый свет сочился внутрь из-за дверей.

Когда я лег снова, комната наполнилась ароматом духов Теклы. Значит, здесь побывала та,

фальшивая Текла из Лазурного Дома! Я выбрался из постели и, едва не упав, распахнул дверь.

Коридор за дверью был пуст.

Под кроватью в ожидании своего часа стоял ночной горшок. Вытащив его, я склонился над ним, и меня обильно вырвало жирным мясом и вином пополам с желчью. Из глаз катились слезы. Отчего-то казалось, будто я совершаю предательство, будто, извергнув все, что накануне даровала мне гильдия, я отвергаю и самое гильдию… Наконец я смог начисто утереться и снова лечь в постель.

Несомненно, я снова заснул. Я увидел нашу часовню, однако она больше не лежала в руинах. Крыша ее была совершенно целой, с острым высоким шпилем и рубиновыми лампами, подвешенными к карнизу над входом. Плиты пола были отполированы до блеска, совсем как новые, а древний каменный алтарь убран златотканой парчой. Стена позади алтаря была украшена чудесной мозаикой, изображавшей пустое голубое пространство, словно на нее наклеили вырезанный кусок неба без единой тучки или звездочки.

Я направился вдоль главного прохода к алтарю и по дороге был поражен тем, насколько это небо светлее настоящего, синева коего даже в самый

ясный день почти черна. И сколь прекраснее настоящего было это мозаичное небо! Я не мог смотреть на него без трепета! Его красота вознесла меня ввысь, а алтарь с чашей багряного вина, хлебами предложения и старинным кинжалом остался внизу. Я улыбнулся, глядя на него сверху…

… и проснулся. Во сне я слышал доносившиеся из коридора шаги и даже узнал их, хотя теперь не мог вспомнить, кому они принадлежали. С некоторыми усилиями я все же вспомнил звук — то были не человеческие шаги, а всего лишь мягкий шелест лап и еле уловимое поцокивание когтей.

Звук донесся до меня снова — столь слабо, что мне показалось, будто я спутал воспоминания с реальностью. Но звук, вполне настоящий, то удалялся по коридору, то вновь приближался к дверям. Однако стоило мне чуть приподнять голову, к горлу опять подступила волна тошноты. Я опустился на подушку, сказав себе, что тот, кто расхаживает по коридору взад-вперед, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Запах духов исчез, и я, хоть чувствовал себя ужасно, понял, что нереального больше не нужно бояться, ибо я снова вернулся в мир незыблемых вещей и ясного света. Дверь чуть приотворилась, и в комнату,

точно желая удостовериться, что со мною все в порядке, заглянул мастер Мальрубиус. Я помахал ему рукой, и он закрыл дверь. Далеко не сразу я вспомнил, что мастер Мальрубиус умер, когда я был еще совсем мал.

Глава 12
Изменник

Весь следующий день меня мучила тошнота и головная боль. Но, в силу давних традиций, я, в отличие от большинства братьев, был освобожден от уборки Большого Двора и часовни. Меня поставили дежурить в темницах. Утренняя тишина коридоров успокаивала, однако вскоре примчались ученики (в их числе — и тот малец, Эата, со вспухшей губой и победным блеском в глазах), принесшие пациентам завтрак — в основном холодное мясо, оставшееся от праздничного пира. Пришлось объяснять десятку пациентов, что мясо они получат только сегодня, в этот единственный в году день, и, кроме того, сегодня не будет никаких пыток, ибо день праздника и следующий за ним — особые, и даже если режим заключения требует применения в эти дни пыток, процедура откладывается. Шатлена Текла все еще спала. Я не стал будить ее — просто отпер дверь и поставил ее поднос на столик.

Примерно в середине утра я вновь услышал шаги и, подойдя к лестнице, увидел двоих ка-

тафрактов, анагноста, читающего молитвы, мастера Гурло и молодую женщину. Мастер Гурло спросил, имеется ли в ярусе свободная камера, и я принялся описывать пустующие.

— Тогда прими заключенную. Я уже расписался за нее.

Кивнув, я взял женщину за плечо; катафракты выпустили ее и четко, точно два сверкающих серебристым металлом механизма, развернувшись, удалились.

Судя по хорошему атласному платью (уже кое-где испачканному и порванному), женщина была оптиматой. Платье армигеты было бы скромнее, но дороже, а из классов победнее просто никто не может позволить себе так одеваться. Анагност хотел было последовать за нами, но мастер Гурло не позволил. По лестнице сталью гремели шаги солдат.

— А когда меня…

В ее высоком голосе отчетливо слышался страх.

— Отведут в комнату для допросов? — Она вцепилась в мою руку, как будто я был ее отцом или возлюбленным.

— Меня в самом деле отведут туда?

— Да, госпожа.

— Откуда тебе знать?

— Туда попадают все, госпожа.

— Все? Разве никогда никого не выпускают?

— Изредка.

— Значит, могут выпустить и меня, ведь так? — Надежда в ее голосе напоминала расцветший в тени цветок.

— Возможно, но очень маловероятно.

— И ты даже не хочешь знать, что я такого сделала?

— Нет, — ответил я.

Случайно камера по соседству с Теклой была свободна; какое-то мгновение я размышлял, не поместить ли эту женщину туда. С одной стороны, у Теклы будет собеседница (через окошки в дверях при желании можно было переговариваться), с другой же — вопросы этой женщины и звук отпирающейся двери могут потревожить ее сон. Наконец я решил, что наличие компании компенсирует нарушение сна.

— Я была обручена с одним офицером и узнала, что он содержит какую-то шлюху. Он отказался бросить ее, и я наняла бандитов, чтобы подожгли ее хижину. Сгорела пуховая перина, кое-что из мебели да кое-какая одежда. Неужели это — такое уж преступление, за которое следует подвергать

пыткам?

— Не могу знать, госпожа.

— Меня зовут Марселлина. А тебя?

Поворачивая ключ в замке, я размышлял, стоит ли ей отвечать. Текла, уже зашевелившаяся в своей камере, скажет ей в любом случае.

— Северьян, — сказал я.

— И ты зарабатываешь свой хлеб, ломая чужие кости. Хорошие, должно быть, тебе снятся сны!

Текла уже глядела сквозь окошко в своей двери. Глаза ее были огромны и глубоки, как два колодца.

— Кто это был с тобой, Северьян?

— Новая заключенная, шатлена.

— Женщина? Я слышала ее голос… Из Обители Абсолюта?

— Нет, шатлена.

Я не знал, когда им еще представится случай поглядеть друг на дружку, и потому подвел Марселлину к дверям камеры Теклы.

— Еще одна женщина… Разве неудивительно? Сколько у вас здесь женщин, Северьян?

— На нашем ярусе сейчас восемь, шатлена.

— Можно подумать, что обычно бывает и больше!

— Нет, шатлена, их лишь изредка бывает боль-

ше четырех.

— И долго ли мне придется оставаться здесь? — спросила Марселлина.

— Нет, госпожа. Надолго задерживаются лишь немногие.

— Меня, видишь ли, вот-вот освободят, — с какой-то нездоровой серьезностью в голосе сказала Текла. — Северьян знает об этом.

Новая пациентка разглядывала Теклу с возрастающим интересом, насколько позволяло окошко.

— Тебя в самом деле освободят, шатлена?

— Он знает. Он отослал для меня письма — ведь так, Северьян? Пройдет несколько дней, и я распрощаюсь с ним. Он — в своем роде очень милый мальчуган.

— Теперь ты должна идти в камеру, госпожа, — сказал я. — Можете продолжать беседу, если желаете.

После раздачи пациентам ужина меня сменили. Дротт, встретив меня на лестнице, сказал, что мне стоило бы пойти прилечь.

— Это все — из-за маски, — возразил я. — Ты еще не привык видеть меня в ней.

— Я вижу твои глаза, и этого достаточно. Разве ты не можешь узнать по глазам любого из

братьев и сказать, зол ли он или же в шутливом настроении? Ты уже должен идти спать.

Я объяснил, что прежде должен еще кое-что сделать, и отправился в кабинет мастера Гурло. Как я и надеялся, его не оказалось на месте, а среди бумаг на столе лежал — не могу объяснить, отчего, но я был уверен, что найду его там — приказ о применении пытки к шатлене Текле.

После этого я уже не мог просто лечь и заснуть. Я направился (в последний раз, хоть и не знал этого тогда) к мавзолею, где играл мальчишкой. Саркофаг моего старого экзультанта совсем потускнел, сухих листьев на полу прибавилось, но в остальном ничего не изменилось. Однажды я рассказывал Текле об этом месте и теперь представил себе, что она — со мной; будто я устроил ей побег, пообещав, что здесь ее никто не найдет, а я буду приносить ей еду и, когда минует опасность, помогу уплыть на купеческой дау вниз по течению, к дельте Гьолла и морскому побережью.

Да, будь я героем наподобие тех, о которых мы вместе читали в старинных романах, — освободил бы ее в тот же вечер, одолев или подпоив чем-нибудь братьев, стоящих на страже. Увы, я не был героем из старого романа, да и ни снотворного, ни оружия серьезнее украденного с кухни

ножа не имел под рукой.

И если уж быть до конца честным, между моим сокровеннейшим «я» и этим отчаянным поступком стояли слова, сказанные ею в то утро — первое после моего возвышения. Шатлена Текла назвала меня «очень милым в своем роде мальчуганом», и какая-то, уже созревшая часть моего естества сознавала, что я, даже преуспев в столь отчаянном предприятии, все равно останусь для нее всего лишь «очень милым в своем роде мальчуганом». В те времена для меня много значили такие вещи.

На следующее утро мастер Гурло назначил меня ассистировать при исполнении процедуры. Третьим с нами пошел Рош.

Я отпер ее камеру. Вначале она не понимала, зачем мы явились, и даже спросила, не допущен ли к ней посетитель и не освобождают ли ее наконец, но к тому времени, как мы добрались до места назначения, поняла все.

Многие мужчины в этот момент теряли сознание, но она устояла. Мастер Гурло любезно осведомился, не желает ли шатлена получить объяснения относительно разнообразных механизмов, находившихся в комнате для допросов.

— То есть — тех, которые будут применены

ко мне?

— Нет, нет, зачем же! Я говорю о всех тех любопытных машинах, которые мы увидим по пути. Некоторые — совсем устарели, а большую часть вообще вряд ли когда-либо использовали.

Прежде чем дать ответ. Текла огляделась вокруг. Комната для допросов — наше рабочее помещение — не поделена на камеры. Это — довольно обширный зал, потолок коего подпирают, точно колонны, трубы древних двигателей, а пол загромождён принадлежностями нашего ремесла.

— И то, что будет применено ко мне, — тоже устарело?

— Ну, этот аппарат — самый почитаемый из всех! — Мастер Гурло подождал, не последует ли ее ответная реплика, и, не дождавшись, продолжил лекцию:

— «Воздушный змей» наверняка знаком тебе, его знают все. А вот за ним… сюда, пожалуйста, так будет видно лучше… за ним — то, что среди нас зовется «пишущей машиной». Этот аппарат предназначен для впечатывания любого требуемого лозунга в плоть пациента, но постоянно ломается. Я вижу, ты смотришь на тот старый столб — в нем нет никаких внутренних секре-

тов. Просто столб для обездвиживания рук плюс тринадцатихвостая плеть, посредством коей производится процедура. Раньше он стоял на Старом Подворье, но ведьмы жаловались, и кастелян заставил нас перенести его сюда. Это случилось около столетия назад.

— Кто такие ведьмы?

— Боюсь, сейчас у нас нет времени вдаваться в подобные материи. Северьян объяснит тебе, когда ты вернешься в камеру.

Она взглянула на меня, словно спрашивая: «Я в самом деле вернусь туда?», и я, пользуясь тем, что мастер Гурло не видит, на миг сжал ее ледяную ладонь в своей.

— А вон там…

— Подожди. У меня есть выбор? Существует ли способ уговорить вас… применить одно приспособление вместо другого?

Голос ее звучал по-прежнему твердо, но несколько тише и глуше.

Мастер Гурло отрицательно покачал головой.

— В этом мы не вольны, шатлена. Как и ты сама. Мы приводим в исполнение присланный нам приговор. Ни более ни менее. — Он смущенно кашлянул. — Вот это, пожалуй, окажется интересным — «Ожерелье Аллоуина», как мы

его называем. Пациента привязывают к этому креслу, причем на грудину ему накладывается эта подушечка. Каждый вдох, сделанный после этого, туже затягивает вон ту цепочку; таким образом, чем больше пациент дышит, тем меньше воздуха получает с каждым следующим вдохом. Теоретически данная процедура может длиться бесконечно — если вдохи очень неглубоки и натяжение цепочки, соответственно, понемногу возрастает.

— Какой ужас! А как называются та путаница проводов и стеклянный шар над столом?

— О-о, — ответил мастер Гурло, — это — наш «Революционизатор»! Пациент ложится сюда… не угодно ли шатлене лечь?

Текла застыла на месте. Ростом она была гораздо выше любого из нас, однако невообразимый ужас на лице полностью скрадывал и ее рост, и величественную осанку.

— Иначе, — продолжал мастер Гурло, — подмастерья будут вынуждены уложить тебя силой. И это, безусловно, не понравится тебе, шатлена.

— Я думала, — прошептала Текла, — что ты покажешь мне все эти механизмы…

— Мне просто нужно было отвлечь чем-либо мысли пациента перед процедурой. На этом

нам придется закончить экскурсию, шатлена. Теперь, пожалуйста, ляг — я не стану повторять просьбы.

Она тут же опустилась на стол — быстро и изящно, как ложилась на свою койку в камере. Ремни, которыми мы с Рошем пристегивали ее к столешнице, оказались такими старыми и растрескавшимися, что я даже засомневался, выдержат ли они.

Из конца в конец комнаты для допросов тянулись провода, подсоединенные к реостатам и динамо-машинам. На пульте управления, точно кроваво-красные глаза, замерцали древние огни. Гул, наподобие жужжания какого-то огромного насекомого, наполнил зал. На несколько мгновений древние двигатели башни ожили вновь. Один из проводов вышел из своего гнезда; голубые, будто горящий бренди, искры мерцали вокруг бронзовых штырей на его конце.

— Молния, — объяснил мастер Гурло, вгоняя штыри в гнездо. — Для этого есть и другое название, но я забыл. Во всяком случае, «Революционизатор» приводится в действие посредством молнии. Конечно же, эта молния не ударит тебя, шатлена, но именно сила, заключенная в ней, заставляет механизм делать свое дело. Северьян,

передвинь свою рукоять до этого шпенька.

Рукоять, мгновением раньше холодная, точно гадюка, успела ощутимо нагреться.

— Что же этот механизм делает с пациентами?

— Не могу описать, шатлена. На себе, понимаешь ли, ни разу не довелось попробовать.

Мастер Гурло коснулся ручки на пульте управления, и ослепительно-белый, обесцветивший все, чего коснулся, свет залил распростертую на столе Теклу. Она закричала. Я всю свою жизнь слышу крики, однако этот был самым ужасным, хотя и не самым громким из них, ибо обладал размеренностью скрипа плохо смазанного колеса.

Когда ослепительный свет погас, Текла еще была в сознании. Широко раскрытые глаза ее смотрели в потолок, но она, казалось, не видела моей руки и не ощутила прикосновения. Дыхание ее участилось.

— Может быть, подождать, пока она сможет идти? — спросил Рош, явно представив себе, как неудобно будет нести женщину столь высокого роста.

— Нет, забирайте, — велел мастер Гурло, и мы взялись за дело.

Покончив с дневными работами, я спустился в темницы навестить Теклу. К тому времени

она полностью пришла в себя, но встать еще не могла.

— Мне бы следовало возненавидеть тебя, — сказала она.

Чтобы расслышать ее, пришлось наклониться к самой подушке.

— Я бы не удивился.

— Но я не стану… Нет, не ради тебя… но, если я возненавижу своего последнего друга, что же мне останется? — На это сказать было нечего, и потому я промолчал.

— Знаешь, каково это? Понадобилось много времени, прежде чем я смогла хотя бы думать об этом…

Ее правая рука вдруг медленно поползла вверх, подбираясь к глазам. Я поймал ее и прижал к кровати.

— Я словно увидела своего злейшего врага, сущую дьяволицу. И дьяволица эта — я сама.

Скальп ее кровоточил. Достав чистую корпию, я промокнул ранки, хотя и знал, что вскоре кровь свернется сама. Пальцы левой руки Теклы запутались в прядях вырванных с корнем волос.

— После этого я уже не властна над собственными руками… могу управлять ими только если специально думаю об этом и понимаю, что они

намерены сделать. Но это очень тяжело, а я так устала… — Склонив голову набок, она сплюнула на пол кровавой слюной. — Кусаю сама себя — щеки изнутри, язык, губы… Один раз собственные руки хотели задушить меня, и я подумала: «Вот и хорошо; наконец я умру»… Но стоило мне потерять сознание, они, должно быть, тоже утратили силу — я очнулась. Совсем как с тем механизмом, верно?

— Да, как с «Ожерельем Аллоуина», — подтвердил я.

— И даже хуже. Теперь мои руки пытаются ослепить меня, вырвать веки. Я в самом деле ослепну, да?

— Да, — сказал я.

— А долго ли я еще проживу?

— Возможно, с месяц. Эта тварь внутри тебя, подспудная ненависть к себе самой, разбуженная «Революционизатором», будет слабеть вместе с тобой, ведь его сила — твоя сила. В конце концов вы умрете вместе.

— Северьян…

— Да?

— Впрочем… Эта тварь из глубин Эребуса или Абайи — подходящий компаньон для меня. Водалус…

Я наклонился еще ближе к ней, но не смог расслышать ни слова и наконец сказал:

— Я хотел спасти тебя. Украл нож и целую ночь ждал удобного случая. Но заключенного может вывести из камеры только мастер, и мне пришлось бы убивать…

— …своих друзей.

— Да, своих друзей.

Руки ее вновь зашевелились; в уголке рта выступила кровь.

— Ты принесешь мне этот нож?

— Он у меня с собой.

Я вынул нож из-под плаща — обычный кухонный нож, около пяди в длину.

— С виду — острый…

— И не только с виду. Я знаю, как обращаться с лезвием, и хорошо наточил его.

Больше я ничего не сказал. Просто вложил нож ей в руку и вышел прочь.

Я знал, что на некоторое время ей еще хватит воли, чтобы сопротивляться. Тысячу раз в голове мелькала одна и та же мысль: повернуть назад, отнять нож, и тогда никто ничего не узнает. И я смогу спокойно прожить в гильдии всю свою жизнь.

Если она и захрипела перед смертью, я не услы-

шал этого — лишь через некоторое время увидел багряную струйку, ползущую в коридор из-под двери. Тогда я отправился к мастеру Гурло и признался во всем.

Глава 13
Пиктор города Тракса

Следующие десять дней я прожил как пациент в камере верхнего подземного яруса (не так уж далеко от той, где держали Теклу). Поскольку гильдия не имела права держать меня в заточении в обход законных процедур, дверь не запирали, однако снаружи дежурили двое подмастерьев с мечами, и я переступал порог лишь единожды, на второй день, когда меня водили к мастеру Палаэмону, чтобы доложить о происшедшем и ему. Это, если хотите, и было судом надо мной, а оставшиеся восемь дней ушли на вынесение приговора.

Говорят, будто время имеет странное свойство — сохранять в целости факты, делая нашу прошлую ложь истиной. Так вышло и со мной. Я лгал, утверждая, будто люблю нашу гильдию и не желаю для себя иной жизни. Теперь ложь эта оказалась правдой: жизнь подмастерья или даже ученика казалась мне бесконечно привлекательной. Нет, не только от уверенности в скорой смерти — все это тянуло к себе оттого, что

было бесповоротно утрачено. Теперь я смотрел на своих братьев глазами пациента, и с этой точки зрения они казались неизмеримо могущественными, воплощенными первоосновами огромного, враждебного и почти совершенного механизма.

Теперь, находясь в совершенно безнадежном положении, я ощутил на себе то, что внушил мне однажды мастер Мальрубиус: надежда есть физиологический процесс, не зависящий от реалий внешней среды. Я был молод, я получал достаточно пищи и вволю спал, и потому — надеялся. Вновь и вновь, засыпая и просыпаясь, я мечтал о том, что в самый последний миг Водалус явится мне на выручку — и не один, как в тот раз в некрополе, но во главе армии, которая сметет с лица Урса тысячелетнюю гниль и снова сделает нас повелителями звезд. Мне часто казалось, будто из коридора доносится грохот шагов этой армии, а порой я даже подносил свечу к дверному окошку, так как думал, что видел там, за дверью, лицо Водалуса.

Я, как уже было сказано, не сомневался, что буду казнен. Больше всего в те дни мои мысли были заняты тем, как именно это произойдет. Я был обучен всем премудростям палаческого

искусства и теперь оценивал способы казни — иногда один за другим, в том порядке, в каком их нам преподавали, иногда же — все вкупе, словно впервые открывая для себя сущность боли. Жить день за днем в камере под землей и думать о муках — мучительно само по себе.

На одиннадцатый день меня вызвали к мастеру Палаэмону. Я снова увидел яркий солнечный свет и вдохнул воздух, напоенный влагой, принесенной ветром, предвещающим скорую весну. Но — чего стоило мне пройти мимо распахнутых дверей башни и увидеть сквозь нее ворота в стене, возле которых мирно почивал в кресле брат привратник!

Кабинет мастера Палаэмона показался мне огромным и бесконечно — словно все заполнявшие его пыльные книги и бумаги были моими собственными — дорогим. Мастер попросил меня сесть. Он был без маски и казался гораздо более старым, чем раньше.

— Мы с мастером Гурло обсудили твой поступок, — сказал он. — Пришлось посвятить в происшедшее также и подмастерьев и даже учеников. Им лучше знать правду. Большинство сошлось на том, что ты заслуживаешь смерти.

Он сделал паузу, ожидая, что я отвечу на это,

но я молчал.

— Однако многие высказывались и в твою защиту. Некоторые подмастерья в частных беседах со мной и с мастером Гурло настаивали на том, чтобы тебе было позволено умереть без боли.

Уж не знаю, отчего, но мне вдруг показалось необычайно важным, сколько нашлось таких, кто выступил в мою защиту, и я спросил об этом.

— Более чем двое, и более чем трое. Точное количество не имеет значения. Или ты не думаешь, что заслужил смерть в муках?

— Я желал бы казни на «Революционизаторе», — сказал я, надеясь, что, если попрошу о такой смерти как о снисхождении, мне будет отказано.

— Да, пожалуй, это подошло бы. Но…

Он снова сделал паузу. Мгновения тишины тянулись бесконечно долго. Первая бронзовая муха нового лета, жужжа, билась о стекло иллюминатора. Хотелось и прихлопнуть ее, и, поймав, отпустить на свободу, и заорать на мастера Палаэмона, чтобы он продолжал, и даже убежать прочь из его кабинета; но ничего этого я сделать не мог. Вместо этого я опустился в старое деревянное кресло возле его стола, чувствуя, что уже мертв, хотя смерть еще впереди.

— Понимаешь ли, мы не можем казнить тебя. Тяжеленько мне было убедить в этом Гурло, и все же это — так. Убей мы тебя без суда, окажемся не лучше, чем ты — ты обманул нас, а мы в этом случае обманем закон. Инквизитор, безусловно, объявил бы это убийством, и на репутацию гильдии легло бы несмываемое пятно.

Он снова умолк, ожидая, что я скажу, и я заговорил:

— Но за то, что я сделал…

— Да. Приговор был бы совершенно справедлив. Однако мы не имеем законного права своевластно лишать тебя жизни. Обладатели этого права охраняют свои прерогативы ревностно. Обратись мы к ним — вердикт был бы однозначен, но дело получило бы нежелательную для гильдии огласку. Наш кредит доверия был бы исчерпан раз и навсегда, что повлекло бы за собой строгий сторонний надзор над делами гильдии. Хотелось бы тебе, Северьян, чтобы наших пациентов стерегли солдаты?

Перед внутренним взором моим внезапно встало то же видение, что и тогда, под водой, когда я едва не утонул. Как и в тот раз, оно влекло к себе — мрачно и неодолимо.

— Скорее я предпочел бы расстаться с жизнью

добровольно, — ответил я. — Отплыть подальше от берега, где никто не придет на помощь, и утонуть.

Тень горькой улыбки мелькнула на морщинистом лице мастера.

— Я рад тому, что никто, кроме меня, не слышал твоего предложения. Мастер Гурло был бы слишком уж рад отметить, что до наступления купального сезона придется ждать не менее месяца, иначе происшествие вызовет толки.

— Но я говорю совершенно искренне! Да, я хочу умереть безболезненно — но именно умереть, а вовсе не оттянуть гибель!

— Твое предложение неприемлемо, даже если бы лето уже было в самом разгаре. Инквизитор все равно мог бы решить, что мы причастны к твоей смерти. Поэтому мы — к твоему счастью — сошлись на решении менее радикальном. Известно ли тебе, как обстоят дела с нашим ремеслом в провинции? Я покачал головой.

— Там оно в полном упадке. Нигде, кроме Нессуса — кроме нашей Цитадели, — нет отделений гильдии. В провинциальных селениях имеется разве что казначей, лишающий приговоренных жизни тем способом, какой назначают местные судьи. Человека этого неизменно боятся и нена-

видят. Понимаешь?

— Эта должность слишком высока для меня, — отвечал я.

Это было сказано от чистого сердца — в тот миг я презирал самого себя гораздо больше, чем гильдию. С тех пор я часто вспоминал эти слова, хотя они были моими собственными, — и, будь даже я в беде, становилось как-то полегче.

— На свете есть город под названием Тракс. Тракс, Град Без Окон. Их архон — он зовется Абдиесом — прислал официальное прошение в Обитель Абсолюта. Там гофмаршал переслал его кастеляну, а тот уж вручил мне. Траксу настоятельно необходим человек на ту должность, которую я описал. Ранее там просто миловали кого-нибудь из приговоренных при условии, что он возьмется за эту работу. Теперь же провинция насквозь пропитана ядом измены, и местные власти решили отказаться от своей обычной практики, так как названная должность предполагает определенную степень доверия.

— Понимаю, — сказал я.

— В прежние времена члены гильдии уже дважды отправлялись в удаленные селения, однако были ли их случаи подобны твоему — хроники о том умалчивают. Как бы там ни было, прецедент

был создан, и это — выход из сложившегося на сегодняшний день неприятного положения. Ты отправишься в Тракс, Северьян. Я приготовил рекомендательное письмо к архону и его советникам. В нем сказано, что ты весьма искушен в нашем ремесле — для подобного городишки это не будет преувеличением.

Я уже успел смириться с тем, что натворил, но, сидя перед мастером Палаэмоном и старательно изображая подмастерье, единственное желание которого — повиноваться воле старших, вдруг ощутил новый прилив жгучего стыда. Стыд этот был не так силен, как прежний, причиной коему послужило бесчестье, причиненное мною гильдии, однако жег он даже больнее, ибо я еще не привык к нему, в отличие от того, первого. Я был рад тому, что ухожу — ноги мои уже предвкушали ласку мягкой зеленой травы, глаза — красу незнакомых пейзажей, а легкие — новый, чистый воздух далеких, безлюдных земель. Я спросил, где находится Тракс.

— Вниз по Гьоллу, — ответил мастер Палаэмон. — На морском побережье. — Тут он осекся, как часто случается со старыми людьми. — Нет-нет; что я говорю… Вверх по Гьоллу, конечно же.

Сотни лиг морских волн, песчаный берег и

протяжный крик морских птиц, на миг представившиеся мне при первых словах мастера, поблекли и исчезли. Мастер Палаэмон извлек из шкафа карту, развернул ее передо мной и сам склонился к ней так, что линзы, без помощи которых он вовсе ничего не разобрал бы, едва не касались пергамента.

— Вот, — сказал он, указывая на точку возле устья небольшой речки, у нижних ее порогов. — Имея деньги, можно было бы нанять лодку. Но тебе, в силу своего положения, придется идти пешком.

— Понятно, — ответил я.

Нет, я не забыл о золотой монете, данной мне Водалусом и надежно припрятанной, однако хорошо понимал, что не могу воспользоваться благами, которые можно оплатить ею. Волею гильдии я должен покинуть Цитадель, имея в кармане не больше, чем обычный молодой подмастерье. Ради чести и славы гильдии я был должен идти пешком.

Но понимал я и то, что это несправедливо. Не видя той женщины с прекрасным, совершенным лицом, не заработав этой монеты, я, скорее всего, ни за что не принес бы Текле нож и сохранил бы свое место в гильдии. В каком-то смысле я продал

за эту монету свою собственную жизнь…

Что ж, хорошо. Старая жизнь — позади…

— Северьян! — воскликнул мастер Палаэмон. — Ты меня не слушаешь. В классе ты никогда не отличался невниманием.

— Прости меня, мастер. У меня столько разного в мыслях…

— Несомненно. — В первый раз за время нашей беседы он действительно улыбнулся и на миг снова стал старым мастером Палаэмоном моего детства. — Однако же ты пропустил такой хороший совет на дорогу! Придется тебе идти без него… хотя ты все равно тут же забыл бы все. О дорогах тебе известно?

— Я знаю, что ими запрещено пользоваться. Ничего более.

— Дороги закрыл автарх Марутас — еще во времена моей юности. Движение способствует бунту… К тому же он хотел, чтобы товары ввозились и вывозились из города по реке — так легче облагать торговцев налогом. С тех пор этот закон остается в силе, и, как я слыхал, через каждые пятьдесят лиг установлены редуты. Но все же дороги сохранились. Говорят, кое-кто пользуется ими по ночам, несмотря на весьма плачевное их состояние.

— Понятно… Дорогой — закрыта она или нет — идти все же легче, чем по бездорожью.

— Сомневаюсь в этом. Я лишь пытался предостеречь тебя от соблазна. Дороги патрулируются уланами, имеющими приказ убивать всех нарушителей. Обладая вдобавок правом на все имущество последних, они вряд ли очень уж склонны выслушивать оправдания.

— Я понимаю, — сказал я, гадая про себя, откуда мастер Палаэмон так много знает о путешествиях.

— Вот и хорошо. Полдня уже прошло; если хочешь, можешь переночевать в гильдии и отправиться в путь завтра поутру.

— Переночевать в камере?

Мастер Палаэмон кивнул. Я отлично понимал, что он едва может разглядеть мое лицо, и все же чувствовал, что он каким-то образом внимательно изучает меня.

— Тогда я уйду сейчас.

Я изо всех сил старался вспомнить, что нужно сделать, прежде чем навсегда покинуть нашу башню. В голову ничего не приходило, однако что-то, несомненно, сделать следовало.

— У меня есть стража на сборы? По истечении этого времени я уйду.

— Да, это время я легко могу даровать тебе. Но перед уходом вернись сюда — я хочу дать тебе кое-что. Хорошо?

— Конечно, мастер.

— И будь осторожен, Северьян. В гильдии много твоих друзей, но есть и другие, считающие, что ты обманул наше доверие и не заслуживаешь ничего, кроме мучительной смерти.

— Благодарю тебя, мастер, — ответил я. — Эти, последние, правы.

Скудные мои пожитки уже лежали в камере. Увязав их в узел, я обнаружил, что тот вышел совсем маленьким, и его легко можно спрятать в висевшую на моем поясе ташку. Движимый любовью и сожалением о случившемся, я спустился к камере Теклы.

Камера еще пустовала. Кровь была отмыта, но на металлическом полу темнело большое пятно кроваво-красной ржавчины. Платья ее и косметика исчезли, но те четыре книги, принесенные мной год назад, лежали на столике вместе с прочими. Я не смог одолеть соблазна взять одну — в библиотеке их столько, что одного-единственного томика ни за что не хватятся. Рука моя сама собой потянулась к книгам, но тут я понял, что не знаю, какую из них выбрать. Книга о геральдике

была самой красивой, но слишком большой, чтобы брать с собою в дальнюю дорогу. Книга о теологии была самой маленькой — но и та, в коричневом переплете, ненамного больше… В конце концов ее я и выбрал, предпочтя теологии сказания исчезнувших миров.

После этого я взобрался на самый верх башни — мимо складов, к артиллерийской площадке, где осадные орудия покоились в колыбелях из чистой энергии, и еще выше, в зал со стеклянной крышей, серыми экранами и креслами странной формы, и дальше, по узкому трапу, пока не выбрался, распугав черных дроздов, испятнавших небо, на самую крышу.

Я встал у флагштока — так, что наш стяг цвета сажи трепетал на ветру над самой головой. Отсюда Старое Подворье казалось крохотным и тесным, однако бесконечно, по-домашнему уютным. Брешь в стене была гораздо больше, чем обычно, но Красная и Медвежья башни все так же гордо и непоколебимо высились справа и слева от нее. Башня ведьм, ближайшая к нашей, была темна, стройна и высока; порыв ветра донес до моих ушей их дикий хохот, и я вновь ощутил старый страх перед ними, хотя мы, палачи, всегда состояли в самых дружественных отношениях с

сестрами нашими, ведьмами.

За стеной отлого спускался к Гьоллу, чьи воды местами поблескивали меж полуразрушенных зданий на берегу, огромный некрополь. Круглый купол караван-сарая казался отсюда не больше булыжника, а окружавшие его городские кварталы — лишь россыпью разноцветного песка, разметанного стопой мастера-палача.

Я увидел каик под вздувшимся парусом, с высоким. острым носом и кормой, плывший на юг, вниз по течению, и в мыслях невольно понесся следом за ним — к болотистой дельте Гьолла, к сверкающим айсбергам моря, где огромный зверь Абайя, в доледниковые дни принесенный волнами с дальних берегов вселенной, нежится в донном иле, пока не придет для него и всего его рода пора пожрать континенты.

Затем я оставил мысли о юге и его скованных льдами морях и повернулся к северу, к горам вверх по реке. Я долго смотрел в ту сторону (уж не знаю, как долго, однако солнце к тому моменту, когда я вновь обратил на него внимание, заметно сместилось к закату). Горы видны были лишь моему мысленному взору; везде, куда достигал взгляд, лежал город — миллионы и миллионы крыш. К тому же обзор наполовину закрывала

серебристая громада Башни Величия и окружающие ее шпили. Но мне не было дела до них — их я почти и не замечал: где-то там, на севере, была Обитель Абсолюта, и пороги, и Тракс, Град Без Окон, просторные пампасы, непроходимые леса и гнилые джунгли, словно пояс охвативший мир.

Так я стоял, представляя себе все это, пока совсем не ошалел от богатства красок, а после спустился к мастеру Далаэмону и сказал, что готов.

Глава 14
«Терминус Эст»

— Я приготовил тебе подарок, — сказал мастер Палаэмон. — Учитывая твою молодость и силу, ты вряд ли сочтешь его слишком тяжелым.

— Но я не заслужил никаких подарков.

— Воистину. Однако ты должен помнить, что дар заслуженный есть не дар, но плата. Истинными являются лишь дары, подобные тому, какой ты получишь сейчас. Я не могу простить содеянного тобой, но и не могу забыть, каким ты был до этого. У меня не было лучшего ученика с тех самых пор, как мастер Гурло был возвышен до подмастерья. — Он поднялся и проковылял в свой альков. — О, он еще не слишком тяжел и для меня!

Мастер держал в руках нечто — предмет был таким темным, что тень полностью скрадывала его.

— Позволь помочь тебе, мастер, — сказал я.

— Не стоит, не стоит… Легок на подъем, а в ударе — тяжел, как и надлежит хорошему инструменту…

Он положил на стол черный ящик длиною с хороший гроб, но гораздо более узкий. Серебряные застежки его зазвенели, точно колокольчики.

— Ларец останется у меня — тебе в дороге он будет только помехой. Ты же возьми клинок, ножны для защиты от непогоды и перевязь.

Прежде чем я окончательно понял, что дал мне мастер, меч очутился в моих руках. Ножны из атласной человеческой кожи скрывали его почти по самую головку эфеса. Я снял их (они оказались мягкими, точно перчатка) и увидел клинок.

Не стоит утомлять вас долгим перечнем его красот и достоинств — чтобы постичь их, такой меч нужно видеть собственными глазами и держать в собственных руках. Клинок его, длиною в эль, был прямым, без колющего острия, каким и положено быть клинку палаческого меча. Обе режущие кромки могли разделить надвое волос уже в пяди от массивной серебряной гарды, украшенной изображениями двух человеческих голов. Рукоять в две пяди длиной была сделана из оникса, перевитого серебряной лентой, и увенчана крупным опалом. Украшен меч был богато, впрочем — без надобности, ибо украшения лишь придают привлекательность и значимость тем вещам, которые, не будь украшены, лишились бы

таковых качеств. Вдоль клинка тянулась выполненная прекрасной, затейливой вязью надпись: Terminus Est. После визита в Атриум Времени я поднаторел в древних языках достаточно, чтобы понять значение этих слов — «Се Есть Черта Разделяющая».

— Он отлично наточен, ручаюсь, — сказал мастер Палаэмон, заметив, как я пробую пальцем режущую кромку. — И во имя тех, кто отдан в твои руки, держи его хорошо наточенным всегда. Вопрос лишь в том, не слишком ли он тяжел для тебя. Подними, посмотрим.

Взяв «Терминус Эст», так же как и тот фальшивый меч на церемонии моего возвышения, я осторожно, чтобы не зацепить потолок, поднял его над головой и едва не выпустил — я словно бы держал в руках змею.

— Не трудно?

— Нет, мастер. Но меч шевельнулся, когда я поднял его.

— В клинке его высверлен канал, по которому струится гидраргирум — сей металл тяжелее железа, но может течь, подобно воде. Баланс, таким образом, смещается к рукояти при подъеме и к кончику лезвия — при опускании. Тебе частенько придется ожидать завершения последней молит-

вы или же взмаха руки инквизитора, но меч не должен дрожать или колебаться… Впрочем, все это ты уже знаешь. Не тебя учить уважению к такому инструменту. Да будет Мойра благосклонна к тебе, Северьян.

Вынув из кармашка в ножнах точильный камень, я бросил его в ташку, туда же положил письмо к архону Тракса, завернутое в кусок промасленного шелка, и покинул кабинет.

С широким клинком за левым плечом я вышел в обдуваемый ветром некрополь. Часовые у нижних ворот на берегу реки выпустили меня без звука, только долго пялились вслед. Я зашагал узкими улочками в сторону Бичевника — большой улицы, тянущейся вдоль берега Гьолла.

А теперь пришло время написать о том, чего я стыжусь до сих пор, даже после всего происшедшего. Стражи этого вечера были счастливейшими в моей жизни. Старая ненависть к гильдии исчезла без следа. Осталась лишь любовь к ней — к мастеру Палаэмону, к братьям моим, подмастерьям, и даже к ученикам; к традициям ее и обычаям… Любовь эта никогда не умирала во мне, но я покинул — а перед тем обесчестил — все, что любил.

Мне бы заплакать — но нет. Я не шел, я точно

парил в воздухе, и впечатление еще усиливалось оттого, что встречный ветер раздувал полы плаща, словно крылья. Нам запрещено улыбаться в присутствии кого бы то ни было, кроме наших мастеров, братьев, пациентов и учеников. Надевать маску не хотелось — вместо этого я натянул капюшон и склонил пониже голову — так, чтобы встречные не видели моего лица. Я думал, что буду убит по дороге, — и ошибался. Думал, будто никогда больше не вернусь в Цитадель и не увижу нашей башни, но ошибался и в этом. Со счастливой улыбкой думал я о том, что впереди меня ждет множество дней, подобных этому, — но и тут был не прав.

По незнанию своему я полагал, будто еще до темноты успею оставить город позади и переночую в относительной безопасности под каким-нибудь деревом. На деле же вышло, что, когда западный горизонт, поднимаясь, начал закрывать солнце, я едва-едва миновал самые древние и бедные кварталы. Проситься на ночлег в трущобах вдоль Бичевника или попробовать прикорнуть где-нибудь в закоулке было равносильно самоубийству. Посему я шел и шел вперед под яркими звездами в дочиста выметенном ветром небе. Встречные не узнавали во мне па-

лача; для них я был просто мрачновато одетым путником с темной патериссой на плече.

* * *

Время от времени по глади задохнувшейся в водорослях воды мимо меня скользили лодки, и ветер приносил с собой скрип уключин и хлопанье парусов. На лодках победнее не было ни единого огонька, и выглядели они лишь немногим лучше обычного плавника, но несколько раз на глаза мне попались богатые таламегии с носовыми и кормовыми огнями. Эти, страшась нападения, держались по центру фарватера, подальше от берегов, однако пение гребцов далеко разносилось над водой:

Вдарь, братцы, вдарь!

Теченье против нас, Вдарь, братцы, вдарь, Однако ж Бог за нас!

Вдарь, братцы, вдарь!

И ветер против нас, Вдарь, братцы, вдарь, Однако ж Бог за нас!

И так далее. И даже когда огни удалялись более чем на лигу вверх по течению, песня, несомая ветром, все еще была слышна. Позже я увидел собственными глазами, как гребцы в момент рефрена делают мощный гребок, а на прочие

строки поднимают весла для замаха и так гребут стражу за стражей.

Я шел и шел. Мне уже чудилось, что вот-вот должен наступить новый день, и тут впереди показалась цепочка огней, протянувшаяся от берега к берегу, явно не имевших ничего общего с лодками. Это был мост. После долгих блужданий впотьмах я поднялся на него по выщербленной лестнице — и тут же почувствовал себя актером на незнакомой, непривычной сцене.

Мост был ярко освещен — здесь было столь же светло, сколь темно внизу, на Бичевнике. Через каждые десять шагов стояли столбики со светильниками, а через каждую сотню — сторожевые башенки, окна караулок которых сверкали в ночи праздничным фейерверком. По мостовой грохотали кареты с собственными фонариками, и почти каждый из толпившихся на мосту пешеходов нес с собою свет либо имел при себе мальчишку-факельщика. Бесчисленные торговцы наперебой расхваливали свои товары, разложенные на висевших на их шеях лотках, иноземцы лопотали на своих грубых наречиях, нищие выставляли напоказ свои увечья, немилосердно терзали блажолеты и офиклеиды и украдкой щипали завернутых в тряпье младен-

цев, отчего те громко вопили.

Признаюсь, все это было ужасно интересно, и только воспитание не давало мне остановиться посреди мостовой с разинутым ртом. Надвинув капюшон еще ниже и глядя прямо перед собою, я шел сквозь толпу, якобы не обращая ни на что особого внимания. Но тем не менее усталость вскоре как рукой сняло, а каждый шаг казался слишком широким — очень уж хотелось задержаться на мосту подольше.

В сторожевых башенках несли вахту не городские патрульные, но пельтасты с прозрачными щитами и в легких доспехах. Я почти добрался до западного берега, когда двое из них, выступив вперед, загородили мне путь сверкающими копьями.

— Ходить в такой одежде, как у тебя, — серьезное преступление. Если ты затеял пошутить, то рискуешь жизнью ради своей шутки.

— Я всего лишь следую уставу своей гильдии, — ответил я.

— То есть ты всерьез заявляешь, будто ты — казнедей? А это у тебя что — меч?

— Да, но я вовсе не казнедей. Я — подмастерье Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Вокруг стало тихо. За несколько мгновений,

понадобившихся стражам, чтобы задать вопрос и получить на него ответ, вокруг нас собралось около сотни человек. Я заметил, как второй пельтаст переглянулся с первым, точно говоря: «Он и вправду не шутит».

— Войди внутрь. Начальник караула желает видеть тебя.

Они пропустили меня вперед. Внутри башенка состояла лишь из одной комнатки со столом и несколькими стульями. Поднявшись наверх по узкой, истертой множеством тяжелых сапог лесенке, я увидел человека в кирасе, что-то писавшего за высокой конторкой. Караульные поднялись следом, и тот, что заговорил со мной первым, сказал:

— Вот, этот самый!

— Вижу, — ответил начальник караула, не поднимая взгляда.

— Называет себя подмастерьем гильдии палачей. — Перо в руке начальника, до этого безостановочно бегавшее по бумаге, на миг замерло.

— Никогда не думал, что встречу такое где-либо, помимо страниц какой-нибудь книги, но все же возьму на себя смелость предположить, что он говорит чистую правду.

— Значит, мы должны отпустить его? — спро-

сил солдат, но не сразу.

Начальник караула отер перо, посыпал песком письмо, над которым трудился, и наконец-то поднял взгляд.

— Твои подчиненные, — заговорил я, — задержали меня, усомнившись в моем праве носить этот плащ.

— Они задержали тебя по моему приказу, а я отдал этот приказ потому, что ты, согласно донесениям с восточных постов, возмущаешь спокойствие. Если ты в самом деле из гильдии палачей — которую я, признаться, считал давным-давно расформированной, — то всю жизнь провел в… как это называется?

— Башня Сообразности.

Он прищелкнул пальцами, точно происходящее одновременно и забавляло и раздражало его.

— Я имею в виду то место, где стоит ваша башня.

— Цитадель.

— Да, Старая Цитадель. Помнится мне, она — где-то на востоке, у реки, чуть севернее квартала Мучительных Страстей. Еще кадетом меня водили туда взглянуть на Донжон. Часто ли тебе доводилось выходить в город?

— Даже очень, — ответил я, вспомнив о наших вылазках на реку.

— И в этой самой одежде? — Я покачал головой.

— Если уж не желаешь тратить слова, откинь хотя бы капюшон. Иначе я ничего не увижу, кроме кончика твоего носа. — Спрыгнув с табурета, начальник караула подошел к окну, выходившему на мост. — Как по-твоему, сколько народу в Нессусе?

— Понятия не имею.

— И я — тоже, палач. И никто не имеет! Любая попытка сосчитать их неизменно заканчивалась провалом, как и любая попытка систематически собирать налоги. Город растет и меняется еженощно, как меловые надписи на стенах. Посреди улиц, благодаря умникам, которым хватает смекалки воспользоваться темнотой, захватить кусок мостовой и объявить землю своей, вырастают дома — известно ли тебе это?! Экзультант Таларикан, чье безумие выражается в нездоровом интересе к ничтожнейшим из аспектов человеческой жизни, утверждает, будто два гросса тысяч человек питаются единственно мусором, остающимся от прочих! Что в городе насчитывается десять тысяч бродячих акробатов,

почти половина которых — женщины! Если бы даже мне было позволено делать вдох лишь тогда, когда какой-нибудь нищий сиганет с моста в реку, я жил бы вечно — город порождает и убивает людей много чаще, чем человек делает вдох! В такой тесноте спасает лишь общественное спокойствие. Возмущения спокойствия допускать нельзя, так как мы не сможем совладать со смутой. Понимаешь?

— Отчего же, есть еще такое понятие, как порядок. Но до тех пор пока он достижим… в общем, я понимаю тебя. — Начальник караула вздохнул и повернулся ко мне.

— Вот и замечательно. Значит, ты наконец осознал необходимость обзавестись менее вызывающей одеждой.

— Но я не могу вернуться в Цитадель.

— Тогда на сегодня скройся из виду, а завтра купишь что-нибудь. Средства есть?

— Немного.

— Отлично. Купи что-нибудь. Или укради. Или сними со следующего бедолаги, которого укоротишь при помощи этой штуки. Я бы послал кого-нибудь из ребят проводить тебя до постоялого двора, но это только вызовет больше толков. На реке что-то стряслось, и люди уже вдоволь на-

слушались всяких ужасов. А тут еще ветер утих, скоро с реки поползет туман, и станет еще хуже. Куда ты направляешься?

— Я получил назначение в Тракс.

— И ты ему веришь, старшой? — вмешался пельтаст, заговоривший со мной первым. — Он не представил никаких доказательств в подтверждение сказанного.

Начальник караула вновь отвернулся к окну. Теперь и я углядел пряди желтоватого тумана, наползавшего на мост с реки.

— Если уж не можешь работать головой, — ответил он, — то хоть принюхайся. Что за запахи сопровождают его?

Пельтаст неуверенно улыбнулся.

— Ржавое железо, холодный пот и гниющее мясо! А от шутника пахло бы новой одеждой или тряпками, выуженными из мусорного ящика. Учись проворнее, Петронакс, иначе у меня живо отправишься на север, воевать с асцианами!

— Но, господин начальник… — заговорил пельтаст, метнув в мою сторону столь ненавидящий взгляд, что я решил, будто он обязательно захочет расправиться со мной, стоит лишь мне покинуть караулку.

— Докажи этому парню, что ты действительно

из гильдии палачей.

Пельтаст стоял, расслабившись, не ожидая ничего худого, поэтому выполнить просьбу начальника караула оказалось несложно. Я просто-напросто оттолкнул в сторону его щит и придавил левой ступней его правую, дабы обездвижить и без помех вонзить палец в тот нерв, на шее, что вызывает судороги.

Глава 15
Бапдандерс

Город к востоку от моста оказался совсем не таким, как прежний, оставленный мной позади. Здесь светильники стояли на каждом углу, а карет и повозок было не меньше, чем на мосту. Прежде чем покинуть караулку, я спросил начальника, не может ли он подсказать, где мне провести остаток ночи, и теперь шел, преодолевая вновь навалившуюся усталость и оглядываясь в поисках вывески рекомендованного им постоялого двора.

Казалось, темнота вокруг с каждым новым шагом становилась гуще и гуще, и я где-то сбился с пути. Но очень уж не хотелось возвращаться и заново приступать к поискам, поэтому я просто шел, стараясь держать на север, успокаивая себя тем, что, пусть я заблудился, но с каждым шагом приближаюсь к Траксу. Наконец я все же наткнулся на маленькую гостиницу. Вывески я не заметил — возможно, ее там не было вообще, — однако я учуял запахи кухни, услышал звон бокалов, вошел, распахнув дверь настежь, и

рухнул в ближайшее кресло, не обращая внимания на собравшихся.

Не успел я перевести дух и подумать о какомнибудь местечке, где мог бы снять сапоги (хотя о немедленных поисках такового пока не могло быть и речи), трое выпивавших за угловым столиком поднялись и вышли, а старик хозяин, увидев, что мое присутствие отнюдь не служит успеху в делах, подошел и спросил, что мне угодно.

Я ответил, что мне нужна комната.

— Свободных комнат нет.

— Ну и хорошо, — сказал я, — мне все равно нечем заплатить.

— Тогда тебе придется уйти. — Я покачал головой.

— Не так сразу. Я очень устал. (Я слышал, что другие подмастерья уже проделывали в городе такой трюк.)

— Ведь ты — казнедей, так? Головы рубишь?

— Принеси парочку тех рыбин, которые так восхитительно пахнут, — головы как раз останутся тебе.

— Я позову городскую стражу, и тебя выведут! — Тон его ясно говорил, что старик сам не верит своим словам, и потому я сказал, что он может звать кого угодно, но рыбу пусть принесет. Он,

ворча, удалился. Я расправил спину и поудобнее пристроил меж колен «Терминус Эст», который снял с плеча, прежде чем сесть. За столами сидело еще пятеро, но все они старательно избегали встречаться со мною взглядом, а вскоре двое из них тоже ушли.

Старик вернулся ко мне с небольшой рыбкой поверх ломтя черствого, грубого хлеба.

— Вот, ешь и уходи!

Пока я ужинал, он стоял возле меня. Покончив с рыбой, я спросил, где мне можно переночевать.

— Я ведь сказал: все занято!

Если бы в получение от этой гостиницы меня ждал дворец с распахнутыми настежь воротами, я и тогда не смог бы заставить себя покинуть ее.

— Тогда я буду спать в этом кресле. Посетителей у тебя на сегодня все равно не предвидится…

— Подожди.

Старик снова ушел. Я слышал, как он в соседней комнате разговаривает с какой-то женщиной.

Проснулся я оттого, что он тряс меня за плечо.

— Есть место в кровати с еще двумя постояльцами.

— Кто они?

— Двое оптиматов, клянусь! Очень приятные люди, путешествующие вдвоем.

Женщина из кухни крикнула ему что-то — я не смог разобрать слов.

— Слыхал? — спросил старик. — Один из них даже еще не вернулся! И, скорее всего, сегодня уже не вернется — на дворе глубокая ночь. Целая кровать — вам на двоих!

— Но если эти люди сняли комнату…

— Они не будут возражать, ручаюсь! Сказать тебе правду, господин казнедей, они исчерпали кредит. Три ночи ночуют, а заплатили только за одну.

Мной явно хотели воспользоваться, как уведомлением о выселении. Впрочем, мне не было дела до этого. Сложившееся положение даже сулило кое-какие выгоды — если оставшийся тоже уйдет, комната достанется мне одному. С трудом поднявшись, я последовал за стариком наверх, сопровождаемый отчаянным скрипом ступеней.

Дверь оказалась незапертой, но в комнате было темно как в могиле. Темноту сотрясал могучий храп.

— Эй, добрый человек! — крикнул старикашка, видно, забыв, что недавно божился, будто его постоялец принадлежит к оптиматам. — Как-бишь-тебя-там? Балда… Балдандерс! Вот тебе новый сосед! Не платишь в срок — придется при-

мириться с этим!

Ответа не последовало.

— Входи, господин казнедей, — сказал старик, — я тебе посвечу.

Он принялся раздувать кусочек тлеющего трута, пока тот не разгорелся настолько, чтобы зажечь огарок свечи.

В маленькой комнатушке не было никакой мебели, кроме кровати. В ней, отвернувшись лицом к стене и вытянув ноги, спал настоящий великан — ни до, ни после не доводилось мне видеть такого.

— Добрый человек! Балдандерс! Разве ты не хочешь взглянуть, с кем тебе придется разделить постель?

Мне хотелось поскорее прилечь, поэтому я велел старику оставить нас. Он пытался возражать, но я вытолкал его из комнаты и, стоило ему убраться, опустился на свободный край кровати и с наслаждением стянул с ног сапоги вместе с чулками. Тусклый огонек свечи подтвердил, что я успел натереть с десяток мозолей. Затем я расстелил плащ поверх покрывала и некоторое время размышлял, снять ли и штаны с поясом или спать так. Усталость и чувство собственного достоинства настаивали на последнем, вдобавок

я заметил, что великан полностью одет. С невыразимым облегчением я задул свечу и, не в силах более одолевать усталость, лег, чтобы впервые на моей памяти заснуть где-либо вне Башни Сообразности.

— Никогда!

Голос оказался столь звучен и басовит (даже орган вряд ли может звучать ниже), что я не понял, что должно означать это слово — и слово ли это вообще.

— Что? — пробормотал я.

— Балдандерс.

— Знаю, хозяин говорил. А я — Северьян. — Я лежал на спине, а между нами покоился «Терминус Эст», взятый мною в постель ради пущей сохранности. Я не мог разглядеть, повернулся ли великан лицом ко мне, но был уверен, что любое движение этой громадины наверняка почувствую.

— Казнить.

— Так ты слышал, как мы вошли? Я думал, ты спишь.

Я уже хотел было сказать, что я никакой не казнедей, а подмастерье гильдии палачей, но тут же вспомнил свое бесчестье и назначение в какой-то захолустный Тракс.

— Да, я — палач, но тебе незачем меня бояться. Я просто делаю работу, которой обучен.

— Завтра.

— Да, завтра у нас будет довольно времени для бесед.

После этого я снова заснул, и мне снился сон — впрочем, слова Балдандерса тоже могли быть просто-напросто сном, но вряд ли. А если и так, то это был другой сон.

Я летел — мчался по хмурому небу верхом на огромном звере с перепончатыми крыльями. Держась как раз между несущимися вперед облаками и сумрачной землей, мы будто скользили по склону пологого воздушного холма — крылья зверя, сдается мне, не сделали ни единого взмаха. Заходящее солнце неподвижно, хотя мы все неслись и неслись вперед, висело впереди у самого горизонта — должно быть, скорость наша была равна скорости вращения Урса.

Но вот земля внизу сделалась иной — я вначале решил, что мы достигли пустыни. Нигде, куда достигал взгляд, не видно было ни городов, ни ферм, ни лесов, ни полей — лишь ровная пурпурно-черная земля, безликая. застывшая в своей неподвижности. Перепончатокрылый тоже заметил перемену или же учуял какой-то новый запах

— мускулы его ощутимо напряглись, а крылья совершили три взмаха подряд.

Бескрайний пурпур внизу был испятнан белыми крапинками. Через некоторое время я понял, что эта кажущаяся неподвижность — не более чем обман, порожденный единообразием. Пурпурно-черный простор всюду был одинаков, но вместе с тем пребывал в неустанном движении. То была Мировая Река Уроборос, море, в котором, словно в колыбели, покоится Урс.

Тут я впервые оглянулся назад — туда, где осталась поглощенная ночью земля, обитель всего человечества.

Когда она окончательно скрылась из виду и ничего, кроме беспокойных волн, не осталось вокруг, зверь обернулся ко мне. Клюв ибиса на острой щучьей морде; костяная митра венчает голову… На какой-то миг взгляды наши встретились, и я, казалось, понял его мысль: «Да, я — твой сон, но, стоит тебе пробудиться от своего бодрствования, я приду».

Зверь сменил курс, точно люггер, идущий в лавировку против ветра. Одно крыло его опустилось вниз, а другое поднялось так, что кончик его указывал прямо в небо. Пальцы мои лишь скользнули по твердой чешуе, и я полетел вниз.

Удар при падении разбудил меня. Вздрогнув всем телом, я услышал, как великан бормочет во сне. Я тоже что-то пробормотал, пощупал, на месте ли меч, и уснул вновь.

Морские воды сомкнулись над моей головой, однако я не утонул. Я чувствовал, что вполне мог бы дышать водой, — но не сделал ни единого вдоха. Вода была прозрачна, словно хрусталь; казалось, я падаю в абсолютную, лишенную даже воздуха, пустоту.

Вдали виднелись огромные, в сотни раз больше человека, тени — корабли, тучи, человеческая голова без тела, тело с сотней голов… Все они были окутаны голубой дымкой. Внизу, подо мной, лежало песчаное дно, изборожденное течениями. Там, прямо на песке, стоял огромный — куда как больше нашей Цитадели — дворец, но дворец тот лежал в руинах, и покои его лишены были крыш, а внутри обитали огромные существа, белые, точно кожа прокаженного.

Я приближался к ним, и вскоре они заметили меня, и лица их были такими же, как то, что привиделось мне в Гьолле. То были женщины — обнаженные, с волосами из зеленой морской пены и коралловыми глазами. Со смехом наблюдали они за моим падением, и смех их, пузырясь,

поднимался ко мне. Зубы их оказались белы и остры, и каждый — длиною в палец.

Теперь они были совсем близко; руки их потянулись ко мне и принялись гладить, как матери гладят детей. В дворцовых садах буйно росли морские губки, актинии и множество прочих прекрасных растений, коим я не знаю имен. Огромные женщины окружили меня — рядом с ними я казался всего лишь куклой.

— Кто вы и что делаете здесь? — спросил я.

— Мы — невесты Абайи! Игрушки Абайи! Подружки Абайи! Земля не в силах носить нас. Груди наши — словно тараны, а зады — сломают спину и быку. Здесь мы растем, пока не сможем возлечь с Абайей — тем, кто однажды пожрет континенты.

— А кто же такой я?

Они засмеялись все вместе, и смех звенел, как волны, бьющиеся о стеклянные берега.

— Мы покажем тебе! — сказали они. — Мы покажем тебе!

Они подхватили меня под руки, подняли и понесли через сад. Пальцы их, соединенные перепонками, были длиной с мою руку от плеча до локтя.

Вскоре огромные женщины остановились,

всколыхнув воду, точно затонувшие галеоны, и ноги наши коснулись дорожки. Перед нами была низкая стена, а на ней — крохотный помост с занавесом не больше салфетки, какими порой забавляют детей.

Волна, поднятая нами, всколыхнула занавес, и он поднялся, будто невидимая рука дернула за веревочку. На помосте тотчас же появился деревянный человечек — руки и ноги из веточек с набухшими зеленью почками, проклевывавшимися сквозь тонкую кору; туловище и ветки потолще, размером с большой палец; голова — деревянный кругляш, завитки которого изображали глаза и рот. Человечек двигался, словно живой, и тут же погрозил нам дубинкой, которую держал в руке.

Пока он скакал перед нами и демонстрировал свою ярость, колотя дубинкой о помост, на сцене появилась еще одна фигурка — мальчик, вооруженный мечом. Искусство, с которым была сделана вторая марионетка, казалось как раз под стать примитивной грубости первой — она вполне могла бы оказаться настоящим ребенком, уменьшенным до размеров мыши.

Оба поклонились нам и немедленно вступили в бой. Деревянный человечек огромными прыж-

ками носился по помосту, и за его палицей было почти не уследить. Мальчик танцевал вокруг него, будто пылинка в солнечном луче, делая выпады своим крохотным клинком.

В конце концов деревянный человечек рухнул наземь. Мальчик, встав над ним, хотел было поставить ногу ему на грудь, но прежде чем он успел сделать это, деревянная фигурка поплыла, лениво вращаясь, вверх, прочь со сцены, и вскоре скрылась из виду. Мальчик застыл над сломанным мечом и расщепленной палицей. Казалось, где-то за сценой торжественно затрубили игрушечные фанфары (хотя звук этот, без сомнения, был всего-навсего скрипом колес, доносившимся с улицы).

Проснулся я оттого, что в комнате появился кто-то третий. Он оказался невысоким проворным человеком с огненно-рыжей шевелюрой, хорошо — даже щеголевато — одетым. Увидев, что я не сплю, он отдернул шторы, и в комнату хлынул красный солнечный свет.

— Сон моего партнера, — заговорил он, — отличается необычайной звучностью. Не оглушил ли тебя его храп?

— Я сплю крепко, — ответил я. — Если он и храпел — я не слышал.

Казалось, невысокий человек обрадовался этому — он широко улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

— Еще как храпел! Могу тебя заверить — храп его сотрясает Урс! — Он подал мне изящную, ухоженную руку. — Я — доктор Талос.

— Подмастерье Северьян.

Откинув тонкое покрывало, я поднялся, чтобы пожать его руку.

— Я вижу, ты носишь черное. Что же это за гильдия?

— Цвет сажи. Гильдия палачей.

— О-о! — Склонив голову набок, он обошел меня кругом, чтобы получше разглядеть. — Ты слишком высок — жаль, жаль… Однако этот цвет сажи, надо заметить, впечатляет!

— Мы находим его практичным, — отвечал я. — Подземелья — место грязное; да и следы крови на наших плащах незаметны.

— У тебя есть чувство юмора! Прекрасно! Могу свидетельствовать: лишь немногое на свете способно принести человеку большую выгоду. Юмор собирает публику. Юмор в силах утихомирить разъяренную толпу и успокоить целую ораву ревущих в три ручья детей. Юмор унижает и возвышает — а уж азими притягивает как магнит!

Я едва понимал, о чем он говорит, но, видя его благодушное настроение, сказал:

— Надеюсь, я не стеснил вас? Хозяин привел меня сюда, а кровать оказалась достаточно широка для двоих.

— Нет-нет, ничуть! Я вернулся только сейчас — нашел себе ночлег получше. Сплю я мало и, должен признаться, беспокойно, но все же замечательно — чудесно! — провел ночь. Куда ты направляешься сегодня, оптимат?

Я в этот момент шарил под кроватью в поисках сапог.

— Сначала, наверное, подыщу место, где можно позавтракать. После этого — покидаю город и иду на север.

— Прекрасно! Завтрак мой партнер, безусловно, оценит и примет его с превеликой радостью! Мы тоже идем на север — после успешных гастролей в городе, понимаешь ли, возвращаемся домой. Шли вниз по течению представляли на левом берегу, идем вверх — представляем на правом. Быть может, по дороге на север остановимся и в Обители Абсолюта. Это ведь, знаешь ли, наша профессиональная мечта — сыграть во дворце Автарха. Или же — вернуться туда еще разок, если уже играл однажды. Хризосов — хоть шля-

пой греби…

— Одного человека, мечтавшего вернуться туда, я уже встречал.

— Ладно, не грусти о нем — кстати, если выдастся случай, обязательно расскажешь, кто он был такой. А теперь, раз уж мы идем завтракать… Балдандерс!!! Вставай! Давай-давай, подымайся! Вставай! — Танцующей походкой подойдя к изножью кровати, он ухватил великана за лодыжку. — Балдандерс! Не хватай его за плечо, оптимат (я, впрочем, и не собирался), может отшвырнуть. БАЛДАНДЕРС!!!

Великан зашевелился и что-то пробормотал.

— Балдандерс! Новый день наступил! И мы еще живы! Пора питаться, испражняться и размножаться! Подымайся иначе никогда не попадем домой!

Казалось, великан не слышит ни слова. Бормотанье словно было лишь протестом в ответ на что-то увиденное во сне либо вовсе предсмертным хрипом.

Доктор Талос сдернул с партнера засаленное одеяло, и великан предстал перед нами во всей своей чудовищной красе. Он был даже выше, чем я думал — длины кровати едва хватало для него, хотя он спал, свернувшись калачиком и поджав

колени чуть ли не к самому подбородку. Огромные ссутуленные плечи его были не менее эля в ширину. Лицом великан уткнулся в подушку, поэтому я не мог разглядеть его. Уши и шея гиганта были исполосованы странными шрамами, тянувшимися под сальные, очень густые волосы.

— Балдандерс!!! Прошу прощения, оптимат, нельзя ли на время позаимствовать твой меч?

— Нет, — ответил я. — Ни в коем случае.

— О нет, я вовсе не собираюсь убивать его — ничего подобного! Если и ударю, то только плашмя.

Я покачал головой. Видя мою неуступчивость, доктор Талос принялся шарить по комнате.

— А, трость я оставил внизу… Дурное обыкновение — наверняка украдут. Ох, надо бы приучиться хромать; ох, надо бы!.. Но ведь здесь совсем ничего нет!

Он выскочил вон из комнаты и немедля вернулся с прогулочной тросточкой из железного дерева, увенчанной блестящим бронзовым набалдашником.

— Ну, Балдандерс, держись!

Удары посыпались на спину великана, будто крупные капли дождя, предвещающие грозу. Внезапно великан сел.

— Я не сплю, доктор. — Лицо его оказалось ши-

роким и грубым, но в то же время и трогательно печальным. — Ты что, в конце концов решил убить меня?

— О чем это ты, Балдандерс? А, этот оптимат… Нет, он не сделает тебе ничего дурного — он разделил с тобой постель и теперь намерен составить нам компанию за завтраком.

— Он спал здесь, доктор?

Мы с доктором Талосом кивнули.

— Тогда понятно, откуда взялся этот сон… — В памяти моей еще свежи были образы великанш на дне моря, поэтому я, хоть вид гиганта и повергал меня в трепет, спросил, что ему снилось.

— Пещеры, где острые каменные клыки сочатся кровью… Отрубленные руки на песчаных дорожках, какие-то твари, лязгающие цепями в темноте…

Спустив ноги на пол, он запустил в рот огромный палец и принялся чистить им редкие и удивительно мелкие зубы.

— Идемте, наконец! — сказал доктор Талос. — Если уж мы собираемся поесть, побеседовать и вообще хоть что-нибудь успеть сегодня — самое время двигаться. Дел у нас предостаточно.

Балдандерс сплюнул в угол.

Глава 16
Лавка тряпичника

В то утро, на дремлющей нессусской улочке, столь часто навещающая меня печаль впервые сжала сердце мое изо всех сил. Пока я был заключен в темницу, ее приглушала чудовищность содеянного мною и чудовищность неизбежной и скорой, как мне казалось, расплаты в руках мастера Гурло. Накануне же новизна и острота ощущений вовсе прогнали ее прочь. А вот сейчас… казалось, в целом мире не осталось ничего, кроме смерти Теклы. Любое черное пятнышко тени напоминало о ее волосах; любой проблеск белизны в солнечных лучах — о ее коже. Порой я готов был бежать обратно в Цитадель, чтобы посмотреть, не сидит ли она в своей камере, читая при свете серебряного светильника.

Мы отыскали кафе с расставленными снаружи, вдоль стены, столиками. Улица была еще почти пуста. На углу, прямо на мостовой, лежал мертвец (наверное, задушенный ламбрекеном — в городе было достаточно умельцев по этой части). Доктор Талос обшарил его карманы, но вернулся к нам с

пустыми руками.

— Ну что ж, — сказал он, — подумаем. Нужно разработать план.

Официантка принесла нам по чашке мокко, и Балдандерс подвинул одну доктору. Тот рассеянно помешал в ней пальцем.

— Дружище Северьян! Пожалуй, мне следует разъяснить наше положение. Балдандерс — мой единственный пациент — и сам я пришли сюда с озера Диутурна. Дом наш сгорел, и мы решили попутешествовать, дабы заработать деньжат на его восстановление. Мой друг — человек удивительной силы. Я собираю публику и, пока он ломает несколько бревен и поднимает разом по десять человек, приторговываю целебными снадобьями. Казалось бы, немного. Но, скажу тебе больше, у меня есть пьеса и кое-какое оборудование. Если ситуация благоприятствует тому, мы представляем некоторые сцены, причем даже вовлекаем в действо кое-кого из публики. Ты, друг мой, идешь на север и, судя по тому, как вчера устроился на ночлег, стеснен в средствах. Могу ли я предложить тебе присоединиться к нашему предприятию?

Балдандерс, похоже, понявший лишь начало речи своего компаньона, медленно проговорил:

— Он не совсем сгорел. Стены-то — каменные, толстые. Кое-что сохранилось.

— Совершенно верно. Мы думаем восстановить наш добрый старый дом. Но, видишь ли, какая перед нами встала дилемма: мы уже на полпути обратно, а скопленных капиталов все еще недостаточно. Посему я предлагаю…

К нам вновь подошла официантка — хрупкая юная девушка — с миской овсянки для Балдандерса, хлебом и фруктами для меня и печеньем для доктора.

— Как привлекательна эта девушка! — заметил он. Девушка улыбнулась доктору.

— Не можешь ли ты присесть к нам? Других клиентов пока не видно!

Бросив взгляд в направлении кухни, она пожала плечами и принесла себе стул.

— Угощайся — я слишком занят разговором. Глотни и кофе, если тебе не претит пить после меня.

— Вы ведь думаете, он нас кормит бесплатно? — заговорила девушка. — Нет! Дерет с нас обычную цену!

— О! Значит, ты — не хозяйская дочь. И не супруга. Отчего же он не отщипнет лепесток от такого цветка?

— Я здесь меньше месяца. И зарабатываю только то, что оставляют на столах. Взять хоть вас троих — если вы ничего не дадите мне, выйдет, что я обслуживала вас задаром.

— Вот так-так! Но — что, если мы предложим тебе роскошный дар, а ты откажешься принять его?

С этими словами доктор Талос склонился поближе к девушке, и я внезапно увидел, что лицом он похож не просто на лисицу (это-то, благодаря его густым рыжим бровям и острому носу, приходило в голову немедленно), но — на лисицу-скульптуру. От всех, кому в силу ремесла своего приходится копать землю, я слышал, что нигде в мире нет клочка земли, где, копнув пару раз, не вытащишь на свет осколков прошлого. Где бы лопата ни вонзилась в почву, штык ее неизменно наткнется на булыжник разрушенной мостовой либо изъеденный коррозией металл. Ученые пишут, будто тот особый песок, называемый художниками полихромным (из-за того, что среди его белизны попадаются все возможные цвета и оттенки), на самом деле вовсе не песок, но древнее стекло, истертое в порошок многими зонами времени и безжалостным морским прибоем. И если реальность столь же многослойна,

как и попираемая нашими ногами история, то на некоем глубинном ее уровне лицо доктора Талоса было лисьей маской на стене, и теперь я дивился тому, как маска эта поворачивается и склоняется к девушке, а тени от носа и бровей изумительным образом придают ей выражение — осмысленное и живое.

— Итак, ты не откажешься от нашего дара? — спросил доктор.

Я вздрогнул, словно до этого спал и был неожиданно разбужен.

— Какого дара? Один из вас — казнедей. Может, ты говоришь о даре смерти? Наш Автарх, чья мудрость блеском своим затмевает и звезды, защищает жизнь своих подданных!

— Дар смерти? О, нет! — засмеялся доктор. — Нет, дорогая моя, этот дар ты получила еще при рождении. Равно как и он. Зачем же дарить тебе то, что у тебя есть и без нас? Я предлагаю одарить тебя красотой — красотой, влекущей за собою богатство и славу.

— Если вы что-то продаете, денег у меня все равно нет.

— Продаем? Вовсе нет! Напротив, мы предлагаем тебе новую работу. Я — тауматург, чудотворец, а эти оптиматы — актеры. Неужели тебе никогда

не хотелось выйти на сцену?

— А вы — забавные!

— Место инженю в труппе сейчас вакантно. Если пожелаешь, можешь занять его. Но тогда тебе придется отправиться с нами прямо сейчас — мы не можем ждать и сюда больше не вернемся.

— Но я не стану красивее, сделавшись актрисой!

— Я сделаю тебя прекрасной, поскольку ты нужна нам как актриса. Я, среди прочего, властен и над этим. — Он поднялся. — Сейчас или никогда! Идешь с нами?

Официантка тоже встала со стула, не отрывая глаз от лица доктора.

— Мне нужно сходить к себе в комнату…

— Тщета! Я должен наложить заклятье и за день обучить тебя роли! Нет, я не могу ждать!

— Тогда заплатите за завтрак, а я скажу хозяину, что ухожу.

— Вздор! Как член труппы ты обязана способствовать сбережению средств, которые, кстати, потребуются на твои костюмы. Не говоря уж о том, что это ты съела мое печенье. Плати за него сама!

Какое-то мгновенье девушка колебалась.

— Можешь ему поверить, — сказал Балдан-

дерс. — Доктор, конечно, видит мир по-своему, но лжет куда меньше, чем кажется.

Слова, неспешно произнесенные глубоким, уверенным голосом, убедили ее.

— Хорошо. Я иду.

Вскоре мы вчетвером были уже в нескольких кварталах от кафе и шли мимо лавок, большей частью еще закрытых. Через некоторое время доктор Талос объявил:

— Теперь, друзья мои, нам придется разделиться. Я посвящу свое время просвещению сей сильфиды. Балдандерс! Ты заберешь наш ветхий помост и прочие пожитки из гостиницы, где вы с Северьяном провели ночь — я полагаю, трудностей с этим не предвидится. Северьян! Скорее всего, мы будем представлять у Ктесифонского перекрестка. Знаешь, где это?

Я кивнул, хоть и не имел понятия, где этот Ктесифонский перекресток. Честно говоря, я вовсе не собирался возвращаться к ним.

После того как доктор Талос быстро удалился, сопровождаемый рысившей за ним официанткой, я остался наедине с Балдандерсом посреди пустынной улицы. Желая, чтобы и он ушел поскорее, я спросил, чем он намерен заняться. Разговаривать с ним было — все равно что с ка-

менной статуей.

— Тут у реки есть парк, где можно поспать днем, хотя ночью и запрещают. Как начнет темнеть, я проснусь и пойду за нашими вещами.

— Боюсь, мне-то спать не хочется… Поброжу по городу, полюбуюсь окрестностями.

— Значит, встретимся у Ктесифонского перекрестка. — Отчего-то я был уверен, будто Балдандерс знает, что у меня на уме. Глаза его потускнели, точно у быка.

— Да, — сказал я. — Конечно.

Балдандерс побрел в сторону Гьолла, а я, поскольку его парк лежал на востоке, а доктор Талос увел официантку на запад, снова повернул на север, продолжив свой путь в Тракс, Град Без Окон.

Но пока что вокруг простирался Нессус, Несокрушимый Град, который я, прожив в нем всю жизнь, знал весьма плохо. Я шел вдоль широкой улицы и не имел (впрочем, и не желал иметь) представления, что это за улица — боковая или же главная в квартале. По обеим сторонам мостовой тянулись пешеходные дорожки, а еще одна, третья, отделявшая северное направление от южного, была устроена в центре.

Дома слева и справа теснили друг друга, точно всходы на слишком густо засеянном поле.

И — что это были за дома! Ни величиной, ни древностью они не могли сравниться с Башней Величия; наверняка не было здесь и металлических стен в пять шагов толщиной, как в нашей башне; но что касается цвета и оригинальности новаторских, фантастических замыслов — тут Цитадели было до них далеко. Каждое здание по-своему выделялось на общем фоне — а ведь их были сотни! Как заведено в некоторых частях города, нижние этажи этих домов были заняты лавками, хотя поначалу там явно задумывались вовсе не лавки, но гильдейские залы, базилики, арены, оранжереи, сокровищницы, часовни, артеллы, богадельни, мануфактуры, молитвенные собрания, странноприимные дома, лазареты, гауптвахты, трапезные, мертвецкие, скотобойни и театры. Архитектура построек отражала все эти функции и, сверх того, еще тысячу самых разнообразных и противоречивых вкусов и стилей. В небо яростно вонзались башни и минареты, но купола, фонари и ротонды словно бы сглаживали их ярость; наверх вели пролеты крутых, точно трапы, лестниц, притулившихся к стенам, а балконы, протянувшиеся вдоль фасадов, были засажены цитронами и гранатами, скрывавшими окна от посторонних взглядов.

Не знаю, сколько времени я мог бы дивиться на эти висячие сады среди джунглей розового и белого мрамора, красного сардоникса, серого, кремового и черного кирпича, желтой и пурпурной черепицы, если бы вид ландскнехта, стоявшего на часах у входа в казармы, не напомнил мне об обещании, данном накануне вечером офицеру пельтастов. Денег у меня было мало, а теплый гильдейский плащ наверняка еще мог пригодиться в дороге, поэтому лучший выход состоял в покупке какой-нибудь просторной накидки из дешевой ткани, которую можно надеть поверх плаща. Лавки в эту пору уже начали открываться, однако все, что продавалось в них, не годилось для моих целей, а цены не соответствовали содержимому моего кошелька.

Мысль о том, чтобы заработать денег при помощи своего ремесла до прихода в Тракс, еще не приходила мне в голову, а если бы и пришла, я бы отринул ее, рассудив, что палаческая работа вряд ли требуется каждый день, и потому поиск таковой не принесет выгоды. Полагая, что три азими и несколько орихальков с аэсами придется растягивать до самого Тракса, и не имея даже представления о размерах жалованья, которое будет мне предложено там, я просто глазел на

балмаканы и сюртуки, доломаны и куртки из тонкого сукна, шерсти и сотни прочих дорогих тканей, не заходя в лавки, в витринах которых они были выставлены, и даже не останавливаясь, чтобы разглядеть их получше.

Вскоре внимание мое привлекли другие товары. Тогда я еще не знал, что именно в те дни тысячи наемников подбирали себе снаряжение для летней кампании. В глазах рябило от ярких солдатских плащей и попон, седел с высокой, защищающей пах, лукой, красных торб для овса, хетенов на длинных древках, сигнальных вееров из серебристой фольги, замысловато изогнутых кавалерийских луков, наборов из десяти и двадцати стрел, колчанов из дубленой кожи, украшенных блестящими гвоздями и перламутром, щитков, предохраняющих запястье от ударов тетивы… При виде всего этого мне вспомнились слова мастера Палаэмона насчет марша под барабанную дробь, и, хотя к матросам Цитадели мы всегда относились с некоторым презрением, в ушах моих зазвучали боевые трубы и протяжные строевые команды.

Но, стоило мне напрочь забыть о предмете своих поисков, из ближайшей лавки вышла, чтобы поднять жалюзи, стройная женщина лет

двадцати с небольшим. Одета она была в платье из переливчатой парчи, изумительно дорогое и поношенное. Когда я взглянул на нее, солнечный луч как раз забрался в прореху пониже талии, окрасив кожу в бледно-золотистый цвет.

Я не могу объяснить причины моего вожделения к ней в тот момент и впоследствии. Из многих женщин, которых я знал, она была, пожалуй, наименее красивой — не столь грациозной, как та, которую я любил больше всех, не столь чувственной, как другая, и уж вовсе не столь благородной, как Текла. Была она среднего роста, с коротким носом, широкими скулами и продолговатыми, темными — словом, совершенно обычными для подобных лиц — глазами. И все же, стоило мне увидеть ее, поднимавшую жалюзи, я полюбил ее сразу и навсегда — хотя и не всерьез.

Конечно, я тут же направился к ней. Я просто не в силах был побороть влечение, как не в силах был бы одолеть слепую жадность Урса, если бы упал вниз с отвесной скалы. Я не знал, что сказать ей, и очень боялся, что она в ужасе отпрянет, завидев мой меч и плащ цвета сажи. Однако она улыбалась и, очевидно, была восхищена моей внешностью. Я молчал, и тогда она спросила, чего я хочу. Я же, в свою очередь, спросил, где мог бы

купить накидку.

— Тебе она в самом деле нужна? — Голос ее оказался глубже, чем я ожидал. — У тебя такой замечательный плащ! Можно потрогать?

— Пожалуйста, если хочешь.

Взяв плащ за край, она слегка потерла ткань ладонями.

— В первый раз вижу… Такой черный, что не видно ни складок, ни швов! Моя рука — точно исчезла! И меч… Это опал?

— Тоже хочешь взглянуть?

— Нет-нет. Вовсе нет. Но, если тебе действительно нужна накидка…

Женщина указала на витрину, и я увидел, что она сплошь увешана ношеной одеждой — джелабами, ротондами, блузами, сорочками и так далее.

— И очень недорого. По вполне разумным ценам. Только загляни внутрь — и, я уверена, ты найдешь все, что тебе требуется.

Со звоном распахнув дверь, я вошел в лавку, но женщина (вопреки всем моим надеждам) осталась снаружи.

В лавке царил полумрак, но я почти тут же понял, отчего женщину не испугал мой облик. Человек за прилавком оказался с виду ужаснее

любого палача. Лицо его было настоящим лицом скелета — темные дыры глазниц, впалые щеки, безгубый рот. Если бы он не заговорил, я был бы уверен, что передо мной — мертвец, поставленный за прилавок во исполнение последней воли кого-нибудь из бывших владельцев лавки.

Глава 17
Вызов

Однако же «мертвец» этот повернулся ко мне и заговорил:

— Прекрасно! О да, замечательно! Твой плащ, оптимат, — могу ли я взглянуть на него?

Плиты, которыми был выложен пол в лавке, были истерты множеством ног и лежали неровно. Я подошел к нему. Красный солнечный луч с клубящимися в нем пылинками пронзил полумрак между нами, точно клинок.

— Твой плащ, оптимат…

Я подал ему край плаща, и лавочник ощупал ткань — точно так же, как молодая женщина снаружи.

— Да, чудесно! Мягок, наподобие шерсти, но мягче, гораздо мягче… смесь льна с викуньей? И цвет превосходный! Облачение палача! Можно бы усомниться, что настоящие хоть вполовину так же хороши, но кто же станет возражать против подобного текстиля?! — Он наклонился и вытащил из-под прилавка охапку тряпья. — Могу ли я взглянуть и на меч? Обещаю, я буду предель-

но осторожен!

Я вынул из ножен «Терминус Эст» и положил его на тряпки. Лавочник склонился над ним, не говоря ни слова и не касаясь клинка. К этому времени глаза мои привыкли к темноте, и я заметил черную ленту над его ухом, почти скрытую волосами.

— Ты носишь маску.

— Три хризоса. За меч. И еще один — за плащ.

— Я ничего не продаю, — ответил я. — Сними ее.

— Как пожелаешь… Хорошо, четыре хризоса! Лавочник дернул маску мертвой головы за верхний край и оставил висеть на шее. Настоящее лицо его оказалось плоским и смуглым, удивительно похожим на лицо молодой женщины снаружи.

— Мне нужна накидка.

— Пять хризосов. Это — последняя цена, в самом деле. И тебе придется дать мне день, чтобы собрать эту сумму.

— Я ведь сказал, что меч не продается.

Я забрал с прилавка «Терминус Эст» и вложил его в ножны.

— Шесть. — Перегнувшись через прилавок, лавочник взял меня за плечо. — Это больше того,

что он стоит. Послушай, это — твой последний шанс. Шесть!

— Я пришел, чтобы купить накидку. Твоя, если не ошибаюсь, сестра, сказала, что у тебя они имеются — и по разумной цене.

— Ладно уж, — вздохнул лавочник, — подыщем тебе накидку… Но, может быть, хоть скажешь, где ты его раздобыл?

— Этот меч дал мне мастер нашей гильдии. — На лице лавочника мелькнуло выражение, коего я не смог опознать, и потому спросил:

— Ты не веришь мне?

— В том-то и беда, что верю! Кто же ты такой?

— Подмастерье гильдии палачей. Мы нечасто бываем на этом берегу и еще реже заходим так далеко на север. Но неужели ты в самом деле так уж удивлен?

Лавочник кивнул:

— Все равно, что повстречаться с психопомпом… Могу я узнать, что тебе нужно в этой части города?

— Можешь, но это будет последним вопросом, на который я намерен отвечать. Я получил назначение в Тракс и направляюсь туда.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Больше расспрашивать не буду. Мне вообще не следовало

навязываться с расспросами. Ну что ж, раз уж ты хочешь удивить друзей, неожиданно сняв накидку — верно я понимаю? — цвет ее должен резко контрастировать с цветом твоего облачения. Хорош был бы белый, но этот цвет и сам по себе достаточно драматичен, да к тому ж исключительно марок. Как насчет чего-нибудь блекло-коричневого?

— Маска, — отвечал я. — Ее ленты все еще у тебя на шее. — Лавочник, выволакивавший ящик из-под прилавка, промолчал, но стоило ему выпрямиться, зазвенел дверной колокольчик, и в лавку вошел новый покупатель. Он оказался юношей в шлеме, полностью закрывавшем лицо, и доспехе из лаковой кожи. Рога шлема затейливо загибались вниз, образуя забрало, а с нагрудника таращились на нас исполненные безумия глаза золотой химеры.

— Что угодно господину гиппарху? — Лавочник бросил свой ящик и почтительно склонился перед вошедшим. — Чем могу служить?

Рука в массивной латной перчатке потянулась ко мне. Пальцы гиппарха были сложены щепотью, точно он хотел дать мне монету.

— Возьми, — испуганно шепнул лавочник. — Возьми, что бы там ни было.

В подставленную мной ладонь упало блестящее черное семя размером с изюмину. Лавочник ахнул. Человек в доспехе повернулся к нам спиной и вышел из лавки.

Я положил семя на прилавок.

— Даже не думай отдать его мне! — взвизгнул лавочник, шарахнувшись прочь.

— Что это?

— Ты не знаешь?! Это — зернышко аверна! Чем ты ухитрился оскорбить офицера Дворцовой Стражи?!

— Ничем. Для чего он дал его мне?

— Тебя вызывают. Ты получил вызов.

— Мономахия? Этого не может быть. По классовой принадлежности я ему не ровня.

Лавочник пожал плечами, и этот жест был куда выразительнее его слов.

— Придется драться, иначе к тебе подошлют убийц. Вопрос лишь в том, на самом ли деле ты оскорбил этого гиппарха, или же он послан каким-нибудь высокопоставленным чиновником из Обители Абсолюта.

Хотя благоразумие подсказывало мне, что зернышко аверна следует выбросить и бежать из города, я не мог сделать этого. Столь же ясно, как и человека за прилавком, я увидел Водалуса,

бьющегося в одиночку против троих добровольцев. Кто-то — может статься, и сам Автарх или призрачный Отец Инир — узнал правду о смерти Теклы и возжелал уничтожить меня, не причиняя бесчестия нашей гильдии. Что ж, хорошо. Я буду драться, и, возможно, одолев противника, заставлю их передумать. Если же умру… Пусть; это будет только справедливо.

— Другого меча, кроме этого, я не знаю, — сказал я, вспомнив тонкий клинок Водалуса.

— Тебе не придется драться на мечах. Меч лучше всего оставь пока мне.

— Абсолютно исключено. — Лавочник снова вздохнул.

— Я вижу, ты ничего не знаешь о таких делах, однако намерен сегодня, с наступлением сумерек, драться насмерть. Что ж, ты — мой покупатель, а я не бросаю своих покупателей в беде. Тебе нужна накидка… — Он удалился в заднюю комнату и вскоре вернулся с одеянием цвета сухих листьев. — Держи. Примерь эту. Если подойдет — с тебя четыре орихалька.

Накидка столь свободного покроя могла бы подойти кому угодно, если б только не оказалась слишком длинна или коротка. По-моему, он запросил лишку, однако я заплатил и, обрядившись

в свое приобретение, сделал еще один шаг к тому, чтоб стать актером — похоже, весь этот день задался целью вынудить меня пойти на сцену. Впрочем, к тому времени я, сам того не зная, уже успел сыграть великое множество ролей…

— Ну что ж, — заговорил лавочник, — сам я не могу бросить торговлю, но пошлю с тобой сестру — она поможет тебе добыть аверн. Она часто ходит на Кровавое Поле, и, вероятно, сможет также преподать тебе кое-какие начатки боевых навыков.

— Тут кто-то поминал обо мне?

Молодая женщина, встреченная мной на улице, вошла в лавку сквозь темный проем двери, ведшей в заднюю комнату. Она была так похожа на брата, что я был уверен: передо мною — близнецы. Вот только тонкая кость и деликатность черт, так шедшая ей, совершенно не подходили ее брату. Какое-то время он, должно быть, объяснял ей, какая напасть приключилась со мной — не знаю, я не слышал. Я смотрел только на нее.

Продолжаю писать. С тех пор как были начертаны строки, которые вы прочли мгновением раньше, прошло довольно много времени (я дважды слышал, как сменялся караул за дверями моего кабинета). Не знаю, стоит ли описывать все

эти сцены так подробно — может статься, они ни для кого, кроме меня, не представляют интереса. Мне нетрудно восстановить в памяти все до мелочей: вот я вижу лавку и вхожу в нее; вот офицер Серпентрионов вызывает меня на поединок; вот лавочник посылает сестру помочь мне сорвать ядовитый цветок… Множество утомительных дней провел я за чтением жизнеописаний моих предшественников, и почти все они представляют собою подобные отчеты-дневники. Вот, например, об Имаре:

«Переодевшись, отправился он в поля, где нашел муни, предававшегося медитации под платаном. Автарх присоединился к нему и сидел так, спиною к стволу, пока не начал Урс затмевать солнце. Промчались мимо воины под развевавшимся стягом, проехал торговец на муле, шатавшемся под тяжестью кошелей с золотом, прекрасная женщина проехала в паланкине, несомом евнухами, и, наконец, пробежал по пыльной дороге пес. Тогда поднялся Имар и пошел следом за псом тем, смеясь».

Если анекдот сей правдив, объяснить его смысл легче легкого: Автарх наглядно показал, что отвергает бездеятельность по собственному желанию, а не ради мирских соблазнов.

Но вот, например, у Теклы наверняка было много учителей, каждый из которых объяснил бы данный факт по-своему. Второй мог бы сказать, что Автарх устоял перед тем, что влечет к себе обычных людей, но перед своей любовью к охоте оказался бессилен.

Третий заявил бы, что Автарх своим поступком выказал презрение к муни, который хранил молчание, хотя мог бы сеять знание и пожинать плоды просвещения. Таким образом, Автарх не мог уйти, когда дорога была пуста, ибо одиночество есть великий соблазн для мудрых. Не мог он уйти и за солдатами, богатым торговцем или женщиной, ибо все то, что воплощено в них, жаждет непросвещенный, и муни просто счел бы его одним из таковых.

Четвертый сказал бы, что Автарх предпочел пса неподвижному муни оттого, что пес шел вперед и шел в одиночестве, тогда как солдаты ехали в окружении товарищей, у торговца был мул, а у мула — торговец, а при женщине состояли ее рабы.

Но чему же смеялся Имар? Кто может объяснить это? Быть может, торговец следовал за солдатами, чтобы скупить их трофеи, а после — перепродать с выгодой? Быть может, женщина следовала за

купцом, чтобы продать жар своих губ и бедер? Принадлежал ли пес к охотничьей породе или же был из тех коротколапых собачонок, которых женщины держат при себе и которые докучают всем тявканьем, если их перестать гладить? Кто может знать это теперь? Имар давно мертв, и память о нем, жившая когда-то в крови его преемников, тоже давно мертва.

Если так, со временем поблекнет память и обо мне. В одном я уверен: среди всех этих объяснений поведения Имара ни одно не верно. Истинное же, каким бы оно ни было, гораздо проще и тоньше. Вот обо мне могут спросить: отчего я, никогда в жизни не имевший настоящего товарища, принял в товарищи сестру того лавочника? Кто, прочтя лишь слова «сестра того лавочника», способен понять, отчего я не отверг ее общества? Никто, конечно же.

Я уже говорил, что не могу объяснить своего влечения к ней, и это правда. Я любил ее любовью отчаянной и ненасытной. Я чувствовал, что вдвоем мы можем совершить нечто столь ужасное, что мир, глядя на нас, найдет деяние наше неотразимым.

Чтобы узреть тех, кто ждет нас за бездной смерти, не нужно никакого разума — каждому

ребенку знакомы эти фигуры — в ореоле славы, мрачной либо сияющей ослепительной белизной, облеченные властью, что древнее самого мироздания. Они являются к нам в первых снах и в последних предсмертных видениях. Мы не ошибаемся, чувствуя, что именно они управляют нашей жизнью, как не ошибаемся и в том, сколь мало мы заботим их, зодчих невообразимого и воинов в битвах за гранью всего сущего.

Трудность — в том, чтобы понять, что и в самих нас заключены столь же великие силы. Вот человек говорит: «Я хочу» или «Я не хочу» — и полагает (хотя каждый день повинуется приказам каких-нибудь совершенно прозаических личностей), будто он — сам себе господин. Истина же — в том, что настоящие наши хозяева спят. Порой кто-нибудь из них просыпается в нас и принимается править нами, словно лошадьми, хотя наездник сей до пробуждения был всего лишь какой-то частицей нашего существа, неведомой нам самим.

Возможно, этим и объясняется анекдот из жизни Имара. Как знать?

Одним словом, я позволил сестре лавочника помочь мне привести в порядок накидку. Она плотно стягивалась у горла, а по бокам имела

прорези для рук; таким образом, мой плащ цвета сажи был под нею не виден, а «Терминус Эст», отстегнутый от перевязи, вполне мог сойти за посох — ножны его закрывали большую часть гарды и заканчивались наконечником из темного железа.

То был единственный раз в моей жизни, когда я прятал наше гильдейское облачение под обычной одеждой. Некоторые говорили, будто в таких случаях чувствуешь себя крайне глупо, неважно, удалось остаться не узнанным или нет. Теперь я понял, что они имели в виду. Впрочем, мою накидку вряд ли можно было считать маскировкой. Такие накидки давным-давно были изобретены пастухами, носящими их и до сих пор. В те дни, когда здесь, в холодных южных краях, начались войны с асцианами, от пастухов их переняли военные. После этого практичность одежды, которую без труда можно превратить в более-менее сносную небольшую палатку, оценили паломники и бродячие проповедники. Упадок веры, без сомнения, здорово повлиял на исчезновение таких накидок в Нессусе, где я ни разу не видел другой такой, кроме моей собственной. Знай я о них больше в тот момент, когда купил свою в лавке тряпичника, приобрел бы к ней и мягкую

широкополую шляпу. Однако я ничего такого тогда не знал, да еще сестра лавочника сказала, что из меня вышел замечательный паломник. Сказала она это, конечно же, не без насмешки — без нее она, казалось, просто не могла, но я был так озабочен собственной внешностью, что ничего не заметил и сказал ей с братом, что хотел бы знать о религии больше.

Оба они улыбнулись, и лавочник сказал:

— Если будешь начинать беседу с этого, с тобой никто не станет говорить о религии. Кроме того, ты вполне можешь заработать репутацию славного малого, нося эту накидку и воздерживаясь от религиозных бесед. А если привяжется человек, с которым ты не хочешь разговаривать вовсе — начинай клянчить подаяние.

Вот так я стал — по крайней мере, с виду — пилигримом, совершающим паломничество в один из дальних храмов на севере. Кажется, я уже говорил о том, как время превращает ложь в истину?

Глава 18
Разрушение алтаря

Пока я был в лавке тряпичника, снаружи не осталось и намека на утреннюю тишь. Улица была полна грохота копыт и колес: стоило нам с сестрой лавочника выйти за порог — высоко над нашими головами со свистом пронесся флайер, лавируя меж шпилей и башенок. Подняв взгляд вовремя, я даже смог разглядеть его — блестящий и обтекаемый, точно капля дождя на оконном стекле.

— Наверное, тот самый офицер, что вызвал тебя, — заметила моя спутница. — Возвращается в Обитель Абсолюта. Гиппарх Серпентрионов — так Агилюс говорил?

— Твой брат? Да, что-то подобное… А как зовут тебя?

— Агия. Значит, о мономахии ты не знаешь ничего, и тебя нужно обучить. Что ж, Ипогеон тебе в помощь! Для начала нам следует отправиться в Ботанические Сады и добыть тебе аверн. У тебя хватит денег нанять фиакр?

— Наверное, хватит. Если без этого не обой-

тись.

— Ну, значит, ты и впрямь не переодетый армигер! Значит, ты в самом деле… тот, кем назвался.

— Да, палач. Когда мы встречаемся с этим гиппархом?

— Не раньше наступления сумерек. В это время раскрываются цветы аверна, и на Кровавом Поле начинаются поединки. Времени у нас полно, но все равно не стоит тратить его зря. Нужно достать аверн и показать тебе, как им пользуются. — Она махнула кучеру обгонявшего нас фиакра, запряженного парой онагров. — Ты хоть понимаешь, что наверняка будешь убит?

— Судя по твоим словам, все идет к этому.

— Исход поединка практически предрешен, поэтому о деньгах можешь не беспокоиться.

Агия шагнула прямо на мостовую (сколь тонки были черты ее лица, как грациозна фигура!), на миг застыв с поднятой рукой, точно статуя какой-то неизвестной пешей женщины. Я думал, она собирается погибнуть под колесами! Фиакр остановился совсем рядом, норовистые онагры заплясали перед нею, точно сатиры перед вакханкой, и она села в повозку. Несмотря на легкость ее тела, крохотный экипаж накренился. Я сел рядом с ней, тесно прижавшись бедром к ее бедру. Кучер

оглянулся на нас.

— К Ботаническим Садам, — сказала Агия, и фиакр помчался вперед. — Значит, смерть тебя не волнует. Занятно!

Я ухватился за спинку кучерского сиденья.

— Что в этом особенного? На свете, должно быть, тысячи — а может, и миллионы — людей, подобных мне. Эти люди привыкают к смерти, считая, что настоящая и вправду стоящая часть их жизни — уже в прошлом.

Солнце только-только поднялось к самым высоким шпилям; свет его залил мостовую, превратив пыль в красное золото и настроив меня на философский лад. В книге, хранившейся в моей ташке, имелось повествование об ангеле (возможно, на самом деле то была одна из тех крылатых воительниц, что, по слухам, служат Автарху), сошедшем на Урс по каким-то своим делам, который был поражен случайно попавшей в него стрелой, выпущенной ребенком из игрушечного лука, и умер. Сияющие одежды его сплошь окрасились кровью, точно улицы в свете заходящего солнца, и тогда он встретился с самим Гавриилом. В одной руке архангела сверкал меч, в другой — огромная двуглавая секира, а за спиной висела на перевязи из радуги та самая труба, что

однажды созовет на битву Воинство Небесное.

— Камо грядеши, малыш? — спросил Гавриил. — И почему грудь твоя красна, точно у малиновки?

— Я убит, — отвечал ангел, — и возвращаюсь к Панкреатору, дабы в последний раз слиться с ним.

— Что за вздор? Ты не можешь умереть, ибо ты — ангел, бесплотный дух!

— И все же я мертв, — сказал ангел. — Ты видишь кровь мою — отчего же не замечаешь, что не бьет она больше струей, но лишь вытекает по капле? Взгляни, сколь бледен лик мой! Разве не теплым и светлым должно быть прикосновение ангельское? Коснись десницы моей — и ощутишь, что хладна она, точно рука утопленника, извлеченного из болота! Обоняй дыхание мое — разве не зловонно оно, разве не гнилостно?

Ничего не ответил Гавриил.

— Брате мой, — сказал тогда ангел, — хоть и не веришь ты свидетельствам смерти моей, молю: оставь меня, и я избавлю от себя мироздание!

— Отчего же, я верю тебе, — отвечал Гавриил, освобождая путь ангелу. — Я лишь задумался: ведь, знай я прежде, что мы можем быть повержены, вовсе не был бы всегда столь отчаянно

храбр!

— Я чувствую себя, точно архангел из той истории, — сказал я Агии. — Знал бы, что жизнь может кончиться так легко и быстро — наверное, поостерегся бы. Знаешь эту легенду? Но теперь уже все решено, этому не поможешь ни словом, ни делом. Значит, сегодня вечером тот Серпентрион убьет меня… чем? Растением? Цветком? Я перестаю понимать, что происходит! Совсем недавно я полагал, что без особых помех доберусь до городка под названием Тракс, где — уж как получится — проживу всю жизнь. Но уже вчера ночью мне пришлось делить комнату с великаном… Одно фантастичнее другого!

Она не ответила, и через некоторое время я спросил:

— Что это там за здание? Вон то, с пунцовой крышей и разветвленными колоннами? И, кажется, там толкут гвоздику в огромной ступе — по крайней мере, пахнет даже здесь.

— Монастырская трапезная. А ты хоть знаешь, как пугающе выглядишь? Когда ты вошел к нам в лавку, я подумала: вот, еще один молодой армигер, вырядившийся шутом гороховым. А потом, когда поняла, что ты и вправду палач, решила: ну и что ж, парень как парень, хоть и палач…

— Ну да, парней ты, надо думать, знала во множестве. — Сказать правду, я надеялся, что так оно и есть. Мне хотелось, чтобы она была опытнее меня; чтобы, хоть я ни на миг не воображал себя таким уж невинным и чистым, она все же оказалась менее невинна и чиста, чем я сам.

— Но в тебе есть нечто большее. У тебя лицо человека, который со дня на день унаследует два палатината и какой-нибудь неведомый мне остров — и манеры сапожника. Когда ты сказал, что не боишься умереть, ты в самом деле был уверен в этом, и из-за этой уверенности действительно как бы не боишься смерти — разве что где-то в самой глубине души… И ведь тебя ничуть не затруднит отрубить голову, скажем, мне — верно?

Улица вокруг нас кипела и бурлила. Мостовую запрудили машины, экипажи с колесами и без, влекомые разнообразным тягловым скотом и рабами, пешеходы, всадники на дромадерах, волах, метаминодонах и лошадях. С нами поравнялся открытый фиакр — почти такой же.

— Мы вас обставим! — крикнула Агия сидевшей в нем паре, перегнувшись через борт.

— Докуда? — крикнул в ответ мужчина. Я с удивлением узнал в нем сьера Рахо, с которым встречался однажды, когда был послан за книга-

ми к мастеру Ультану.

Я схватил Агию за руку:

— Ты с ума сошла? Или это он рехнулся?

— До Ботанических Садов! Ставим хризос! Их фиакр рванулся вперед, оставив нас позади.

— Быстрее! — крикнула Агия кучеру. — Кинжала у тебя нет? Хорошо бы кольнуть его в спину, чтобы потом мог сказать, будто гнал под угрозой смерти.

— Зачем все это?

— Проверка! Сам по себе твой костюм не обманет никого, но все думают, будто ты — переодевшийся для забавы армигер. И я это только что наглядно доказала. — Фиакр наш, сильно накренившись, обогнал телегу, груженную песком. — Кроме того, мы выиграем. Я знаю этого кучера, и упряжка у него свежая. А тот, другой, возил эту шлюху полночи.

Тут я понял, что в случае нашей победы Агия будет считать выигрыш своим, а в случае проигрыша та женщина потребует с Рахо мой (несуществующий) хризос. И все-таки — как приятно было бы оконфузить его! Стремительная езда и близость смерти (я не сомневался, что в самом деле погибну от рук гиппарха) сделали меня беззаботнее, чем когда-либо за всю мою жизнь. Я

обнажил «Терминус Эст» и, благодаря длине его клинка, легко смог дотянуться до онагров. Бока их уже были мокры от пота, и небольшие ранки, нанесенные мною, должны были жечь огнем.

— Это получше всякого кинжала, — объяснил я Агии. Толпа шарахалась прочь от бичей возниц. Матери бежали прочь, прижимая к себе детишек, а солдаты вскакивали на подоконники, опираясь на древки копий. Положение благоприятствовало нам: другой фиакр, несшийся впереди, расчищал нам дорогу, да к тому же его заметно задерживали прочие экипажи. Но все же мы нагоняли лишь понемногу, и, чтобы выиграть несколько элей, наш кучер, несомненно, рассчитывавший на солидные чаевые в случае выигрыша, на полной скорости направил онагров вверх по лестнице с широкими ступенями из халцедона. Казалось, мраморные плиты, статуи, колонны и пилястры валом обрушились прямо на нас! Мы проломили живую изгородь высотою с хороший дом, опрокинули тележку с засахаренными фруктами, нырнули под арку, прогрохотали вниз по лестнице, круто свернули в сторону и вновь помчались по улице, так и не узнав, в чей патио ворвались столь бесцеремонно.

Здесь в узкий промежуток между нашими эки-

пажами затесалась тележка пекаря, запряженная овцой. Огромное заднее колесо нашего фиакра зацепило ее — свежевыпеченные булки так и брызнули на мостовую! Толчок швырнул Агию прямо на меня, и ощущение оказалось столь приятным, что я обнял ее и удержал в новом положении. Прежде я часто сжимал в объятиях тела женщин — Теклы и наемных шлюх из города. Но в этом объятье была новая горьковатая сладость, порожденная мучительным влечением к Агии.

— Хорошо, что ты сделал это, — шепнула она мне на ухо. — Терпеть не могу мужчин, которые меня хватают. С этими словами она покрыла мое лицо поцелуями. Кучер оглянулся на нас с победной ухмылкой, предоставив упряжке самой выбирать дорогу:

— Вот так! Еще сотня элей — и мы их сделали!

Круто свернув, фиакр вырвался на узкую дорожку меж двух рядов густого кустарника, и оказался прямо перед стеной огромного здания. Кучер изо всех сил натянул вожжи, но было поздно. Мы въехали в стену, и она разошлась перед нами, словно мираж. За ней оказалось громадное, мрачное помещение, где отчего-то сильно пахло сеном. Впереди был украшенный множеством голубых огоньков алтарь в виде ступенчатой

пирамиды размером с добрый коттедж. Увидев его, я тут же понял, отчего видно его так хорошо: кучера сшибло с облучка или, может, он спрыгнул сам. Агия завизжала.

На полном ходу врезались мы в алтарь! Хаос, последовавший за столкновением, невозможно описать. Казалось, все вокруг кружилось в воздухе, сталкиваясь, но попадая — все это сравнимо лишь с хаосом, царившим до сотворения мира. Почва словно бы прыгнула вверх и ударила меня всею своею массой. В ушах загудело.

Я не выпускал из рук «Терминус Эст», пока летел по воздуху, но после падения его уже не было при мне. Я хотел подняться и отыскать его, но обнаружил, что не могу — не хватало сил даже сделать вдох. Где-то вдали закричали. Повернувшись набок, я собрался с силами и все же — с неимоверным трудом — встал.

Похоже, мы оказались примерно в центре помещения, размерами не уступавшего Башне Величия, однако совершенно пустого — ни внутренних стен, ни лестниц, ни какой-либо мебели. Сквозь золотистую пыль, клубящуюся в лучах света, я разглядел накренившиеся столбы из крашеного дерева. В чейне — или даже больше — над нашими головами виднелись светильники, ка-

завшиеся лишь крохотными светлыми точками. Высоко над ними ветер, которого я не чувствовал, трепал и раздувал разноцветную крышу.

Под ногами моими — и повсюду вокруг, точно на поле какого-нибудь титана после сбора урожая — лежала солома, усеянная досками, из которых был собран алтарь. Обломки дерева были обиты листовым золотом и украшены бирюзой и аметистами. Повинуясь смутным мыслям о том, что меч нужно найти, я побрел вперед и почти сразу же наткнулся на разбитый фиакр. Рядом лежал один из онагров — я, помню, подумал, что он, должно быть, сломал себе шею.

— Палач! — позвал кто-то.

Оглянувшись, я увидел Агию, кое-как держащуюся на ногах, и спросил, цела ли она.

— Жива — и на том спасибо. Но отсюда надо уходить поскорее. Онагр мертв? — Я кивнул.

— Жаль, я могла бы сесть на него верхом. А так тебе придется, если сможешь, нести меня. Нога вряд ли выдержит…

С этими словами она сделала шаг ко мне — пришлось прыгнуть к ней, чтобы вовремя удержать от падения.

— Идем, — сказала она. — Оглядись… видишь где-нибудь выход? Скорее! — Выхода я не видел.

— Но куда нам так спешить?

— Если уж ослеп и не видишь пола, то хоть принюхайся!

Принюхавшись, я почувствовал запах не просто соломы, но — соломы горящей. Почти тут же увидел я и огонь — язычки пламени, явно только что разгоревшегося из искр, весело плясали в полумраке. Я рванулся бежать, однако ноги почти не слушались.

— Где мы?

— В Соборе Пелерин — некоторые еще называют его Храмом Когтя. Пелерины — это шайка жриц, странствующих по континенту. Они никогда не…

Агия запнулась — мы шли прямо к группе людей в алых одеждах. Или, может быть, это они шли к нам, так как неожиданно оказались совсем близко. Бритоголовые мужчины были вооружены кривыми, точно молодой месяц, блестящими ятаганами, а высокая, точно экзультантка, женщина держала в руках двуручный меч в ножнах — мой «Терминус Эст». Одета она была в длинный узкий плащ с капюшоном и длинными султанами позади.

— Наши лошади понесли, Святейшая Домницелла… — начала Агия.

— Это неважно, — оборвала ее женщина, державшая в руках мой меч.

Она была поразительно красива — но не той красотой, что возбуждает желание.

— Это принадлежит мужчине, несущему тебя. Вели ему поставить тебя на ноги и взять это. Ты можешь идти и сама.

— С трудом. Делай, как она говорит, палач.

— Ты не знаешь его имени?

— Он называл, но я забыла.

— Северьян, — сказал я, поддерживая Агию одной рукой, а другой принимая меч.

— Пусть он в руце твоей прекращает свары, — сказала женщина в алом, — но отнюдь не начинает их.

— Солома на полу этого огромного шатра горит. Тебе известно об этом, шатлена?

— Огонь будет погашен. Сестры и наши слуги уже затаптывают угли. — Она помолчала, быстро взглянув на меня, и снова обратилась к Агии:

— Среди обломков уничтоженного вами алтаря мы нашли лишь одну вещь, принадлежащую вам и, видимо, дорогую для вас. Вот этот меч. Мы вернули его вам. Не хотите ли и вы вернуть нам то, что могли найти среди обломков, и что может быть для нас дорого?

Я вспомнил об аметистах.

— Я не нашла ничего ценного, шатлена. — Агия молча покачала головой, и я продолжал:

— Там были обломки дерева, украшенного драгоценными камнями, но я не тронул их.

Бритоголовые мужчины поигрывали эфесами ятаганов и явно рвались в бой, но высокая женщина не двигалась с места. Она окинула взглядом меня, затем — Агию.

— Подойди ко мне, Северьян.

Я сделал шага три вперед, изо всех сил противясь соблазну выхватить из ножен «Терминус Эст», дабы хоть оборониться от клинков бритоголовых. Хозяйка их, взяв меня за запястья, заглянула мне в глаза. Взгляд ее глаз был спокоен, странно светел и тверд, точно то были не глаза, но бериллы.

— На нем нет вины, — сказала она.

— Ты ошибаешься, Домницелла, — пробормотал один из бритоголовых.

— Невиновен, говорю я! Отойди, Северьян, пусть вперед выйдет женщина.

Я сделал, как было сказано, и Агия с трудом сделала шаг к женщине в алом. Та, видя, что другого шага Агии не сделать, сама приблизилась к ней и взяла ее за запястья — так же как и меня. Взгля-

нула ей в глаза, оглянулась на другую женщину, стоявшую за спиной одного из бритоголовых… Прежде чем я успел понять, что происходит, двое вооруженных ятаганами, подступив к Агии, через голову сорвали с нее платье.

— Ничего нет, Великая Мать, — сказал один из них.

— Наверное, настал тот день. Пророчество сбылось.

Агия, прикрыв грудь руками, шепнула мне:

— Эти Пелерины — сумасшедшие. Об этом все знают: будь у нас больше времени, я бы предупредила тебя.

— Верните ее тряпье, — распорядилась высокая женщина. — Коготь никогда не исчезал из памяти живущих, но сейчас покинул нас собственной волею. Препятствовать этому невозможно и непозволительно.

— Великая Мать, быть может, мы еще отыщем его среди обломков, — негромко сказала одна из женщин.

— И разве они не заплатят за содеянное? — прибавила вторая.

— Позволь нам убить их, — заропотали бритоголовые. Высокая женщина словно и не слышала их. Она уже шла прочь, и ноги ее, казалось, лишь

слегка касались выстеленного соломой пола. Прочие женщины, переглянувшись, последовали за ней. Мужчины, опустив сверкающие клинки, отступили. Агия не без труда оделась. Я спросил у нее, что такое Коготь и кто такие эти Пелерины.

— Выведи меня отсюда, Северьян, и я тебе все объясню. Разговоры о них в их собственном жилище ни к чему хорошему не приведут. Что там, в стене, — прореха?

Увязая в мягкой соломе, мы пошли в указанном ею направлении. Прорехи в стене не оказалось, но я сумел приподнять край шелковой ткани шатра и выбраться наружу.

Глава 19
Ботанические Сады

Солнечный свет ослеплял; мы словно шагнули из вечерних сумерек в ясный полдень. В воздухе возле шатра до сих пор кружились, медленно падая на землю, золотистые соломинки.

— Вот так-то лучше, — сказала Агия. — Остановись; надо понять, где мы. Пожалуй, где-то справа от нас — Ацамнианская Лестница. Кучер вряд ли рискнул бы спускаться прямо по ней — хотя с него сталось бы, чего доброго. Она приведет нас к Садам кратчайшим путем. Дай руку, Северьян, моя нога еще не совсем прошла.

Мы ступили на траву, и тогда я увидел, что огромный шатер-храм установлен на обширном лугу среди богатых особняков; колеблющиеся на ветру колокольни возвышались над толстыми каменными оградами. Луг был окружен широкой дорожкой, вымощенной булыжником, и, когда мы добрались до нее, я снова спросил, что представляют собою Пелерины.

Агия искоса взглянула на меня.

— Прости, но мне нелегко говорить о профес-

сиональных девственницах с мужчиной, только что видевшим меня обнаженной. В других обстоятельствах все могло бы быть иначе. — Она глубоко вздохнула. — На самом-то деле я мало знаю о них. В нашей лавке имеются и их одежды, и как-то я спросила брата о них и внимательно выслушала ответ. Эти красные балахоны — весьма популярные маскарадные костюмы. В общем, как ты уже понял и сам, это — довольно известный религиозный орден. Алый цвет символизирует свет, низвергаемый на землю Новым Солнцем, а сами Пелерины низвергаются на землевладельцев, странствуя по континенту со своим храмом и самовольно устанавливая его, где пожелают. Орден их, как сами они говорят, владеет самой ценной реликвией мироздания, Когтем Миротворца, и поэтому алый цвет может символизировать и Раны, От Когтя Причиненные.

— Вот не знал, что у него были когти, — заметил я, желая сострить.

— Не настоящий коготь. Говорят, это — драгоценный камень. Ты наверняка слышал о нем. Я не понимаю, отчего его называют Когтем; это вряд ли знают и сами Пелерины. Но — сам понимаешь, сколь важна реликвия, имеющая прямое отноше-

ние к Миротворцу! В конце концов современное знание о нем — чисто исторического характера. То есть мы либо признаем, либо отрицаем, что он когда-то, в далеком прошлом, вступал в контакт с нашей расой. Если Коготь — на самом деле то, чем его объявляют Пелерины, Миротворец в самом деле когда-то жил, хотя к настоящему времени мог и умереть.

Изумленный взгляд встречной женщины, несшей в руках цимбалы, подсказал мне, что накидка, приобретенная у брата Агии, распахнулась, открыв для всеобщего обозрения мой гильдейский плащ цвета сажи (наверняка показавшийся бедной женщине этаким сгустком тьмы). Поправив накидку и застегнув фибулу, я сказал:

— Чем больше размышляешь над любым религиозным аргументом, тем меньше становится его значимость. Допустим, Миротворец вправду жил среди нас зоны назад, а теперь он мертв. Для кого это имеет значение, кроме историков и религиозных фанатиков? Мне дорога легенда о нем, как часть нашего сокровенного прошлого, но для современности имеет какое-либо значение только эта легенда, а никак не прах Миротворца!

Агия потерла ладонь о ладонь, словно стараясь

согреть руки в солнечных лучах.

— Если он… Северьян, здесь нужно свернуть за угол, и покажется лестница — вон там, где статуи эпонимов… Если он существовал, он, по определению, был Всемогущим Властителем. Что означает неограниченную власть над реальностью, включая сюда и время. Верно?

Я кивнул.

— А если так, ничто не препятствует ему переместиться из прошлого, скажем, трехсотлетней давности в ту временную точку, которую мы с тобой называем настоящим. Мертвый ли, живой; если он когда-либо существовал, то может находиться всего в квартале — или в паре дней — от нас.

Мы добрались до верхней площадки лестницы. Ступени ее, вытесанные из камня, белого, как соль, были порой широки и пологи, порой же — круты, будто трап. Там и сям расставлены были на них лотки кондитеров, продавцов обезьян и прочих торговцев в том же роде. Отчего-то было очень приятно, спускаясь по этим ступеням, беседовать с Агией о тайнах мироздания, и я сказал:

— И все — из-за каких-то женщин, заявляющих, будто они владеют одним из его когтей! Надо полагать, и без чудесных исцелений там не

обходится?

— Они говорят, что случается и такое. А еще Коготь может залечивать раны, оживлять умерших, сотворять из глины новые виды живых существ, помогать унимать похоть и так далее. Все то, на что был способен сам Миротворец.

— Это ты надо мною смеешься?

— Нет, я смеюсь в лицо солнцу. Ты ведь знаешь, что оно делает с лицами женщин?

— Да, оно делает их смуглыми.

— Оно уродует нас! Начать с того, что лучи солнца сушат кожу, отчего на ней появляются морщины! Вдобавок они освещают и выставляют всем напоказ любой изъян — даже самый мелкий. Помнишь, как Урваши любила Пуруравaса, пока не увидела его в ярком свете солнца? А я чувствую его лучи на своем лице и думаю: «Мне плевать на тебя! Я еще достаточно молода, чтобы обращать на тебя внимание, а на будущий год подберу себе в нашей лавке широкополую шляпу!» — В ярких солнечных лучах лицу Агии в самом деле было далеко до совершенства, однако ей нечего было бояться. Недостатки ее лишь пуще разжигали мое вожделение. Она обладала тем самым — безнадежным и в то же время исполненным надежд мужеством, что свойственно бедным и, пожалуй,

привлекательней, чем все прочие человеческие качества. Изъяны Агии только придавали ей осязаемости.

— Признаться, — продолжала она, сжав мою руку, — я никогда не понимала, отчего люди наподобие этих Пелерин всегда думают, будто обычному человеку непременно нужно помогать унимать похоть. Мой опыт показывает, что обычные люди и сами неплохо с этим справляются, причем — каждый день. Нужно лишь найти себе кого-нибудь под пару…

— Значит, тебе не все равно, люблю ли я тебя? — Это было шуткой разве что наполовину.

— Любая женщина хочет, чтобы ее любили, и чем больше мужчин любит ее, тем лучше! Но — тебе я вряд ли отвечу взаимностью, если ты об этом. Все вышло бы очень легко — после таких прогулок по городу. Но если тебя вечером убьют, ночью мне будет очень плохо.

— Мне тоже, — сказал я.

— Ничего подобного! Тебе уже будет наплевать на все. Мертвому не больно — тебе это должно быть известно лучше, чем любому прочему!

— Я почти склонен считать, что всю эту заваруху устроила ты или твой брат. Когда пришел Серпентрион, ты была снаружи — может, это ты

сказала ему что-нибудь, чтобы настроить против меня? Может, он — твой любовник?

Агия рассмеялась.

— Взгляни на меня! Да, платье мое из парчи, но что под ним — ты видел. Я хожу босиком. Есть ли на мне кольца или серьги? Или серебряная ламия на шее? Или золотые браслеты на запястьях? Нет? Тогда можешь быть уверен, что я не кручу любовь с офицером Дворцовой Стражи! Ко мне навязывается в сожители только один старый моряк, уродливый и бедный. Мы с Агилюсом существуем лишь за счет нашей лавки. Она оставлена нам матерью, и не заложена только потому, что не сыскалось в городе человека, достаточно глупого, чтобы дать под нее что-нибудь. Порой мы раздираем что-нибудь из товара в лоскуты, продаем их тем, кто делает бумагу, и нам хватает на миску чечевицы…

— Ну, сегодня вечером ты наешься досыта, — заметил я. — Я хорошо заплатил твоему брату за эту накидку.

— Ка-ак? — Похоже, к Агии вернулось шутливое настроение; она отступила на шаг и, разинув рот, изобразила крайнюю степень изумления. — Ты не собираешься угостить меня ужином? И это — после того, как я потратила целый день, чтобы

научить тебя уму-разуму?

— И попутно втравила меня в историю с этим алтарем.

— Мне жаль, что так вышло, правда! Я подумала, что твоим ногам лучше как следует отдохнуть перед боем. А тут появилась та парочка — и я решила, что это для тебя неплохой шанс заработать…

Отведя от меня взгляд, она повернулась к одному из бюстов, украшавших лестницу.

— Все затевалось только ради этого? — спросил я.

— Сказать правду, мне хотелось, чтобы все приняли тебя за армигера. Армигеры часто расхаживают по улицам в странной одежде — когда идут на турнир или на пикник. И лицо у тебя подходящее. Я ведь и сама приняла тебя за армигера, когда ты подошел к лавке. И уж решила что мной вполне может заинтересоваться какой-нибудь армигер или даже незаконный сын экзультанта — попоь хотя бы в шутку… Ну, откуда мне было знать, что так выйдет?

— Понятно… — Внезапно меня одолел смех. — Однако глупо же мы, наверное, выглядели, когда неслись в этом фиакре!

— Если понял это, поцелуй меня!

Я окаменел от удивления.

— Ну же! Много ли шансов осталось у тебя? А я дам тебе все, чего захочешь… — Она умолкла и вдруг рассмеялась тоже. — Быть может, после ужина, если сумеем найти уединенное местечко… Хотя — перед боем, наверное, лучше не стоит.

Она обняла меня и потянулась к моим губам. Груди ее оказались упруги и высоки; бедра прижались к моим.

— Вот так… — Она оттолкнула меня. — Взгляни, Северьян! Видишь — там, между пилонами?..

Там, внизу, блестела, словно зеркало, поверхность воды.

— Река.

— Да, это Гьолл. Теперь — налево. Остров трудно разглядеть — слишком много ненюфар, но там трава должна быть ярче и светлее. Видишь, стекло сверкает на солнце?

— Что-то такое вижу. Это здание — целиком из стекла? — Агия кивнула.

— Это и есть Ботанические Сады. Там ты сорвешь себе аверн — нужно лишь потребовать это как полагающееся по праву.

Дальше мы спускались молча. Адамнианская Лестница, змеей петлявшая по склону холма, очевидно, была популярным местом для про-

гулок — я видел множество прекрасно одетых пар, мужчин с отметинами былой бедности на лицах, шумно резвящихся детей… Над противоположным берегом Гьолла темнели, навевая печаль, башни Цитадели. Увидев их в третий или четвертый раз, я вспомнил, как мальчишкой, купаясь у восточного берега, ныряя с уходящих в воду ступеней и воюя с ребятней из окрестных кварталов, раз или два замечал тонкую белую змейку на склоне далекого, едва различимого глазом холма за рекой…

Ботанические Сады находились на острове у самого берега, в здании, целиком выстроенном из стекла (никогда прежде не видел ничего подобного — не знал даже, что такое вообще возможно). Ни башен, ни бойниц — лишь многогранные купола, уходящие вверх и пропадающие в небе, оставляя за собою лишь блики в тех местах, где тонкие, изящные лесенки соединялись с листами стекла. Я спросил у Агии, успеем ли мы посмотреть сады, но тут же, не дожидаясь ответа, объявил, что хочу видеть их в любом случае. Честно говоря, я вовсе не опасался опоздать на свидание с собственной смертью и к тому же не мог относиться серьезно к поединку на цветках вместо оружия.

— Если тебе угодно провести свой последний день в Садах — что ж, так тому и быть, — ответила Агия. — Сама-то я часто бываю здесь. Вход бесплатный — Сады состоят на попечении Автарха. Какое-никакое, а — развлечение, если не страдаешь чрезмерной брезгливостью.

Мы поднялись по лестнице из светло-зеленого стекла. Я спросил, вправду ли такая громадина возведена только ради цветов и фруктов.

Она покачала головой, рассмеялась и направилась вперед, к широкой арке.

— По обеим сторонам этого коридора устроены залы, и в каждом из них — свой мир. Помни, что коридор короче самого здания, и потому — чем дальше углубляешься в зал, тем он шире. Некоторых это сбивает с толку.

Мы вошли внутрь. В коридоре царила тишина — так было, наверное, в утро мира, в начале времен, еще до того, как первые мужчины рода человеческого научились ковать медные гонги, строить скрипучие повозки и бороздить Гьолл многовесельными ладьями. Воздух — сырой, напоенный множеством ароматов — был заметно теплее, чем снаружи. Стены и плиты пола тоже были сделаны из стекла, но — столь толстого, что взгляд почти не мог проникнуть сквозь него.

Казалось, будто листья, цветы и даже высокие древа за этими стенами колеблются, словно погребенные в толще воды. На одной из дверей я прочел надпись: САД СНА.

— Можете ходить где угодно, — сказал старик, поднявшийся из кресла в углу. — И — сколько угодно. — Агия покачала головой.

— Времени у нас — не больше чем на два зала.

— Вы здесь впервые? Новичкам обычно очень нравится Сад Пантомимы.

Неяркие, длинные одежды старика что-то смутно напоминали мне. Я спросил, к какой гильдии он принадлежит.

— К гильдии кураторов. Неужели ты никогда прежде не встречался с кем-нибудь из моих собратьев?

— Встречался дважды.

— Да, нас немного. Но задача наша гораздо важнее, чем думают в обществе, — мы храним то, что ушло. Видел ли ты Сад Древностей?

— Пока — нет.

— Взгляни обязательно! Если это — первый твой визит к нам, советую тебе начать с Сада Древностей. Сотни и сотни вымерших растений, включая и те, которых в природе нет уже десятки миллионов лет!

— А я, — заметила Агия, — видела ту «лиану пурпурную», которой вы так гордитесь, растущей на склоне холма в Квартале Мостильщиков.

Куратор печально покачал головой.

— Нам известно об этом… Боюсь, мы потеряли споры. Одна из панелей крыши треснула, и они разлетелись. — Но печаль исчезла с его морщинистого лица быстро, точно у простолюдина, не привыкшего лелеять свои горести. Он улыбнулся. — Впрочем, ей там скорее всего живется неплохо. Все ее враги давно мертвы, как и хвори, которые исцеляет ее мякоть.

Грохот за спиной заставил меня обернуться. Там двое рабочих вкатывали тележку в одну из дверей, и я спросил, что они делают.

— Там — Песчаный Сад. Кактусы, юкки и прочее в том же роде… Они перестраивают его. Боюсь, там сейчас особенно нечем полюбоваться.

Я взял Агию за руку:

— Идем. Хочу взглянуть на их работу.

Она улыбнулась куратору, слегка пожала плечами, однако последовала за мной достаточно покорно.

В этом саду не было ничего, кроме песка, из коего местами выглядывали каменные валуны. Казалось, пространству, в котором мы оказались,

нет границ. Оглянувшись, я увидел на месте стены и двери, сквозь которую мы вошли, отвесную скалу. Рядом с дверным проемом змеилось вверх по скале довольно большое растение — наполовину куст, наполовину лоза со страшными, кривыми шипами. Я решил, что это — остатки прежней растительности, которые еще не успели убрать. Других растений в саду не было, как не было и признаков перестройки сада, о которой говорил куратор. Лишь след колес тележки петлял по песку среди валунов.

— Немного же от него осталось, — сказала Агия. — Давай я отведу тебя в Сад Наслаждений!

— Послушай, отчего мне кажется, что я не могу выйти отсюда? Ведь дверь открыта! — Агия покосилась на меня.

— Такое чувство рано или поздно возникает у каждого, только обычно не так скоро. Нам лучше выйти.

Она говорила что-то еще, но я не слышал ее. Мне чудилось, будто откуда-то издалека до ушей моих доносится шум волн, бьющихся о край света.

— Подожди… — сказал я.

Но Агия едва ли не силой выволокла меня в коридор, где с наших ног осыпалась добрая пригоршня песку.

— У нас вправду не так уж много времени, — сказала она. — Давай я покажу тебе Сад Наслаждений, а потом сорвем аверн и пойдем.

— Но сейчас разве что середина утра!

— Нет. Уже за полдень. На Песчаный Сад мы потратили больше стражи.

— Вот тут ты наверняка врешь!

На миг лицо Агии вспыхнуло, но гнев тут же сменился елеем философской иронии, источаемым, точно секреция, ее уязвленным самолюбием. Я был гораздо сильнее и, несмотря на всю свою бедность, богаче; и теперь она говорила себе (казалось, я даже слышал шепот ее внутреннего голоса), что, проглатывая подобные оскорбления приобретает власть надо мной.

— Северьян, ты все время спорил со мной — в конце концов пришлось вытаскивать тебя оттуда. Сады всегда действуют на людей именно так, особенно на тех, кто больше подвержен внушению. Говорят, Автарх хотел, чтобы в каждом саду, дабы подчеркнуть реальность пейзажа, всегда да кто-нибудь был, и потому его архимаг, Отец Инир, наложил на них заклятия. Но, если тебя так привлек этот, другие сады вряд ли подействуют столь же сильно.

— Мне казалось, что мое место — там, — ска-

зал я.

Что я встречу женщину… и что она вправду была там, хотя мы и не видели ее.

Мы подошли к еще одной двери. На этой значилось:

САД ДЖУНГЛЕЙ.

Агия молчала, и я сказал:

— Значит, другие сады не должны действовать так же сильно? Тогда давай зайдем сюда.

— Так мы никогда не доберемся до Сада Наслаждений!

Ее настойчивость порождала во мне страх перед тем, что я могу обнаружить в избранном ею саду или же принести туда с собою.

— Всего лишь на миг.

Тяжелая дверь Сада Джунглей распахнулась, и сад дохнул на нас густо насыщенным испарениями воздухом. Внутри было сумрачно и зелено. Вход заслоняли лианы, а в нескольких шагах от порога лежал поперек тропинки насквозь прогнивший ствол огромного дерева. На коре его каким-то чудом еще держалась маленькая табличка:

«Caesalpinia sappan».

— Настоящие джунгли на севере умирают по мере того, как остывает солнце, — сказала

Агия. — Один мой знакомый говорил, что они умирают так уже многие века. А здесь джунгли сохраняются в том виде, какими они были в древности, когда солнце было еще молодым. Ну, идем — ты хотел взглянуть на них.

Я шагнул через порог. Дверь, захлопнувшись за нами, исчезла.

Глава 20
Зеркала Отца Инира

Я никогда в жизни не видел настоящих джунглей, которые, как сказала Агия, медленно умирали далеко на севере, однако эти, в саду, сразу же показались мне знакомыми. Даже сейчас, сидя за своим письменным столом в Обители Абсолюта, я будто бы слышу доносящие издалека крики того попугая с фуксиновой грудью и ярко-голубой спинкой, что при появлении нашем перелетел с ветки на ветку и неодобрительно покосился на нас окаймленным белыми перышками глазом. Но это, без сомнения, лишь оттого, что мысли мои обратились в прошлое, перенеся меня в тот зачарованный сад. За криком попугая последовал новый звук — точно новый глас из какого-то красного мира, еще не завоеванного мыслью. Я коснулся руки Агии.

— Что это?

— Смилодон. Но он далеко и всего-навсего пугает газелей, чтобы они бросились наутек и попали к нему в зубы. А от тебя с твоим мечом сам удерет быстрее, чем ты мог бы удрать от него.

Платье ее зацепилось за ветку и треснуло, выставив напоказ одну из грудей. Агия заметно помрачнела.

— Куда ведет эта тропинка? И как эта кошка может быть далеко от нас, когда все это — лишь зал в здании, которое мы видели с Адамнианской Лестницы?

— Я никогда не заходила в этот сад слишком глубоко. Это ведь тебе захотелось посмотреть его. — Я взял ее за плечо.

— Отвечай на вопрос.

— Если эта тропинка — такая же, как и другие — то есть, как в прочих садах, то она описывает круг и в конце концов приведет нас обратно к выходу. Так что бояться нечего.

— Дверь исчезла, когда я закрыл ее.

— Трюк. Разве ты никогда не видел картин, на которых святые погружены в собственные мысли, когда ты с одной стороны, и таращатся на тебя, если встать с другой? Стоит нам описать круг и вернуться к двери, мы увидим ее.

На тропинку выползла змея. Она подняла головку, взглянула на нас сердоликовыми глазами-бусинами и скользнула в траву. Агия ахнула.

— Ну, кто из нас боится? Разве змея не удрала от тебя быстрее, чем ты могла бы удрать от нее?

А теперь отвечай на вопрос о смилодоне. Он в самом деле далеко? И, если да, как это может быть?

— Не знаю. По-твоему, здесь на все вопросы существует ответ? Ты сам мог бы ответить на любой вопрос о том месте, откуда пришел?

Я вспомнил громаду Цитадели и обычаи нашей гильдии, зародившиеся тысячи лет тому назад.

— Нет. Там, откуда я пришел, многие обязанности и обычаи совершенно непонятны, хотя в наш век, век упадка, они совсем вышли из употребления. Есть там башни, куда никто никогда не ходит, есть забытые залы и коридоры, в которые никто не знает входа…

— Так отчего же ты не можешь понять, что здесь — точно так же? Мог ли ты разглядеть все здание целиком с верхней площадки Адамнианской Лестницы?

— Нет, — согласился я. — Что-то заслоняли пилоны и шпили, да еще угол набережной…

— Но мог ли ты хотя бы оценить его величину? — Я пожал плечами.

— Стекло… Границ силуэта здания было почти не различить.

— Тогда зачем задавать такие вопросы? А если уж задаешь, неужели не понимаешь, что я вовсе не обязательно знаю ответ? Рев смилодона

звучал так, точно зверь очень далеко. Возможно, его вообще нет здесь. А может быть, расстояние измеряется не пространством, но временем.

— Глядя на Сады с лестницы, я видел многогранный купол. А теперь, если поглядеть вверх, в просветах меж листьев и лиан видно лишь небо.

— Грани купола очень велики. И края их вполне могут быть укрыты за этими самыми лианами и листьями.

Мы миновали крохотный ручеек, в русле которого нежилась какая-то рептилия с угрожающего вида клыками и шипастой спиной. Опасаясь, как бы она не кинулась к нашим ногам, я вынул из ножен «Терминус Эст».

— Хорошо, — сказал я. — Деревья здесь в самом деле растут густо и заслоняют обзор. Но взгляни на прогалину, по которой течет этот ручей. Вверх по течению, куда хватает взгляда, нет ничего, кроме джунглей. А с другой стороны, вдалеке, поблескивает вода, точно ручей впадает в озеро.

— Я ведь предупреждала, что залы — чем дальше от входа, тем обширнее, и это может сбить с толку. Еще говорят, что стены здесь — из зеркального стекла, и зеркала, отражаясь друг в друге, создают впечатление бескрайних просторов.

— Когда-то я знавал женщину, встречавшуюся

с Отцом Иниром, и она рассказывала историю о нем. Хочешь послушать?

— Ну, расскажи, если есть желание.

Я и в самом деле хотел послушать эту историю еще раз, и потому рассказал ее самому себе, прислушиваясь к ней каким-то укромным уголком сознания и слыша все столь же отчетливо, как и в первый раз, когда руки Теклы, холодные и белые, словно лилии, сорванные с могил в проливной дождь, покоились в моих ладонях.

«Мне, Северьян, было тогда тринадцать лет, и была у меня подруга по имени Домнина — очень милая девочка, выглядевшая лет на пять младше своего возраста. Возможно, поэтому она и стала жертвой его каприза.

Конечно же, ты ничего не знаешь об Обители Абсолюта. Так вот, в одном из залов ее, называемом Залом Смысла, имеются два зеркала, каждое — три-четыре эля в ширину, а высотою — от пола до потолка. Меж ними нет ничего, кроме нескольких дюжин шагов мраморного пола. Другими словами, всякий, идущий по Залу Смысла, видит в них бесчисленное множество собственных отражений. Каждое из зеркал отражает то, что отражается в другом.

Естественно, место это весьма привлекательно

для маленьких, нарядно одетых девочек. Однажды вечером мы с Домниной играли там, вертясь перед зеркалами так и сяк, любуясь своими новыми платьями. У нас были два канделябра; каждый — по левую сторону от одного из зеркал.

Мы были так заняты игрой, что не заметили Отца Инира, пока он не подошел совсем близко. Ты, наверное, понимаешь: в другое время мы, едва завидев его, убежали и спрятались бы, хотя он был вряд ли выше нас ростом.

На нем были переливчатые ризы, казалось, выкрашенные туманом.

— Берегитесь, дети, — сказал он, — ибо любоваться собою таким образом весьма опасно. На свете есть бес, что живет в стекле зеркал и проникает в глаза всякого, засмотревшегося на свое отражение.

Я поняла, что он имеет в виду, и покраснела. Но Домнина сказала:

— Пожалуй, я видела его. Он — словно такая блестящая слеза, верно?

Отец Инир ни на мгновение не замешкался с ответом и даже глазом не моргнул, хотя я видела, что он изумлен.

— Нет, моя сладкая, — сказал он, — вовсе нет. Это — некто другой. Видишь ли ты его? Нет? Тогда

зайди завтра, сразу после вечерни, в мою приемную, и я покажу его тебе.

Он ушел. Мы очень испугались. Домнина раз сто поклялась, что никуда не пойдет завтра. Я одобряла ее решение и старалась всячески укрепить ее в нем. Более того — мы устроили так, чтобы в эту ночь и весь следующий день не разлучаться.

Но все было тщетно. Незадолго до назначенного времени за бедной Домниной явился служитель в ливрее, каких мы до того ни разу не видели.

Несколькими днями ранее я получила в подарок набор бумажных куколок — субреток, коломбин, корифеев, арлекинов, фигурантов — словом, обычный комплект. Помню, как я весь вечер сидела у окна, ждала Домнину и играла с этими маленькими человечками, раскрашивая их костюмы восковыми карандашами, выстраивая из них сцены и придумывая игры, в которые мы будем играть, когда она вернется.

Наконец нянька позвала меня к ужину. Я уже была уверена, что Отец Инир убил Домнину или же отослал к матери, запретив впредь возвращаться в Обитель Абсолюта. Но, едва я съела суп, раздался стук. Я услышала, как служанка моей матери пошла к дверям, а после в комнаты вбе-

жала Домнина. Никогда не забуду ее лица — оно было белее, чем лица моих бумажных кукол. Она плакала, но моя нянька смогла успокоить ее, и тогда она рассказала нам все.

Присланный за нею служитель провел ее залами, о существовании которых она прежде и не подозревала. Ты понимаешь, Северьян, как пугают такие вещи сами по себе. Мы-то считали, что прекрасно знаем наше крыло Обители Абсолюта! В конце концов она оказалась в приемной; это была большая комната с плотными темно-красными шторами на окнах и совсем без мебели — там были лишь вазы выше человеческого роста и шире, чем ее руки, разведенные в стороны.

В центре этой комнаты было нечто, сперва показавшееся ей еще одной — меньшей — комнатой, восьмиугольные стены которой были украшены орнаментом из «лабиринтов». Над этой маленькой комнаткой, едва различимой с порога, горел светильник, по яркости превосходивший все прежние виденные Домниной. Бело-голубой свет его был столь ослепителен, что на него невозможно было смотреть.

Дверь затворилась за ней, и она услышала лязг щеколды. Другого выхода из приемной не было. Она бросилась к шторам, надеясь отыскать за

ними еще одну дверь, но, стоило ей отодвинуть одну, украшенная «лабиринтами» стена восьмиугольной комнатки раскрылась, и в приемную вошел Отец Инир. За спиной его, как рассказала Домнина, была бездонная дыра, наполненная светом.

— Вот и ты, дитя мое, — сказал он. — Как раз вовремя. Сейчас мы с тобой поймаем рыбку. Понаблюдай за тем, как я забрасываю крючок, и узнаешь, что нужно сделать, чтобы золотые чешуйки этого существа застряли в нашей земной сети.

С этими словами он взял ее за руку и ввел в восьмиугольную комнатку».

Здесь я был вынужден прервать повествование и помочь Агии перебраться через клубок лиан, загородивший тропинку.

— Ты разговариваешь сам с собою, — сказала она. — Я слышу твое бормотанье позади.

— Я рассказываю самому себе предназначенную для тебя историю. Тебе, похоже, не очень хотелось ее слушать, а вот мне было интересно послушать ее еще раз. Кроме того, она — о зеркалах Отца Инира и может заключать в себе какие-нибудь полезные для нас подсказки.

«Домнина подалась назад. В центре комнатки,

прямо под ярким светильником, шевелилось нечто наподобие сгустка желтого света. Сгусток этот, рассказывала она, очень быстро скакал вверх-вниз и из стороны в сторону, но все время оставался внутри пространства в четыре пяди высотой и четыре — длиной. Он и в самом деле очень напоминал рыбку, резвящуюся в воздухе, наполняющем невидимую чашу — куда было до него жалким бликам в зеркалах Зала Смысла! Отец Инир задвинул за собою украшенную „лабиринтами“ стену — она оказалась зеркалом, отразившим его лицо, руку и сверкающие переливчатые ризы. Отражалась в зеркале и сама Домнина, и „рыбка“ в невидимой чаше… но там, за стеклом, казалось, была еще одна Домнина, словно бы выглядывавшая из-за ее плеча, а за ней — еще и еще, ad infinUum; каждая — чуть меньше предыдущей.

Увидев все это, она поняла, что напротив стены, сквозь которую они вошли внутрь, стоит еще одно зеркало. Все восемь стен изнутри были зеркальными, и свет бело-голубого светильника, пойманный в ловушку, солнечным зайчиком скакал от одного к другому, образуя в центре комнатки ту самую пляшущую „рыбку“.

— Вот и он, — сказал Отец Инир. — Древние,

знавшие этот процесс по крайней мере не хуже нашего, а вероятнее всего — гораздо лучше, считали „рыбку“ самым распространенным и наименее важным из обитателей зеркала. Их заблуждения относительно того, что вызываемые существа на самом деле обитают в глубинах стекла, не стоят нашего внимания. Но со временем они задались куда более серьезным вопросом: какими способами может быть осуществлено перемещение, если точка отправления отделена от точки назначения расстоянием астрономического порядка?

— Можно его потрогать?

— На этой стадии — да, дитя мое. Позже — не советую. Поместив палец в середину пляшущего сгустка света, Домнина почувствовала ускользающее тепло.

— Так же прибывают к нам и какогены?

— Скажи, твоя мать когда-нибудь катала тебя на флайере?

— Конечно.

— Игрушечные флайеры, которые дети постарше ради забавы запускают с наступлением сумерек, с бумажным фюзеляжем и фонариками из пергамента, ты тоже, несомненно, видела не однажды. То, что ты наблюдаешь сейчас, отлича-

ется от настоящих межсолнечных путешествий примерно так же, как игрушечный флайер от настоящего. Однако таким образом вполне можно вызвать „рыбку“ и даже, быть может, кого-нибудь еще. И подобно тому, как игрушечный флайер порою может послужить причиной пожара, в котором погибнет целый дворец, наши зеркала, как ни слаба здесь концентрация, тоже небезопасны.

— А я думала, чтобы полететь к звездам, нужно сесть на зеркало.

Впервые Отец Инир улыбнулся. Хотя Домнина и понимала, что улыбка его означает не более чем удивление и удовольствие (каких, вероятно, не смогла бы доставить Отцу Иниру взрослая женщина), ее это вовсе не радовало.

— Нет, нет. Позволь мне изложить поставленную задачу. Когда предмет движется очень и очень быстро — с той же скоростью, с какой ты видишь знакомую обстановку в комнате, стоит лишь няньке зажечь свечу — он становится многократно тяжелее. Не больше, понимаешь ли, но — тяжелее. Таким образом, его сильнее притягивает к Урсу или любому другому миру. Если придать этому предмету достаточную скорость, он может и сам сделаться миром, притягивая к себе другие предметы. Конечно, придать пред-

мету такую скорость невозможно, но, если бы кто-нибудь все же добился этого, случилось бы именно так. Но даже свет свечи не развивает скорости, какая требуется для межсолнечных путешествий.

„Рыбка“ все это время скакала в центре комнатки.

— А если сделать совсем большую свечу?

Домнина наверняка вспомнила о пасхальных свечах, какие мы видели каждую весну — толще бедра взрослого мужчины.

— Увы! Сколь бы ни была велика свеча, свет ее не станет от этого двигаться быстрее. К тому же свет, хоть и кажется невесомым, все же оказывает давление на то место, куда падает, — как ветер, хоть его и не видно глазом, давит на крылья ветряной мельницы. Теперь ты понимаешь, что получается, когда мы помещаем источник света лицом к лицу с зеркалами? Изображение, отражаемое ими, перемещается от одного к другому и обратно. Что, по-твоему, произойдет, если посредине оно встретится с самим собой?

Несмотря на весь свой страх, Домнина рассмеялась и сказала, что не может догадаться.

— Проще простого — оно уравновесит само себя. Представь себе двух девочек, бегущих по

лужайке, не глядя, куда они направляются. Столкнувшись, они остановятся. А вот отражения, если зеркала сделаны как следует, и расстояние между ними выверено точно, не встретятся, но разминутся. При этом света свечи или обычной звезды для достижения эффекта недостаточно, ибо это — всего лишь белый свет; беспорядочный, точно волны, расходящиеся от пригоршни камешков, брошенной маленькой девочкой в пруд с лилиями; иначе свет сей склонен был бы двигать свой источник вперед. Однако, если свет исходит из когерентного источника и отражен оптически идентичными зеркалами, ориентация волновых фронтов одинакова — поскольку все зеркала отражают одно и то же. В нашей вселенной ничто не может превысить скорость света, и потому этот свет, получив дополнительное ускорение, покидает ее и перемещается в другую, а там, замедляясь, возвращается обратно. Естественно, не в исходную точку.

Домнина снова взглянула на „рыбку“.

— Так это — всего лишь отражение?

— Постепенно оно станет реальным существом — если мы не погасим светильник или не сместим зеркала. Отражение без отражающегося объекта не может существовать в нашем мире, и

посему здесь перед нами просто появится новый объект».

— Гляди! — сказала Агия.

Тень тропических деревьев была столь густа, что пятна солнечного света на тропинке сверкали, словно расплавленное золото. Сощурившись, я попытался рассмотреть, что скрывалось за ослепительной завесой солнечных лучей впереди.

— Там дом, стоящий на сваях из желтого дерева, крытый пальмовыми листьями. Видишь?

Приглядевшись, я в самом деле увидел эту хижину — словно зеленые, желтые и черные пятна в одно мгновение срослись воедино, вылепив ее. Огромный мазок тени стал дверью, две косые черты — треугольной крышей. На крохотной веранде стоял, глядя в нашу сторону, человек в яркой, пестрой одежде. Я поспешил одернуть накидку.

— Не стоило, — сказала Агия. — Здесь это не имеет значения. Если жарко, можешь снять ее вовсе.

Я снял накидку и перекинул ее через левую руку. Стоявший на веранде в ужасе отвернулся и поспешил в хижину.

Глава 21
Хижина в джунглях

На веранду вела лесенка, сделанная из того же коленчатого дерева, что и стены хижины. Перекладины ее были привязаны к стойкам каким-то растительным волокном.

— Ты собираешься подняться туда? — неодобрительно спросила Агия.

— Почему бы нет? Смотреть — так смотреть, — отвечал я. — И, учитывая состояние твоего исподнего, тебе, надо полагать, лучше подняться первой.

Щеки Агии вспыхнули, что немало удивило меня.

— Что в нем особенного? Дом как дом; в старые времена в жарких землях таких было множество. Тебе очень скоро наскучит, поверь.

— Ну, тогда спустимся обратно и почти не потеряем времени.

Я ступил на лесенку. Вся конструкция прогнулась и угрожающе заскрипела, но я понимал, что в подобных местах, предназначенных для увеселения публики, настоящих опасностей никак не

может быть. Агия последовала за мной.

Изнутри хижина оказалась не больше наших подземных камер, но на этом сходство и кончалось. В темницах все было массивным и прочным, любой еле различимый звук гулким эхом отражался от металлических стен; пол, гремевший под сапогами, не прогибался под тобою ни на волос, а потолок, казалось, просто не способен был обвалиться, однако, обвалившись однажды, сокрушил бы все.

Да, если, как говорят, у каждого из нас действительно где-нибудь имеется брат-близнец, только полностью противоположный, темный, если ты светел, и светлый, если ты темен, то эта хижина наверняка была таким антидвойником наших темниц. Во всех стенах, кроме фасада с распахнутой дверью, были проделаны окна, и на них не было ни решеток, ни ставней — вообще ничего подобного. Стены, пол и оконные рамы собраны были из тонких стволов желтого дерева, не распиленных на доски, и местами сквозь них лился солнечный свет снаружи, а оброненный на пол орихальк скорее всего провалился бы в одну из щелей и упал на землю. Потолка не было вовсе — лишь треугольное пространство под крышей, где были развешаны кастрюли и мешки с едой.

В углу сидела, читая вслух, женщина, у ног которой примостился совершенно нагой мужчина. Другой мужчина, которого мы видели на веранде, стоял у окна напротив двери и смотрел наружу. Он, видимо, знал о нашем появлении (если даже не видел, как мы приближались, то, несомненно, почувствовал, как содрогалась хижина, когда мы поднимались по лесенке), но изо всех сил старался не показывать этого. Когда мужчины поступают так, это легко определить по тому, как напряжена их спина.

— «И взошел он с равнин, — читала женщина, — на гору Нево, что против города того, и показал ему Господь все земли даже до самого западного моря. И сказал ему Господь: вот земля, о которой я клялся отцам твоим, говоря: „семени твоему дам ее“. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там он, и был погребен на долине…» Обнаженный у ног ее согласно кивнул.

— Вот так же и с нашими повелителями, Наставница. Дары свои спускают они с небес на кончике мизинца, но привязаны они и к большому пальцу. Стоит человеку принять их дар, выкопать ямку в полу хижины, спрятать его туда и покрыть циновкой, большой палец начинает

тянуть. Дар поднимается из земли и скрывается в небе — только его и видели!

— Да нет же, Исангома… — нетерпеливо перебила его женщина, но другой мужчина, не отводя взгляда от окна, сказал:

— Подожди, Мари; растолкуешь после. Я хочу послушать, что он скажет.

— Вот у моего племянника, — продолжал обнаженный, — что принадлежит к собственному моему очагу, кончилась однажды рыба. Взял он тогда свою острогу, пошел к заводи, склонился над водой и замер так, точно превратился в дерево. — С этими словами обнаженный вскочил и занес руку над головой, словно собираясь пронзить стопу женщины невидимым копьем. — Долго-долго стоял он так; даже обезьяны перестали бояться его и вернулись к воде и принялись швырять в реку палки, эсперорн вылетел из гнезда неподалеку, и большая рыба выплыла из берлоги своей меж затонувших бревен. Мой племянник следил за тем, как она кружит у самого дна. И вот приблизилась рыба к поверхности. Только собрался он пронзить ее своим трезубцем — исчезла рыба из виду, а на месте ее появилась прекрасная женщина. Племянник подумал, что это рыбий царь, изменивший облик, чтобы его не пронзили

острогой, но тут же снова увидел сквозь лицо женщины свою рыбу и понял, что женщина лишь отражается в воде. Он тут же взглянул вверх, но не увидел там ничего, кроме лиан и виноградных лоз. Женщина исчезла! — Обнаженный поднял взгляд вверх и с удивительным мастерством изобразил безмерное удивление рыбака. — Вечером пошел мой племянник к Гордому Богу и перерезал горло молодому ореодонту, говоря…

— Во имя Теоантропоса, долго мы еще здесь проторчим? — шепнула мне Агия. — Это может тянуться весь день!

— Сейчас, — шепнул я в ответ, — только осмотрю хижину как следует, и пойдем дальше.

— Могуществен наш Гордый Бог, да святятся имена его! Все, что найдешь под листвой, принадлежит ему, бури и ураганы приносят руки его, и яд не имеет власти убивать, если не прозвучит над ним проклятие Гордого!

— Не думаю, что нам интересны все эти хвалы в адрес твоего фетиша, Исангома, — сказала женщина. — Муж мой желает слышать твой рассказ — что ж, хорошо. Рассказывай, но избавь нас от своих ритуалов.

— Гордый защитит того, кто возносит ему моления! Разве не устыдится он, если умрет по-

клоняющийся ему?

— Исангома!

— Он напуган, Мари, — сказал человек у окна. — Разве ты не слышишь?

— Несть страха для тех, кто носит знак Гордого! Дыханье его — туман, укрывающий детенышей уакари от когтей дикой кошки!

— Робер, если уж ты не можешь ничего с этим поделать, не мешай мне! Замолчи, Исангома. Или уходи и больше никогда не возвращайся.

— Гордому ведомо, как любит Исангома Наставницу! Он спасет и ее, если сможет!

— От чего? Ты думаешь, поблизости бродит один из ваших ужасных зверей? Если так, Робер застрелит его из ружья.

— Токолош, Наставница! Токолош пришел! Но Гордый защитит нас! Он могуч! Он — повелевает токолошами! От рева его все они прячутся в опавшей листве!

— Робер, по-моему, он не в своем уме.

— Нет, Мари. Он видит то, чего не видишь ты.

— Что это значит? И почему ты так долго смотришь в окно?

Человек, стоявший у окна, медленно повернулся лицом к нам. Какое-то мгновение он смотрел на нас с Агией, затем отвел взгляд. Выражение

на его лице было точно таким же, как у наших пациентов, когда мастер Гурло показывал им инструменты, при помощи коих собирался подвергнуть их пытке.

— Робер! Ради бога, объясни, что с тобой?

— Исангома прав — пришел токолош. Только не за ним, а за нами. Смерть и Дева… Ты слышала о них, Мари?

Женщина покачала головой, встала и откинула крышку небольшого сундучка.

— Ну да, конечно. Есть такая картина. Вернее, популярный сюжет, которым пользовались многие живописцы. Знаешь, Исангома, вряд ли твой Гордый Бог наделен особой властью над этими токолошами. Они явились прямо из Парижа, где я когда-то учился, дабы наказать меня за то, что я променял святое искусство вот на это…

— У тебя лихорадка, Робер. Это очевидно. Сейчас напоим тебя чем-нибудь, тебе скоро станет легче…

Человек по имени Робер снова взглянул на нас — так, словно не хотел делать этого, но не мог совладать с собою.

— Мари, если я и болен, болезнь овеществляет мой бред. Не забывай, Исангома ведь тоже видит их. Разве ты не чувствовала, как пошатнулась

хижина, когда ты читала ему вслух? Я думаю, это они поднимались на веранду.

— Я только что наливала в стакан воду, чтобы ты выпил хинин, и никаких колебаний не заметила.

— Кто они такие, Исангома? Ну да, токолоши, но — кто такие токолоши?

— Злые духи, Наставник. Когда мужчине приходит в голову дурная мысль, или женщина творит недоброе, на свет появляется еще один токолош. Он всегда стоит позади. Человек думает: «Никто ничего не узнает, все умерли», — но токолош живет, пока не умрет весь мир. Каждый, видя его, узнает, что натворил этот человек.

— Какой ужас, — сказала женщина.

Руки ее мужа крепко сжали жердочки подоконника.

— Разве ты не поняла, что они — лишь результат наших поступков? Они — духи будущего, которых творим мы сами.

— Они — просто-напросто языческая белиберда! Прислушайся, Робер. У тебя такое острое зрение — неужели ты не можешь прислушаться хоть на миг?

— Я слушаю. Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я только хочу, чтобы ты прислушал-

ся. Что ты слышишь?

В хижине стало тихо. Я тоже напряг слух. Снаружи верещали обезьяны, как прежде, кричал попугай, но вскоре, пробившись сквозь голоса джунглей, до меня донесся слабый гул, словно где-то высоко над нами кружило насекомое размерами с целую лодку.

— Что это? — спросил мужчина.

— Почтовый аэроплан! Если повезет, ты вскоре увидишь его.

Мужчина высунулся в окно и поднял голову к небу. Мне стало любопытно, на что он смотрит, и я, подойдя к другому окну, слева от него, тоже выглянул наружу. Из-за густых ветвей ничего невозможно было разглядеть, однако взгляд мужчины был устремлен прямо вверх, и я, взглянув туда, обнаружил клочок чистого неба.

Гул сделался громче, и вскоре в высоте показался самый странный флайер, какой мне когда-либо доводилось видеть. У него были серебристые неподвижные крылья, как будто народ, построивший его, еще не осознал, что, если крылья не машут, подобно птичьим, а корпус, в отличие от корпуса воздушного змея, округл, машина не сможет подняться в воздух. На обоих крыльях и на носу этого флайера имелись округлые вы-

пуклости, словно бы несшие впереди себя круги мерцающего света.

— Робер, дня за три мы можем добраться до летного поля! Когда он прилетит в следующий раз…

— Если Господь послал нас сюда…

— Верно, Наставник! Мы должны повиноваться воле Гордого! Кто в целом свете может сравниться с ним? Наставница, позволь мне танцевать для Гордого и спеть его песнь. Быть может, тогда токолоши уйдут.

Обнаженный человек выхватил у женщины книгу и принялся стучать по переплету ладонью — ритмично, словно играя на тамбурине. Пятки его зашаркали по неровному полу, и он запел, причем его голос сделался тонок, точно голос ребенка:

— В тишине, во тьме ночной, Слышишь, он ревет в вершинах! Видишь, пляшет он в огне! Он живет в смертельном яде наконечника стрелы, меньше искры из костра! Ярче падающих звезд! Волосатые в лесу рыщут…

— Северьян, я пошла! — С этими словами Агия шагнула через порог на веранду. — Если хочешь, оставайся и смотри дальше. Но тогда тебе придется самому выбирать себе аверн и искать дорогу на Кровавое Поле. И знаешь, что случится, если

ты не явишься туда?

— Ты говорила, что вызвавший меня наймет убийц.

— А убийцы подбросят тебе желтобородую змею. То есть начнут-то не с тебя, а с кого-нибудь из твоих родных или друзей. К которым, раз уж я прошла с тобой весь наш квартал, вероятно, отнесут и меня.

Он приходит к нам с закатом, Видишь, след на водной глади, будто огнь на водной глади!

Песнь продолжалась, однако певец понял, что мы уходим — в голосе его зазвучали победные нотки. Дождавшись, когда Агия спустится на тропинку, я последовал за ней.

— Я уж думала, ты намерен проторчать там всю жизнь, — сказала она. — Тебе здесь в самом деле настолько понравилось?

На фоне неестественно зеленых листьев ее платье, отливавшее металлом, казалось не менее рассерженным, чем сама Агия.

— Нет, — ответил я. — Но было очень интересно. Ты видела их флайер?

— Это когда вы с тем типом высунулись в окна? Ну, я-то не настолько глупа!

— Я никогда не видел ничего подобного. Там, вверху, была стеклянная крыша, однако я тоже

увидел флайер, которого ждал он! По крайней мере, это было очень похоже на флайер — только чужой, из какого-то чужого мира. Совсем недавно я хотел рассказать тебе историю о подруге одной моей подруги, видевшей зеркала Отца Инира. Она оказалась в ином мире и, даже вернувшись к Текле — так звали мою подругу, — была не совсем уверена, что в самом деле попала обратно домой… Интересно; может быть, и мы — до сих пор в том мире, откуда эти люди попали в наш?

Агия уже шла дальше по тропинке. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь густые заросли, казалось, окрасили ее черные волосы в темно-золотой цвет. Оглянувшись, она сказала:

— Я ведь предупреждала, что разных посетителей влекут к себе разные сады.

Я ускорил шаг, нагоняя ее.

— С течением времени они все сильнее и сильнее влияют на сознание. Возможно, повлияли и на нас. И ты, скорее всего, видел самый обыкновенный флайер.

— Но этот человек видел нас. И дикарь — тоже.

— Судя по тому, что мне рассказывали, чем сильнее влияние сада на сознание, тем больше остаточных ощущений. Когда я встречаю в этих садах чудовищ, дикарей и так далее, они, кажется,

обращают на меня куда больше внимания, чем обычные посетители.

— Объясни поведение этого человека, — сказал я.

— Северьян, ну не я же строила эти сады! Могу только сказать, что эта хижина вполне может исчезнуть вовсе, стоит лишь нам уйти. Знаешь, лучше пообещай мне, что мы, выбравшись отсюда, пойдем прямо в Сад Непробудного Сна. Больше у нас ни на что не осталось времени — даже на Сад Наслаждений. Тебе, похоже, вообще не стоит гулять по этим садам.

— Потому, что мне хотелось остаться в Песчаном Саду?

— И поэтому — тоже. Похоже, здесь, рано или поздно, я наживу с тобой неприятности.

Стоило ей произнести эти слова, тропинка в очередной раз свернула, и путь нам преградил толстый ствол дерева с маленькой прямоугольной табличкой. Под густой листвой слева от меня показалась стена из зеленого стекла, явно служившая опорой растениям. Прежде чем я успел переложить «Терминус Эст» из руки в руку и открыть перед Агией дверь, она уже шагнула через порог.

Глава 22
Доркас

Впервые услышав о цветах аверна, я представил их себе растущими рядами на особых стеллажах, как в оранжереях Цитадели. Позже, когда Агия рассказала мне о Ботанических Садах побольше, я решил, что место, где они растут, очень похоже на наш некрополь, в котором я играл мальчишкой, — деревья, покосившиеся надгробные плиты, дорожки, усыпанные осколками костей…

На деле все оказалось иначе — войдя, я увидел темное, мрачное озеро среди бескрайней сырой низины. Ноги наши вязли в топкой земле; холодному ветру, свистевшему в ушах, казалось, ничто не преградит путь до самого берега моря. По обеим сторонам дорожки густо рос тростник; раз или два над нашими головами проносились какие-то водяные птицы, черные на фоне пасмурного неба.

Я рассказывал Агии о Текле, но вскоре она перебила меня, тронув за плечо:

— Отсюда их уже видно, хотя, чтобы сорвать,

придется обойти озеро. Вон там, видишь, белая полоса?

— Отсюда они выглядят вполне безобидно.

— Однако ж погубили целую уйму народу, можешь мне поверить. Некоторые захоронены прямо в этом саду.

Выходило, что этот сад все же имел нечто общее с нашим некрополем… Я спросил, где же мавзолеи.

— Никаких мавзолеев. Ни гробов, ни погребальных урн, ничего подобного! Взгляни под ноги.

Я опустил взгляд. Под ногами плескалась вода — темно-коричневая, словно чай.

— Одно из свойств этой воды — не давать трупам разлагаться. Через горло в желудок покойника насыпают свинцовую дробь и погружают тело в воду, отметив на карте место, чтобы после можно было выудить обратно, если кто захочет взглянуть на него.

Я мог бы поклясться, что на целую лигу вокруг нет никого — по крайней мере, в пределах Сада Непробудного Сна, если только в стеклянных сегментах стен действительно нет никаких ходов наружу. Но, стоило Агии закончить фразу, из-за камыша в дюжине шагов от нас показались голова и плечи какого-то старика.

— Это неправда, — громко сказал он. — Да, так говорят, но все же это неправда.

Агия, до сих пор не обращавшая внимания на свое платье, разорванное спереди едва не до пояса, поспешила запахнуться.

— Вот не знала, что беседую с кем-то еще, кроме моего провожатого!

Старик словно не слышал отповеди — мысли его явно были слишком заняты подслушанной фразой.

— Вот у меня с собой карта — хотите взглянуть? Ты, молодой сьер, ты образован, это всякий сразу скажет. Взгляни.

В руках старик держал что-то наподобие посоха. Его верхушка несколько раз опустилась и поднялась, прежде чем я понял, что старик плывет к нам на лодке, отталкиваясь шестом.

— Этого еще не хватало, — буркнула Агия. — Идем-ка лучше своей дорогой.

Я спросил старика, не может ли он, ради экономии времени, переправить нас на тот берег. Он покачал головой.

— Слишком большой груз. Здесь и мы-то с Кае еле помещаемся. Великоваты вы для нашей лодочки…

Увидев нос его суденышка, я понял, что старик

говорит сущую правду — крохотный ялик, казалось, не мог бы поднять даже своего хозяина, согбенного и истощенного старостью (а выглядел старик даже старше мастера Палаэмона) настолько, что он вряд ли был тяжелее десятилетнего ребенка. Кроме него, в ялике никого не было.

— Прощенья просим, сьер, — сказал старик, — но ближе мне не подойти. Оно, может, там и сыро, но для меня — все одно слишком сухо, а то б вы не могли там стоять. Изволь подойти сюда, к краю, и я покажу тебе карту.

Мне было любопытно, чего он хочет от нас, и потому я выполнил его просьбу. Агия неохотно последовала за мной.

— Вот. — Старик вынул из-за пазухи небольшой свиток. — Здесь оно все прописано. Взгляни, молодой сьер.

На свитке значилось какое-то имя, затем шли пояснения — где жила покойная, чьею была женой, чего добился в жизни ее муж — честно говоря, я не вчитывался в это все, а только сделал вид. Ниже была вычерчена примитивная карта с двумя цифрами.

— Вот видишь, сьер, вроде бы все просто. Первая цифра — количество шагов от Фульстрема. Вторая — количество шагов вниз, в глубину.

Веришь ли, все-эти годы я ищу ее, но до сих пор не нашел!

Бросив взгляд на Агию, старик понемногу распрямил спину и расправил плечи.

— Я тебе верю, — сказал Агия. — И, если тебе это важно, сочувствую. Но — мы-то тут при чем?

Она повернулась, собираясь уходить, но меня старик удержал, дотянувшись шестом.

— Вот я и говорю: не верьте вы им! Да, кладут-то там, где обозначено, но покойнички не лежат на месте. Порой их даже в реке видят! Во-он там!

Я сказал, что такое вряд ли возможно. Старик бросил взгляд к горизонту.

— А как же вся эта вода? Откуда она берется, по-твоему? Течет под землей, по трубе, не то все это давно бы пересохло. И, если уж они на месте не лежат, почему бы кому-нибудь сквозь эту трубу не выплыть? Почему бы не выплыть сквозь нее и двадцати? О течении — и говорить нечего… Вот вы — вы ведь пришли за аверном, так? А знаешь, почему их посадили здесь?

Я покачал головой.

— Да из-за морских коров! Они водятся в реке и заплывают сюда через трубу. Каково это родственникам — если из воды такая морда вдруг высунется?! Вот Отец Инир и велел садовникам

посадить аверны. Я сам здесь был, своими глазами видел его. Маленький такой человечек; кривоногий, шея этак согнута… Теперь, если морская корова приплывет, цветочки ее прикончат не позже вечера. Однажды с утра пришел я на озеро искать Кае — я каждый день ищу ее, если только нет других дел — и вижу: стоят на берегу двое кураторов с гарпуном. Говорят: дохлая морская корова в озере. Я выплыл на ялике, подцепил ее кошкой, а это — человек. То ли дробь из него высыпалась, то ли с самого начала ее мало положили… Выглядел не хуже вас обоих — и куда как лучше меня.

— Хотя был давно мертв?

— Этого сказать не могу — вода их держит свеженькими. Говорят, вроде как дубит человечью кожу. Выходит — не то, чтобы как голенище, но — вроде женской перчатки.

Агия ушла далеко вперед, и я пошел за ней. Старик погнал лодку следом, параллельно топкой тропинке среди осоки.

— Я им сказал, что — вот, для них-то сразу поймал, а Кае уж сорок лет не могу найти… Я обычно вот чем пользуюсь. — Он показал мне железную кошку на длинной веревке. — Вылавливателей разных полно, а вот Кае так и не нашел. Начал

через год после ее смерти с того места, которое здесь обозначено. Ее там не было. Взялся я за дело всерьез, и через пять лет уже здорово забрал в сторону — так мне тогда казалось. Потом испугался — а вдруг ее здесь вовсе нет? И начал сначала. Так — десять лет. Все боюсь пропустить, и каждое утро первый заброс делаю в том месте, что обозначено на карте, потом плыву туда, «де остановился накануне, и обшариваю еще сколько-то… В обозначенном месте ее нет — я уже всех там знаю, некоторых раз по сто вытаскивал. А вот Кае моя гуляет где-то, не лежится ей на месте. Все думаю — может, вернется домой?

— Она была твоей женой?

Старик кивнул и, к удивлению моему, не сказал ничего.

— Зачем тебе вытаскивать из озера ее тело? Старик молчал. — Шест его работал совсем беззвучно; ялик оставлял за собою разве что мелкую рябь, лизавшую берег, точно язычок котенка.

— А ты уверен, что узнаешь ее, когда найдешь? Ведь столько лет прошло…

— Да… Да! — Старик снова кивнул — вначале медленно, затем решительно и быстро. — Думаешь, я ее уже вылавливал, смотрел в лицо и бросал обратно? Нет, не может быть. Как же мне

мою Кае не признать? Ты спросил, отчего я хочу ее выловить… Одна причина — память о том, как бурая вода смыкается над нею; глаза ее закрыты…Понимаешь?

— Нет. О чем ты?

— Они замазывают веки цементом. Вроде бы для того, чтобы глаза всегда оставались закрытыми. Но, стоит воде соприкоснуться с этим цементом, глаза открываются. Поди объясни… И это я вспоминаю всякий раз, когда ложусь спать: бурая вода смыкается над ее лицом, и глаза Кае открываются, синие-синие… Каждую ночь просыпаюсь раз пять-шесть. И я хочу, чтобы, прежде чем самому лечь здесь, была у меня в памяти еще одна картинка: как лицо ее поднимается к поверхности, пусть даже это я сам ее выловил… Понимаешь?

Я вспомнил Теклу, струйку крови, сочащуюся из-под двери ее камеры, и кивнул.

— И еще одно. Была у нас с нею крохотная лавчонка — большей частью клуазоне, безделушки из перегородчатой эмали. Ее отец с братом их делали, а нам устроили лавку посредине Сигнальной улицы, рядом с аукционным залом. Дом и до сих пор стоит на месте, только в нем никто не живет. Я ходил к тестю в мастерскую, приносил

домой ящики, открывал их и расставлял товар по полкам, а Кае назначала цену, торговала и наводила чистоту. И знаешь, сколько времени мы владели этой лавочкой?

Я покачал головой.

— Месяца с неделей не дотянули до четырех лет! Потом она умерла, Кае-то моя… Недолго все это продолжалось, однако ж это была самая большая часть моей жизни. Теперь у меня есть угол на чердаке, где поспать до утра. Один человек — я с ним познакомился давным-давно, хотя Кае к тому времени уже много лет, как умерла — пускает меня ночевать. И нет у меня ни одной эмалевой безделушки или тряпки или даже гвоздика из бывшей нашей лавочки. Хранил я одно время медальон и гребенку Кае, да все это пропало куда-то. Вот ты теперь скажи: как я могу знать, что все это был не сон, а?

Казалось, со стариком происходит то же самое, что и с теми людьми в хижине из желтого дерева, и я сказал:

— Не знаю. Быть может, все это и вправду только сон. Я думаю, ты слишком уж мучаешь себя.

Настроение старика резко переменилось — такое я раньше видел только среди малых детей. Он рассмеялся:

— Да, сьер, несмотря на твое облачение, спрятанное под накидкой, ты совсем не похож на палача! Мне в самом деле жаль, что не могу переправить тебя с твоей милкой на тот берег. Но там, дальше, должен быть еще один парень, его лодка побольше. Он частенько захаживает сюда и ведет со мной беседы — вот как ты. Скажи ему, что я просил перевезти вас.

Поблагодарив старика, я поспешил за Агией, которая к тому времени ушла совсем далеко. Она прихрамывала, и я вспомнил, сколько ей сегодня пришлось ходить с поврежденной ногой. Я хотел догнать ее и подать ей руку, но тут случилась одна из тех неурядиц, что в данный момент кажутся прямо-таки катастрофически унизительными, хотя впоследствии над ними разве что смеешься от души. С нее-то и начался один из самых странных инцидентов в моей, безусловно, странной карьере. Я пустился бегом и слишком круто свернул за поворот, оказавшись в опасной близости от внутреннего края тропинки.

Примятая осока упруго прогнулась под ногой, я поскользнулся и оказался в ледяной бурой воде. Мигом намокшая накидка потянула меня ко дну. На какое-то мгновение мной вновь овладел и по сию пору памятный ужас тонущего, однако я тут

же рванулся вверх и поднял голову над водой. Привычки, выработавшиеся во время летних купаний в Гьолле, вспомнились сами собою: выплюнув воду изо рта и прочистив нос, я сделал глубокий вдох и откинул назад намокший капюшон.

Однако успокаиваться было рано: падая, я выпустил из рук «Терминус Эст», и утрата меча показалась мне куда ужаснее возможной смерти. Я нырнул, не озаботившись даже скинуть сапоги, и принялся прокладывать себе путь ко дну меж густых волокнистых стеблей камыша. Эти-то стебли, многократно увеличивавшие угрозу гибели, и выручили мой «Терминус Эст» — если б не они, меч неизбежно достиг бы дна и оказался похоронен в иле, хотя в ножнах его и оставалась толика воздуха. В восьми или десяти кубитах от поверхности рука моя, отчаянно шарившая вокруг, нащупала благословенную, знакомую ониксовую рукоять.

Но в тот же миг другая рука моя коснулась предмета совершенно иного свойства. То была рука человека, тут же ухватившаяся за мое запястье, причем движение это совпало во времени с обнаружением меча столь точно, будто именно ее хозяин, подобно высокой женщине в алом, воз-

главлявшей Пелерин, вернул мне мой «Терминус Эст». Я ощутил прилив безумной благодарности, но сразу же вслед за этим страх мой усилился десятикратно: рука, вцепившаяся в меня мертвой хваткой, тянула вниз.

Глава 23
Хипьдегрин

Собрав, вне всяких сомнений, последние силы, я сумел выбросить «Терминус Эст» на примятую осоку плавучей тропинки и ухватиться за ее скользкий край прежде, чем снова погрузиться в воду.

Кто-то схватил меня за руку и потянул вверх. Я поднял взгляд, ожидая увидеть Агию, но это оказалась другая женщина — заметно младше, со светло-русыми волосами, развевавшимися на ветру. Я хотел было поблагодарить ее, но изо рта вместо слов вылилась вода. Она потянула сильнее, и с ее помощью я сумел вползти на тропинку, но тут силы мои иссякли окончательно.

Времени, которое я пролежал так, наверняка хватило бы, чтобы прочесть «Пресвятая Богородица…», — быть может, даже не один раз. Я чувствовал и усиливавшийся холод, и то, как осока прогибалась под моей тяжестью, пока я снова не оказался наполовину в воде. Изо рта и ноздрей моих текла вода; я глубоко и судорожно дышал, не в силах насытить воздухом легкие.

Кто-то (голос был мужским, громким и явно уже где-то слышанным прежде) сказал:

— Перевернем, а то еще захлебнется.

Меня приподняли за пояс, и несколькими мгновениями позже я смог встать, хотя ноги дрожали так, что я едва не упал снова.

Передо мной стояли Агия со светловолосой девушкой, которая помогла мне выбраться на тропинку, и рослый толстяк с красным мясистым лицом. Агия спросила, что произошло, и я, хоть пришел в себя разве что наполовину, не мог не заметить, как она бледна.

— Подожди с расспросами, — сказал толстяк, — дай ему опомниться. А ты кто такая и откуда взялась?

Последние слова были обращены к девушке, похоже, чувствовавшей себя не лучше, чем я. Она открыла было рот, но из-за бившего ее озноба ничего не смогла сказать и тут же опустила голову. Девушка, с головы до пят была вымазана в иле, и одежда ее выглядела не лучше ветоши из мусорного ящика.

— Откуда она взялась? — спросил толстяк у Агии.

— Не знаю. Я оглянулась посмотреть, где там Северьян застрял, и увидела, что она вытаскивает

его из воды. — Что ж, доброе дело. По крайней мере, для него. Как думаешь, она — сумасшедшая? Или просто поддалась здешним чарам?

— Как бы там ни было, она спасла меня, — вмешался я. — Ты не мог бы дать ей что-нибудь надеть? Она, должно быть, продрогла насквозь.

Я и сам уже пришел в себя настолько, чтобы чувствовать, что промерз до костей.

Толстяк покачал головой и вроде бы поплотнее запахнул свое тяжелое пальто.

— Нет — пока она не отмоется. А для этого ей надо слазать обратно в воду, да еще обсохнуть… Ладно, у меня есть кое-что еще — может, даже получше.

Он вынул из кармана пальто металлическую фляжку в форме собаки и подал ее мне. Кость в собачьей пасти оказалась пробкой. Я подал (фляжку русоволосой девушке, но та, казалось, даже не поняла, что с ней нужно делать. Агия, забрав у нее сосуд, приставила горлышко к ее губам, заставила девушку сделать несколько глотков и вернула фляжку мне. Содержимое оказалось сливовым бренди, огнем опалившим глотку и смывшим горечь болотной воды. К тому моменту, когда я вставил кость обратно псу в пасть, брюхо его опустело более чем наполовину.

— Ну вот, — сказал толстяк, — теперь вы, ребята, пожалуй, должны бы рассказать, кто вы такие и что здесь делаете — только не надо мне вкручивать, будто просто любовались пейзажем. Обычных зевак я насмотрелся достаточно, чтобы узнавать, едва они покажутся на горизонте. — Он взглянул на меня. — Хороший у тебя ножичек. Большой…

— Он — переодетый армигер, — сказала Агия. — Получил вызов и пришел за аверном.

— Он-то переодет, а вот ты разве не переодета? По-твоему, я не узнаю парчи для театральных костюмов? И босых ног разглядеть не в состоянии?

— А я про себя ничего не говорила. Ни об одежде своей, ни о сословии. А туфли я просто оставила снаружи, чтобы не испортились от сырости.

Толстяк кивнул — равнодушно, ничем не показав, верит ли он словам Агии.

— А теперь — ты, золотиночка. Вот дамочка в парче уже сказала, что не знает тебя. Но что-то я ей не шибко верю. Думается мне, она о тебе знает поболе моего. Как же тебя зовут?

— Доркас, — сглотнув, ответила девушка.

— Как ты сюда попала, Доркас? Как оказалась в воде? Ты ведь там явно побывала — не могла же так намокнуть, просто вытаскивая нашего

юного друга!

От действия бренди щеки девушки порозовели, но лицо по-прежнему оставалось изумленным и почти неподвижным.

— Не знаю, — прошептала она.

— Ты не помнишь, как пришла сюда? — спросила Агия. Доркас покачала головой.

— В таком случае, что последнее приходит тебе на память?

Воцарилась тишина. Ветер, казалось, сделался еще пронзительнее, и я, несмотря даже на выпивку, отчаянно мерз. Наконец Доркас пробормотала:

— Сидела у окна… Там, в окне, были очень милые вещицы — подносы, шкатулки, распятия…

— Милые вещицы? — заметил толстяк. — Так уж и милее тебя самой?

— Сумасшедшая, — сказала Агия. — Либо ушла от своих попечителей и заблудилась, либо попечителей у нее не было вовсе — что вероятнее, судя по состоянию одежды. Забрела сюда, а кураторы проморгали…

— А может, кто-то огрел ее по голове, ограбил и швырнул в озеро, посчитав мертвой. Здесь, госпожа Хлюп-Хлюп, уйма входов и выходов, о которых кураторы и не слыхали! А может, ее принесли

хоронить, а она на самом деле просто заснула. Впала в коматоз — или как там это называется… А в воде очнулась.

— Но тогда те, кто ее принес, увидели бы.

— Я слыхал, будто человек, впавший в коматоз, может пробыть под водой очень долго. Ну, как бы оно там ни было, сейчас уже неважно. Пусть сама выясняет, кто она такая и откуда взялась.

Тем временем я, освободившись от накидки, пытался отжать плащ, но оставил на время это занятие, когда Агия спросила:

— Ты все о нас выспросил — а сам-то кто будешь?

— Что ж, — отвечал толстяк, — имеешь полное право знать. И я-то дам ответ поправдивее твоих, но после которого должен буду вернуться к своим делам. Я к вам подошел только потому, что увидел, как молодой армигер тонет; всякий приличный человек подошел бы и помог. Но у меня, как и у прочих приличных людей, есть своя работа.

С этими словами он снял свою высокую шляпу, порылся внутри и вынул глянцевитую визитную карточку — раза в два больше тех, что мне доводилось видеть в Цитадели. Он подал ее Агии, а я заглянул ей через плечо. Надпись, украшенная

множеством вычурных виньеток и завитушек, гласила:

ХИЛЬДЕГРИН-БАРСУК

Земляные работы любого вида и объема от одного землекопа до 400. В камне не застрянем, в песке не увязнем. Улица Морских Странников, под вывеской

«СЛЕПАЯ ЛОПАТА»,

либо справиться у Альтикамелюса на углу Воздыхании.

— Вот кто я таков, госпожа Плюх-Плюх, и ты, молодой сьер, если не возражаешь, чтобы я называл тебя так — во-первых, потому, что ты моложе меня, а во-вторых — оттого, что она тебя постарше, года, может быть, на два. Ну что ж, мне пора.

Я придержал его за плечо.

— Перед тем как упасть в воду, я встретил старика на ялике, и он сказал, что дальше есть кто-то, кто может переправить нас через озеро. Наверное, он говорил о тебе. Ты можешь помочь нам?

— А, тот бедняга, что ищет свою жену… Что ж, мы с ним — друзья давние и добрые; раз уж он меня рекомендовал — так и быть. Для моей шаланды четверо — не груз.

Он зашагал по тропинке, жестом пригласив нас следовать за ним, и я заметил, что сапоги его, смазанные салом, погружаются в примятую осоку еще глубже, чем мои.

— Она с нами не пойдет, — сказала Агия. Но Доркас, шедшая следом, выглядела так одиноко, что я приотстал и шепнул ей:

— Я бы одолжил тебе накидку, но она так намокла, что в ней ты только хуже замерзнешь. Ступай по этой же тропинке в другую сторону — и выйдешь в коридор; там гораздо суше и теплее. А там найдешь дверь с надписью «Сад Джунглей» — за ней солнце жарит вовсю, сразу согреешься…

Тут я осекся, вспомнив встреченного в Саду Джунглей пеликозавра, но, быть может, к счастью, Доркас ничем не показала, что слышит меня. Что-то в выражении ее лица говорило мне, что она боится Агии или, по крайней мере, хоть смутно, но сознает, что Агии не нравится ее присутствие. В остальном же она будто вовсе не замечала, что происходит вокруг, и шла вперед подобно сомнамбуле.

Видя, что слова мои ничуть не ободрили ее, я начал снова:

— В коридоре сидит один из кураторов. Он наверняка постарается найти сухую одежду для

тебя.

Агия обернулась к нам; ветер разметал ее каштановые волосы.

— Северьян, попрошаек на свете — в избытке! Всех не обогреешь!

Хильдегрин, видимо, услышав слова Агии, обернулся тоже.

— Я знаю женщину, которая может взять ее к себе, отмыть и переодеть. Из-за грязи не очень-то видно, но эту девушку содержали хорошо. Хоть и тощевата малость…

— Послушай, а что тебе здесь понадобилось? — огрызнулась Агия. — Судя по карточке, твой бизнес — подряды. А здесь у тебя какие дела?

— Вот эти самые, госпожа. Бизнес! — Доркас охватила дрожь.

— Нет, правда, — сказал я, — вернулась бы ты обратно. В коридоре гораздо теплее. Только в Сад Джунглей не ходи; ступай лучше в Песчаный, там солнце, сухо…

Что-то из сказанного мною, похоже, задело какую-то струнку в душе Доркас.

— Да, — прошептала она. — Да.

— Песчаный Сад, да? Он тебе нравится?

— Солнце, — очень тихо ответила она.

— Ну, вот и моя старушка, — объявил Хиль-

дегрин. — Раз уж нас так много, рассаживаться придется осторожно. И ерзать там шибко — не советую, борта у нее низкие. Одна из женщин — на нос, а молодой армигер с другой — на корму.

— Мне бы лучше — за одно из весел, — сказал я.

— Грести раньше доводилось? Мне так не показалось. Лучше уж сядь на корму. Двумя веслами работать не сильно труднее, чем одним, и мне частенько приходилось это проделывать, хотя на борту со мной бывало по полдюжины человек.

Лодка его была под стать хозяину — большой, неказистой и тяжелой на вид, больше всего похожей на ящик, слегка сужающийся к носу и корме и снабженный уключинами. Хильдегрин, взойдя на борт первым, веслом подтолкнул шаланду поближе к берегу.

— Иди, — сказала Агия, взяв Доркас за руку. — Садись вперед.

Доркас охотно повиновалась, но Хильдегрин остановил ее.

— Если не возражаешь, госпожа, лучше бы тебе на нос сесть. Иначе я не смогу приглядывать за ней, пока гребу. С ней не все в порядке — дело ясное, и при таких низких бортах мне бы хотелось вовремя заметить, если она вдруг начнет

скакать…

Тут Доркас удивила всех нас, сказав:

— Я не сумасшедшая. Просто… просто я — словно только что проснулась.

Но Хильдегрин все-таки усадил ее ко мне, на корму.

— Ну, — сказал он, отталкивая лодку от берега, — это вы вряд ли когда забудете, если вам впервой. Переправа через Птичье Озеро посреди Сада Непробудного Сна…

Весла погрузились в воду, издав глухой, меланхолический звук.

Я спросил, отчего озеро называется Птичьим.

— Некоторые говорят — оттого, что очень много дохлых птиц в воде. А может, оттого, что здесь просто много птиц. Вот ведь все люди ругают Смерть, и рисуют ее в виде этакой старой кликуши с мешком… А для птиц она — друг. Сколько я ни видал в жизни мест, где мертвецы, тишина и покой, — везде птиц было во множестве.

Вспомнив, как пели дрозды в нашем некрополе, я согласно кивнул.

— Если ты посмотришь через мое плечо, то ясно увидишь берег впереди, и вся эта осока не будет мешать любоваться пейзажем. Если тумана нет, увидишь, как там, вдалеке, земля подымается, и

наверху, где посуше, растут деревья. Видишь их?

Я кивнул, и Доркас кивнула тоже.

— Потому что вся эта декорация должна изображать зев потухшего вулкана. Некоторые говорят, будто это — раскрытый рот мертвеца, но это неправда. Где же тогда зубы? Хотя… вы наверняка помните, что пришли сюда сквозь такую подземную трубу?

Мы с Доркас снова кивнули вместе. Агии, хотя она и сидела всего шагах в двух от нас, почти не было видно из-за широких плеч и просторного суконного пальто Хильдегрина.

— А там, — продолжал он, кивком указывая направление, — вы должны бы видеть темное пятнышко. Прямо посредине, между болотом и краем кратера. Некоторые, увидев его, думают, будто это — дверь, через которую они вошли, но дверь-то как раз позади, гораздо ниже и гораздо меньше. То, что вы сейчас видите, — Пещера Сивиллы Кумской. Это такая женщина, которая знает будущее и прошлое и вообще все на свете. Кое-кто говорит, будто весь этот сад был выстроен ради нее одной, но мне как-то слабо в это верится.

— Как же это возможно? — негромко спросила Доркас.

Но Хильдегрин не понял вопроса — или же сделал вид, будто не понимает.

— Автарх якобы захотел иметь ее всегда под рукой, чтобы не ездить каждый раз через полмира. Иногда там, возле пещеры, кто-то ходит; что-то металлическое блестит на солнце… Уж не знаю, кто там живет на самом деле, никогда не подходил к пещере близко — будущего я знать не хочу, а прошлое свое и так знаю получше всякой Сивиллы. Люди, бывает, ходят — хотят узнать, скоро ли выйдут замуж или насчет успеха в торговле. Но, по моим наблюдениям, во второй раз ее навещают немногие.

Мы почти достигли середины озера. Сад Непробудного Сна окружал нас, точно огромная чаша с мохнатыми от сосен стенками, облепленными понизу накипью из камыша и осоки. Я все еще мерз — из-за неподвижности, пожалуй, даже сильнее прежнего — да к тому же вспомнил о том, что озерная вода может сотворить с клинком меча, если его не просушить и не смазать поскорее, однако чары сада надежно держали меня в плену. (Чары в саду, несомненно, присутствовали — я почти слышал разносящееся над водою пение на языке, которого не знал и не понимал.) В плену этих чар пребывали, наверное, и Хильдегрин, и

даже Агия. Некоторое время мы плыли в полной тишине; вдалеке на поверхности озера плескались гуси, вполне живые и здоровые; один раз, будто во сне, из-под воды совсем рядом с лодкой показалась морда морской коровы, имеющая разительное сходство с человеческим лицом.

Глава 24
Цветок Смерти

Осторожно перегнувшись через борт, Доркас сорвала водяной гиацинт и воткнула его себе в волосы. Это был первый цветок, виденный мною в Саду Непробудного Сна, если не считать белых пятнышек в отдалении, на том берегу. Я пошарил взглядом вокруг, но больше на воде цветов не оказалось.

Быть может, этот водяной гиацинт появился лишь потому, что Доркас потянулась сорвать его? При свете дня мне абсолютно ясно, что такие вещи невозможны; но то, что вы читаете сейчас, я пишу ночью, а в тот момент, пасмурным днем, сидя в лодке и любуясь гиацинтом, покачивавшимся в кубите от моих глаз, я вспомнил недавнюю реплику Хильдегрина, подразумевавшую (хотя он скорее всего сам этого не заметил), будто пещера провидицы и, таким образом, весь этот сад, находятся на противоположной стороне мира. Там, как рассказывал когда-то мастер Мальрубиус, все наоборот: тепло на юге, холодно на севере, ночью светло, а днем темно, летом идет

снег… Если так, неудивительно, что я мерзну — лето вот-вот наступит, подуют ветры, начнутся дожди со снегом. Небо уже посветлело, гиацинты раскрылись — значит, дело к ночи…

Конечно, Предвечный поддерживает порядок в мире. А теологи говорят, что свет есть тень его. Если так, то во тьме, должно быть, порядка меньше, и цветы появляются в пальцах девушек из ниоткуда, так же как от тепла весеннего солнца вырастают они из простой грязи? Да, наверное, во тьме, когда ночь смыкает наши глаза, порядка становится меньше, чем мы думаем. А может быть, наоборот, недостаток порядка мы воспринимаем как тьму, как возрастание хаоса в волнах энергии (настоящих морях) и энергетических полях (целых фермах), приводимых к порядку светом дня — сами-то они на это неспособны — и кажущихся нашему обманутому взгляду реальным миром.

Над водой стелился туман, напоминавший мне поначалу солому, клубившуюся в воздухе в походном соборе Пелерин, а после — пар от котла с супом, который брат Кок зимним днем вносил в трапезную. Говорят, ведьмы обычно летают в таких котлах, но я никогда этого не видел, хотя от нашей башни до их было меньше чейна. Тут

я вспомнил, что мы плывем через кратер вулкана. Быть может, вулкан этот — огромный котел Сивиллы Кумской? Мастер Мальрубиус в классах рассказывал, что огонь Урса давно погас — вероятно, еще до того, как человек, возвысившись над прочими животными, испятнал лицо мира своими городами. Но ведьмы, говорят, умеют оживлять мертвых. Почему бы Кумской Сивилле не оживить умерший огонь, чтобы вскипятить свой котел? Я опустил руку в воду — вода была холодна, словно снег.

Хильдегрин склонился ко мне и откинулся назад с очередным гребком.

— Идешь навстречу смерти, — сказал он. — Вот о чем ты думаешь; я вижу по лицу. На Кровавом Поле тебя убьют, кем бы ни был твой противник.

— Правда? — ахнула Доркас, схватив меня за руку. Я не отвечал, и Хильдегрин утвердительно кивнул за меня.

— Слушай, а стоит ли туда ходить? Мало ли на свете людей, которые нарушают все правила, однако разгуливают себе спокойно…

— Ты ошибся, — сказал я. — Я вовсе не думал о мономахии либо смерти.

Но Доркас тихо — так, что даже Хильдегрин, наверное, не слышал, — шепнула мне на ухо:

— Думал. Лицо твое было исполнено такой благородной красоты… Чем ужаснее мир вокруг, тем выше и чище мысли.

Я покосился на нее, думая, что она подшучивает надо мной, однако Доркас говорила совершенно серьезно.

— Мир наполовину полон зла, наполовину — добра. Можно наклонить его так, чтобы мысли наши наполнились добром, а можно — так, чтобы злом. — Она подняла голову, точно охватывая взглядом все озеро. — Но в мире их все равно останется поровну; можно только менять пропорцию в разных местах.

— А если наклонить его так, чтобы зло вылилось вовсе? — спросил я.

— Вместо зла можно вылить добро. Но мне тоже иногда хочется наклонить время так, чтобы оно потекло вспять…

— Знаешь, не верится мне, чтобы из-за каких-нибудь внешних несчастий приходили в голову красивые либо мудрые мысли…

— Я сказала «высокие и чистые», а о красоте не говорила ни слова. Хотя высокие и чистые помыслы, несомненно, по-своему красивы. Давай покажу. — С этими словами она подняла мою руку и прижала ее к своей груди. Ладонь моя

легла на мягкий, теплый холмик с маленьким и твердым, точно вишенка, соском. — Что стало с твоими помыслами? — спросила она. — Разве не сделались они ниже, стоило лишь мне сделать внешний мир приятнее для тебя?

— Где тебя выучили всему этому? — спросил я в свою очередь.

В уголках глаз Доркас тотчас же выступили слезы, прозрачные, словно хрусталики. От мудрости ее не осталось и следа.

Берег, на котором росли аверны, оказался менее заболоченным. После долгого пути по сырой, прогибающейся под ногами осоке странно было снова ступить на относительно твердую землю. Причалили мы в некотором отдалении от цветов, но отсюда уже было хорошо видно, что это — не просто белые крапинки на берегу, но растения вполне определенного цвета, формы и размеров.

— Ведь эти цветы — не местные? Не с Урса? — спросил я.

Никто не ответил — пожалуй, я говорил слишком тихо и просто не был услышан никем, кроме, может быть, Доркас.

Столь жесткие, геометрически правильные растения наверняка появились на свет под неким чужим солнцем. Листья их были черны, словно

спина скарабея, но их чернота имела странный, очень насыщенный и в то же время прозрачный оттенок. Казалось, они сохранили в себе цвета спектра той безмерно далекой от нас звезды, что испепелила или, напротив, породила жизнь в их родном мире.

Мы пошли к ним. Агия оказалась впереди. Мы с Доркас последовали за нею, а за нами пошел и Хильдегрин.

Каждый лист этих растений был тверд, словно лезвие кинжала, а остротою своей удовлетворил бы даже мастера Гурло. Цветы — белые, с наполовину сомкнутыми лепестками — казались воплощенной девственностью, оберегаемой сотнями клинков. Крупные и пышные лепестки их казались бы совсем растрепанными, не образуй они все вместе сложный округлый орнамент, притягивающий взгляд, будто вращающийся волчок с нарисованной на нем спиралью.

— Правила хорошего тона, — заговорила Агия, — требуют, чтобы ты сорвал цветок сам, Северьян. Но я пойду с тобой и покажу, как. Вся штука — в том, чтобы просунуть руку под листья и оборвать стебель у самой земли.

Но Хильдегрин взял ее за плечо.

— Никуда ты не пойдешь, госпожа. Ступай, мо-

лодой сьер, раз уж решился на это. А я пригляжу за дамами.

Я был уже в полудюжине шагов от него, но, стоило ему произнести последние слова, застыл на месте. К счастью, в тот же самый момент Доркас крикнула: «Будь осторожен!» — и мне ничего не стоило сделать вид, что задержало меня лишь ее предостережение.

Но правда была в другом. Едва встретив Хильдегрина, я твердо уверился, что где-то встречал его раньше, хоть и узнал, в отличие от сьера Рахо, далеко не сразу. Но вот, наконец, узнал — и замер от неожиданности, словно разбитый параличом.

Я уже писал о том, что помню все до мельчайших подробностей, однако порой поиск в памяти нужного лица, факта либо ощущения занимает довольно много времени. В данном случае задержка, видимо, была вызвана тем, что с того момента, как он склонился надо мной, лежавшим на примятой осоке, я почти не смотрел на него. А вот голос и слова: «А я пригляжу за дамами», — подстегнули мою память.

— Листья ядовиты! — крикнула Агия. — Обмотай руку плащом поплотнее, но все равно старайся не касаться их! Да гляди в оба — аверн всегда ближе к тебе, чем кажется!

Я кивнул, показывая, что все понял.

Не знаю, смертелен ли аверн для обитателей своего родного мира. Может статься, что — нет, и опасен он, в силу несовпадения различных природных особенностей, только для нас. Но, как бы там ни было, почва под этими растениями и между ними была покрыта густой травой с короткими стеблями, совсем не похожей на болотную растительность сада. Трава была усеяна скорченными тельцами пчел и птичьими косточками.

Когда до растений оставалось шага два, не больше, я внезапно понял, что передо мною стоит задача, для разрешения коей я ничего не предпринял — просто не пришло в голову. Выбранный мною аверн станет моим оружием в поединке — однако как я, ничего не зная о способах ведения боя, выберу подходящий? Можно было вернуться и спросить об этом Агию, но расспрашивать женщину о подобных вещах казалось мне полным абсурдом, и в конце концов я решил довериться собственной смекалке, рассудив, что Агия, окажись выбор вовсе уж никуда не годным, все равно отправит меня за вторым цветком.

Размеры авернов были самыми разными — от молодой поросли, не выше пяди, до старых растений, не менее трех кубитов в длину. Листья

растений поменьше были узки и росли так густо, что из-за них было вовсе не видно стеблей; листья же более старых растений прилегали к стеблю не так плотно и в сравнении с его длиной были заметно шире. Вероятнее всего, цветками надлежало орудовать наподобие палиц; если так, лучше всего должен был подойти аверн с самым крупным цветком, самым длинным стеблем и самыми жесткими листьями. Но все такие цветы росли довольно далеко от края поляны — чтобы добраться до них, пришлось бы вначале сорвать десяток меньших, а сделать это при помощи подсказанного Агией способа было невозможно: рука не проходила под росшими почти вплотную к земле листьями.

В конце концов я выбрал цветок кубита в два высотою, опустился на колени и потянулся к нему и вдруг — точно пелена спала с глаз — увидел, что моя рука, казалось, отстоявшая от игольно-острого кончика ближайшего листа на несколько пядей, вот-вот наткнется на него. Я поспешил отдернуть руку. С виду — я вряд ли мог дотянуться до стебля цветка, даже если бы лег на землю ничком. Как ни велик был соблазн воспользоваться мечом, я понимал, что это уронит меня в глазах Агии с Доркас — да и все равно до боя следовало

привыкнуть к обращению с аверном.

Я снова потянулся к стеблю, плотно прижав руку к земле, и обнаружил, что, несмотря на это, легко могу достать цветок. Острый кончик листа, казалось, отстоявший от лица на добрых полкубита, даже слегка подрагивал от моего дыхания.

Срывая цветок (задача, должен заметить, оказалась не из легких), я понял, отчего травка под авернами была так коротка и густа — один из листьев выбранного мной растения наполовину рассек стебель какого-то болотного сорняка, и вся трава, на целый эль вокруг, тут же поблекла и увяла.

Сорванный, цветок причинял множество неудобств, с которыми я до поры должен был примириться. О том, чтобы везти его обратно в Хильдегриновой лодке, не могло быть и речи — четверым в ней и без аверна было достаточно тесно, и острые, ядовитые листья неизбежно укололи бы кого-нибудь. Пришлось вскарабкаться вверх по склону и срубить молодое деревце. Оборвав ветки, мы с Агией привязали аверн к тонкому стволу, и позже, идя через город, я нес его, точно какой-то гротескный штандарт.

После этого Агия объяснила, как пользоваться аверном в качестве оружия; я сорвал себе дру-

гой (несмотря на ее возражения и многократно — пропорционально моей самоуверенности — возросший риск) и попробовал применить ее советы на практике.

Аверн — не просто палица с отравленными шипами. Лист его, взявшись большим и указательным пальцами, так, чтобы не коснуться острия либо режущих кромок, надлежит отделить от стебля, после чего он сам по себе становится оружием — отравленным, бритвенно-острым клинком без рукояти, весьма удобным для метания. Держа стебель за основание левой рукою, бойцы отрывают от него нижние листья и метают их в противника правой. Однако Агия предупредила меня, что аверн следует держать вне пределов досягаемости соперника, дабы тот, когда листья будут истрачены, не мог выхватить у меня стебель.

Сорвав второй цветок и попрактиковавшись в метании листьев, я понял, что мой аверн для меня не менее опасен, чем аверн противника. Если держать его поближе к себе, возникает смертельный риск уколоться о длинные нижние листья, и вдобавок иссушающая жажда смерти в образуемом лепестками узоре будет гипнотизировать меня всякий раз, как я опущу взгляд,

чтобы сорвать лист. Все это было довольно неприятно, но, приучившись вовремя отводить взгляд от полусомкнутых лепестков, я сообразил, что моему противнику будут угрожать те же опасности, что и мне.

Метать листья оказалось проще, чем я думал. Поверхность их была глянцевитой, как и у листьев многих растений, которые я видел в Саду Джунглей, поэтому они легко выскальзывали из пальцев и притом были достаточно тяжелы, чтобы лететь далеко и точно. Их можно было метать острием вперед, наподобие кинжала, либо так, чтобы они вращались в полете, рассекая все на своем пути острыми краями.

Конечно же, мне не терпелось расспросить Хильдегрина о Водалусе, но такой возможности мне не представилось до тех пор, пока он не собрался плыть обратно через безмолвное озеро. Некоторое время Агия была так занята попытками избавиться от Доркас, что мне удалось, отведя его в сторону, шепнуть, что я тоже друг Водалусу.

— Ты, верно, обознался, молодой сьер. Ты в самом деле говоришь о том преступном Водалусе, что объявлен вне закона?

— Я никогда не забываю голосов. Я не забываю ничего. — Нетерпение заставило меня забыть

всякую осторожность, и я совершил, пожалуй, худшую из всех возможных ошибок, добавив:

— Ты хотел раскроить мне голову лопатой.

Лицо Хильдегрина тут же превратилось в неподвижную маску. Он молча влез в лодку и поплыл прочь.

Когда мы с Агией покидали Ботанические Сады, Доркас все еще была с нами. Агии так хотелось отделаться от нее, что некоторое время я не мешал ей: в обществе Доркас мне наверняка было бы труднее склонить Агию лечь со мною, и вдобавок боль, причиняемая ей одиночеством, многократно усилилась бы, умри я в поединке на ее глазах. С тех пор как я излил на Агию всю мою печаль, вызванную смертью Теклы, прошло совсем немного времени. Теперь печаль эту сменили новые заботы; я в самом деле выплеснул ее прочь, словно прокисшее вино. Вот сколь велика сила слова, помогающего нам совладать со страстями, которые, не будь его, неизменно лишали бы нас разума и губили!

Впрочем, какие бы мотивы ни двигали мною и Агией, какие бы побуждения ни заставляли Доркас следовать за нами, все старания Агии пошли прахом. В конце концов я пригрозил ударить ее, если не прекратит, и окликнул Доркас, шедшую

в полусотне шагов позади.

Дальше мы пошли втроем — молча, приковывая к себе множество странных взглядов. Я, промокший до нитки, больше не обращал внимания на то, хорошо ли накидка скрывает мой гильдейский плащ цвета сажи. Агия в рваном парчовом платье, надо думать, тоже выглядела довольно странно. Доркас до сих пор была измазана илом, коркой засохшим на волосах и оставившим на ее бледной коже мазки тончайшей бурой пыльцы. Аверн знаменем реял над нашими головами, источая аромат мирра. Полусомкнутые лепестки его сверкали, точно выбеленная солнцем кость, но листья в ярком свете дня казались почти черными.

Глава 25
Харчевня Утраченной Любви

Счастье — а может, несчастье мое — в том, что все места, с которыми связана жизнь моя, за редким исключением, отличаются постоянством. Завтра я, если захочу, могу вернуться в Цитадель, на ту самую (не сомневаюсь!) койку, где спал еще учеником. Гьолл все так же течет мимо моего родного Нессуса, и стеклянные грани Ботанических Садов, чьи залы вечно хранят однажды созданные настроения, все так же сверкают на солнце. В жизни моей эфемерны лишь люди да несколько домов, и среди них — та харчевня, что стояла некогда у границы Кровавого Поля.

Почти весь остаток дня мы шли широкими авеню и узенькими проулками, и все здания, окружавшие нас, были из камня либо кирпича. Наконец мы вышли к огороженному, наподобие большого двора, участку земли, однако никакой виллы в его центре не было. Помнится, я еще сказал Агии, что надвигается гроза — сделалось душновато, а на горизонте виднелась мрачная черная полоса.

Агия рассмеялась:

— Это всего лишь Городская Стена! Рядом с ней всегда так — она мешает движению воздуха!

— Вот эта темная линия? Но она наполовину уходит в небо!

Агия засмеялась снова, но Доркас прижалась ко мне:

— Северьян, я боюсь. — Агия услышала ее слова.

— Чего — Стены? Она не может причинить тебе вреда — разве что рухнет прямо на голову. А рушиться ей не с чего — уж десять тысяч лет стоит спокойно.

Я вопросительно взглянул на нее, и она добавила:

— Ну, по крайней мере, выглядит на десять тысяч. А на самом деле, может, еще старше: кто знает…

— Ею можно оградить весь мир. Она окружает весь город целиком?

— По определению. Город — это то, что огорожено Стеной. Хотя я слышала, что есть еще какие-то селения на севере и многие лиги развалин на юге, там теперь никто не живет. Однако взгляни туда, между тополей. Видишь харчевню?

Никакой харчевни я не увидел и сказал Агии

об этом.

— Там, под деревом. Ты обещал мне ужин, и я хочу поужинать здесь. Как раз успеем поесть перед поединком.

— Не сейчас, — ответил я. — Я буду рад пригласить тебя после поединка. Если хочешь, можно зайти и сделать заказ.

Я все еще не видел никакого здания, но дерево, указанное Агией, было каким-то странным — вверх по стволу его поднималась грубо сколоченная лестница.

— Хорошо. Если ты будешь убит, приглашу этого Серпентриона. А если не пойдет — того убогого моряка, который всегда угощает меня. Помянем тебя…

Высоко на дереве, среди ветвей, горел огонь, и я увидел дорожку, ведшую к подножию лестницы. Имелась там и вывеска: плачущая женщина тащит за собою окровавленный меч. Из тени выступил и встал у входа, потирая руки, чудовищно толстый человек в фартуке. До ушей моих донеслось негромкое звяканье посуды.

— Аббан, к вашим услугам, — сказал толстяк, когда мы подошли к нему. — Чем могу служить?

Я отметил тревожный взгляд, брошенный им на мой аверн.

— Ужин на двоих; подать к… — Я оглянулся на Агию.

— К началу следующей стражи.

— Прекрасно, прекрасно! Но так быстро мы не поспеем, сьер, — потребуется больше времени. Вот если только вы удовольствуетесь холодным мясом, салатом и бутылочкой вина…

— Мы хотим жареного петуха, — нетерпеливо сказала Агия. — И помоложе!

— Как будет угодно. Я велю повару начинать, а там, после того, как молодой сьер одержит победу, могу занять вас выпечкой, пока птичка не подоспеет.

Агия кивнула. По взгляду, которым они обменялись, было понятно, что она встречает этого толстяка не в первый раз.

— А пока, — продолжал харчевник, — если у вас найдется время, могу предоставить теплую ванну и губку для другой дамы — и, быть может, бутылочку медокского и бисквитов для вас?

Внезапно я понял, что с тех пор, как завтракал в обществе Балдандерса и доктора, здорово проголодался, а Агия с Доркас, вполне возможно, ничего не ели весь день. Я кивнул, и хозяин повел нас наверх. Ствол дерева был толст — не меньше десяти шагов в поперечнике.

— Бывал ли ты нашим гостем раньше, сьер? Я покачал головой.

— Я как раз собирался спросить, что это за харчевня. Никогда не видел подобных.

— И не увидишь, сьер. Тебе следовало заглянуть к нам раньше — наша кухня славится на весь город, а свежий воздух способствует улучшению аппетита.

Я подумал, что это видно по нему (заправлять заведением, где столько высоких и крутых лестниц, и при этом отрастить такое брюхо — действительно требует отменного аппетита), но промолчал.

— Видишь ли, сьер, закон запрещает возведение любых зданий так близко от Стены. А мы зданием не считаемся, поскольку не имеем ни стен, ни крыши. Все, кто ходит на Кровавое Поле, — прославленные бойцы и герои, зрители, лекари и даже эфоры — заглядывают к нам. А вот и ваш кабинетик!

«Кабинетик» оказался круглым и замечательно ровным помостом, укрытым от шума и посторонних взглядов среди бледно-зеленой листвы. Агия села в обитое холстиной кресло, а я (должен признаться, ужасно утомленный) рухнул на кожаную кушетку рядом с Доркас. Положив на пол

за кушеткой жердь с аверном, я вынул из ножен «Терминус Эст» и начал чистить клинок. Тут явилась служанка с водой и губкой для Доркас. Увидев, чем я занят, она принесла мне ветоши и масла, и я смог, сняв рукоять и гарду, смазать его как следует.

— Ты можешь вымыться самостоятельно? — спросила Агия у Доркас.

— Да, я люблю мыться, только не смотрите на меня.

— Попроси Северьяна отвернуться. Утром у него это прекрасно получилось.

— И ты, госпожа, — тихо сказала Доркас. — Я не хотела бы, чтобы ты смотрела. Мыться лучше в одиночестве, насколько это возможно.

Агия улыбнулась, но я снова кликнул служанку, дал ей орихальк, чтобы принесла ширму, и сказал Доркас, что куплю ей платье, если только в харчевне найдется что-нибудь подходящее.

— Не надо, — прошептала она. — Я — тоже шепотом — спросил у Агии, что, по ее мнению, творится с Доркас.

— Ей нравится ее одежда, это ясно. Вот мне весь день пришлось придерживать «декольте», чтобы не осрамиться на всю жизнь… — Она опустила руку, и разорванное платье ее разошлось. Высокие

груди слегка блестели в лучах заходящего солнца. — А ее тряпье как раз достаточно прикрывает ноги и грудь. Есть, правда, прореха ниже живота, но ты, осмелюсь предположить, ее не заметил.

На помост поднялся харчевник в сопровождении официанта, несшего поднос с бисквитами, бутылкой и бокалами. Я сказал, что мне нужно обсушиться; он распорядился принести жаровню и сам принялся греться возле нее, словно в собственных жилых комнатах.

— Хорошо, — заметил он. — Солнце-то умирает, но не знает об этом — а мы это не только знаем, но чувствуем на собственной шкуре. Я всем говорю: если тебя убьют — хоть обманешь грядущую зиму. Ну, а если ранят — по крайности, не придется выходить наружу… Конечно, поединков больше всего бывает к концу лета, тогда это как-то более к месту. Не знаю, легче посетителям от этого, нет ли — убытку-то, во всяком случае, никакого.

Я снял накидку и плащ, поставил сапоги на табурет возле жаровни и встал рядом с харчевником, чтобы просушить бриджи и чулки.

— Значит, все, идущие драться на Кровавом Поле, заходят к тебе?

(Как всякий, кому вскоре предстоит умереть, я рад был бы узнать, что следую неким установив-

шимся традициям.)

— Все? О нет, — отвечал он. — Да благословят тебя Умеренность и Святая Аманда, сьер! Будь оно так, харчевня давно бы уж не принадлежала мне — я продал бы ее и зажил в свое удовольствие в большом каменном доме с атроксами у дверей и десятком молодых ребят с ножиками под рукой, чтобы разделывались с моими врагами. Нет, многие проходят мимо и даже не удостаивают нас взглядом. Невдомек им, что другой возможности попробовать мое винцо может и не представиться!

— Кстати о вине, — сказала Агия, подавая мне бокал, до краев наполненный темно-красным старым вином.

Скорее всего вино было не таким уж хорошим: язык защипало, в изысканный вкус примешалась толика горечи — однако во рту человека уставшего и промерзшего до костей оно все равно оказалось чудесным, лучше лучшего. Бокал Агии тоже был полон, но, судя по раскрасневшимся щекам и блеску глаз, она уже успела опорожнить по меньшей мере еще один. Я велел ей оставить что-нибудь и для Доркас.

— Эта дева наверняка не пьет ничего крепче молока! К тому же это тебе, а не ей, скоро понадо-

бится храбрость.

Я — возможно, немного покривив душой — сказал, что вовсе не боюсь.

— И правильно! — воскликнул харчевник. — Не бойся! Не забивай голову недостойными благородного мыслями — о смерти, последних днях и всяком таком! Те, кто боится, никогда не возвращаются с Кровавого Поля, можешь мне поверить. Помнится, ты собирался заказать ужин для себя и двух своих дам?

— Мы уже заказали его, — отвечал я.

— Да, заказали, но ничего не заплатили вперед — вот что я хочу сказать. И еще — за вино — настоящее «гато сек»! Что съедено и выпито здесь и сейчас, должно быть здесь же и сейчас же оплачено. А за ужин попрошу три орихалька вперед, и еще два — когда вернетесь.

— А если я не вернусь?

— Тогда мы с тобою в расчете, сьер. Отчего у нас, по-твоему, такие низкие цены?

Такая бесчувственность обезоружила меня полностью. Я отдал харчевнику деньги, и он покинул нас. Агия заглянула за ширму, где с помощью служанки мылась Доркас, а я сел на кушетку, отхлебнул вина и заел его бисквитом.

— Северьян! Если бы как-нибудь запереть эту

ширму… Можно придвинуть кресло, но эти двое обязательно выберут самый неподходящий момент, чтобы поднять шум и все испортить…

Я хотел было ответить на это какой-то шуткой, но тут заметил во много раз сложенный клочок бумаги, подсунутый под поднос на столе таким образом, чтобы его увидел лишь тот, кто сидел на моем месте.

— Ну, это уже перебор, — заметил я. — Сначала — вызов, затем — таинственное послание… — Агия подошла ко мне.

— Какое послание? Ты уже пьян?

Я положил руку на теплую округлость ее бедра и, не встретив сопротивления, привлек Агию к себе так, чтобы и она увидела записку.

— Как по-твоему, что там написано? «Содружество нуждается в тебе. Скачи немедля…»? Или: «Истинный друг тебе — тот, кто назовет пароль „камарилья“»? «Берегись человека с розовыми волосами…» «Выходи, когда в окно твое влетят три камешка…», — поддержала шутку Агия. — Хотя — лучше: «…опавших листа»! «Ирис, нектар предлагавший, был розы шипом уязвлен…» Это — о том, что твой аверн меня погубит. «Свою истинную любовь узнаешь по красной…» — Поцеловав меня, она села ко мне на колени.

— Разве ты не хочешь взглянуть?

Она снова опустила руку, и ее разорванное платье не скрывало ничего.

— Я смотрю!

— Да не сюда! Прикрой это ладонью и разверни записку.

Я сделал то, о чем она просила, — только клочок бумаги оставил на месте.

— Нет, это и вправду перебор. Таинственный Серпентрион со своим вызовом, потом — Хильдегрин, а тут еще это… Я рассказывал тебе о шатлене Текле?

— По дороге сюда ты не раз говорил о ней.

— Я любил ее. Она очень много читала — когда меня не было рядом, ей больше ничего не оставалось — только читать, вышивать или спать. Она обычно смеялась над сюжетами некоторых книг. Там с героями всегда случались подобные вещи, после чего они помимо воли бывали вовлечены в какие-нибудь возвышенные, мелодраматические — словом, совершенно не подходящие для них — приключения.

Агия рассмеялась и снова приникла ко мне в долгом, чувственном поцелуе.

— А при чем тут Хильдегрин? — спросила она, когда губы наши разомкнулись. — Совсем зауряд-

ный человек…

Я взял с подноса еще один бисквит, коснулся им записки и сунул его уголок в рот Агии.

— Некоторое время назад я спас жизнь человека по имени Водалус…

Агия отпрянула, поперхнувшись крошками.

— Водалус?! Это шутка?

— Вовсе нет. Так называл его спутник. Я был еще мальчишкой и просто-напросто поймал в нужный момент древко топора и удержал его. Если бы не это, Водалус был бы зарублен. Он дал мне хризос.

— Подожди. Хильдегрин-то тут при чем?

— С Водалусом, когда я впервые увидел его, были мужчина и женщина. Явились враги, и Водалус остался, чтобы задержать их, пока другой отведет даму в безопасное место.

(О трупе и о том, как я убил человека с топором, я решил умолчать.)

— Мне самой приходилось драться — из трех бойцов остался один, это ясно. Давай дальше.

— Хильдегрин и был тем спутником Водалуса — это все. Встреть мы его раньше, я бы хоть представлял себе, отчего гиппарх Серпентрион может желать моей смерти, и, кстати, зачем кому-либо украдкой подбрасывать мне эту записку. Как мы

с шатленой Теклой смеялись над всеми этими шпионами, интригами, плащами, кинжалами, потерянными наследниками… Агия, что с тобой?

— Я тебе отвратительна? Неужели я настолько уродлива?

— Нет, ты прекрасна, только сейчас, похоже, чувствуешь себя неважно. Наверное, не стоит тебе столько пить.

— Вот!

Быстрым движением Агия сбросила свое переливчатое платье, упавшее к ее пыльным, смуглым ногам грудой драгоценных камней. Утром, в соборе Пелерин, я уже видел ее нагой, но теперь (из-за вина ли, выпитого нами; оттого ли, что свет в харчевне был ярче или наоборот; потому ли, что утром Агия, напуганная и смущенная, закрывала руками груди и плотно сжимала бедра) меня влекло к ней куда сильнее. Желание сковало разум и язык; я прижал ее к себе…

— Северьян, подожди! Что бы ты обо мне ни думал, я не шлюха, но все же попрошу за любовь кое-что.

— Что же?

— Обещай, что не станешь читать эту записку. Брось ее в жаровню.

Я разжал объятья, поднялся и отступил на шаг.

В глазах ее мигом — точно травинки, проросшие меж валунов — появились слезы.

— Видел бы ты сам, Северьян, как смотришь на меня сейчас! Нет, я не знаю, о чем в ней написано. Просто… Ты никогда не слышал о том, что некоторые женщины обладают сверхъестественным даром предвидения? Знают то, о чем, казалось бы, никак не могли узнать?

Желание мое угасло почти без остатка. Я был испуган и зол, хотя сам не понимал, отчего.

— В Цитадели была гильдия таких женщин, и они считались нашими сестрами. Но ты не похожа на них ни лицом, ни телом.

— Я знаю. Но именно поэтому — послушай моего совета! Ни разу в жизни у меня не бывало прозрений; это — первое! Разве ты не понимаешь, что именно поэтому оно должно быть необычайно правдиво и важно — настолько, что им никак нельзя пренебречь? Сожги эту записку!

— Кто-то подбросил ее, пытаясь о чем-то предупредить меня, а ты не хочешь, чтобы я ее видел… Я спрашивал тебя, не твой ли любовник этот Серпентрион, и ты сказала, что — нет. И я тебе поверил…

Агия раскрыла было рот, но я жестом велел ей замолчать.

— Верю и сейчас. Судя по тону, ты говоришь правду, но все же каким-то образом хочешь предать меня. Скажи же, что это не так. Скажи, что действуешь лишь ради моих интересов.

— Северьян…

— Скажи.

— Северьян, мы — всего день, как знакомы! Я совсем не знаю тебя, и ты совсем не знаешь меня — так чего же ты хочешь? Ты, можно сказать, впервые покинул стены своей гильдии, и я время от времени старалась помочь тебе. Хочу помочь тебе и сейчас.

— Оденься.

Я вытащил записку из-под края подноса. Агия бросилась ко мне, но я легко удержал ее и одной рукой. Записка, видимо, была кое-как нацарапана вороньим пером — я разобрал лишь несколько слов.

— Отчего я не отвлекла тебя и не бросила ее в огонь? Северьян, пусти меня…

— Стой смирно!

— Еще на прошлой неделе у меня был кинжал — мизерикордия с рукоятью из слоновой кости. Нам нечего было есть, и Агилюс заложил его. Будь он при мне сейчас, я зарезала бы тебя!

— Он остался бы в твоем платье, которое сейчас

лежит вон там, на полу.

Я оттолкнул Агию, и она (вина в ее желудке было достаточно, посему — не только от силы толчка), пошатнувшись, рухнула в кресло. Поднеся записку к бреши в листве, сквозь которую в харчевню пробивался последний луч заходящего солнца, я прочел: «Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей. Труд сказал, этот человек плач. Мама, ты пришла!»

Глава 26
Трубный зов

Едва я успел прочесть это, Агия прыгнула ко мне, выхватила записку и швырнула ее вниз, за край помоста. Некоторое время она стояла передо мной, глядя то мне в лицо, то — на «Терминус Эст», который, уже в собранном виде, стоял, прислоненный к подлокотнику кушетки. Быть может, она боялась, что я отрублю ей голову и брошу ее следом за запиской. Но я не двигался с места, и тогда она сказала:

— Ты прочел ее? Северьян, скажи, что — нет!

— Прочел. Но не понял.

— Тогда и не думай о ней больше!

— Да успокойся ты хоть ненадолго! Она и предназначалась-то не мне. Скорее, ее подбросили тебе — но, коль так, отчего положили там, где она была не видна никому, кроме меня? Агия, у тебя есть дети? Сколько тебе лет?

— Двадцать три. Да, более чем достаточно, однако детей у меня нет. Если не веришь, взгляни на мой живот.

Я хотел было подсчитать в уме, но обнаружил,

что не имею ни малейшего понятия о том, когда у женщин наступает зрелость.

— Когда у тебя впервые была менструация?

— В тринадцать. Значит, первого могла бы родить в четырнадцать. Ты это хотел высчитать?

— Да. Сейчас ребенку было бы девять… Будучи достаточно смышленым, он вполне мог бы написать подобную записку. Хочешь, скажу тебе, что в ней было?

— Нет!

— Как по-твоему, сколько лет Доркас? Восемнадцать? Девятнадцать?

— Северьян, что бы там ни было — выкинь эту записку из головы!

— Агия, шутки кончены. Ты — женщина. Сколько ей лет?

Агия поджала губы.

— Я бы сказала, что этой мелюзге лет шестнадцать-семнадцать. Она — сама еще ребенок.

Наверное, все вы замечали, что, стоит заговорить о ком-либо отсутствующем, как он тут же является, точно фантом, услышавший зов колдуна. Ширмы раздвинулись, и Доркас предстала перед нами — уже не в привычном облике жалкого, измазанного илом существа, но — полногрудой, стройной, грациозной девушки. Мне

приходилось видеть кожу и побелее, но то была лишь болезненная бледность, тогда как кожа Доркас, казалось, сияла здоровьем. Волосы ее оказались золотисто-русыми, а глаза, как и раньше, были темно-голубыми, точно Мировая Река Уроборос из моего сна. Увидев обнаженную Агию, она хотела было вновь скрыться за ширмой, но тело толстухи служанки загородило проход.

— Оденусь-ка я лучше, — сказала Агия, — пока твоя любимица не сомлела.

— Я не смотрю, — пробормотала Доркас.

— А мне плевать, смотришь ты или нет. — Однако же, одеваясь, Агия повернулась к нам спиной и, точно обращаясь к густой листве дерева, добавила:

— Теперь нам действительно пора, Северьян. Горнист вот-вот затрубит.

— И что это должно означать?

— Ты не знаешь? — Она повернулась к нам лицом. — Когда солнечный диск касается зубцов Стены, на Кровавом Поле трубит горн — это первый сигнал. Некоторые считают, что это — сигнал к началу поединков, но это не так. Сигнал предназначен стражам внутри города и означает, что настало время запирать ворота. А попутно он означает и начало поединка — если ты успел

прийти вовремя. Когда солнце скрывается за горизонтом и наступает ночь, горнист на Стене трубит еще раз — та-таа! С этого момента ворота не будут открыты ни для кого — даже для тех, кто имеет специальные пропуска. Также сигнал означает, что всякий, бросивший или принявший вызов и не явившийся на Кровавое Поле, считается отказавшимся дать сатисфакцию противнику. После этого он может быть убит в любое время и в любом месте, и армигер либо экзультант, нанявший для этого убийц, не запятнает тем своей чести.

Служанка, все это время стоявшая у лестницы и кивавшая, отодвинулась, пропуская в «кабинет» харчевника.

— Сьер, — сказал он, — если у тебя и впрямь назначен поединок, я бы…

— Моя подруга только что сказала то же самое, — оборвал я его. — Нам нужно идти.

Тут Доркас спросила, нельзя ли и ей выпить вина. Я удивился, но согласно кивнул, и харчевник налил ей бокал, который она взяла обеими руками, совсем по-детски. Между тем я спросил хозяина, имеются ли у него письменные принадлежности для гостей.

— Хочешь составить завещание, сьер? Идем

— у нас для этого есть особый будуар. И — совершенно бесплатно. Если хочешь, можно сразу же отослать с мальчишкой к душеприказчику.

Взяв «Терминус Эст», я последовал за ним, оставив Агию с Доркас присматривать за аверном. «Будуар», которым хвастал харчевник, оказался крохотным помостом, едва вмещавшим табурет и стол с несколькими перьями, чернильницей и бумагой. Присев к столу, я написал на листе бумаги слова выброшенной Агией записки. Бумага, насколько можно было судить, оказалась точно такой же, и чернила были того же блекло-черного цвета. Посыпав написанное песком, сложив бумагу и спрятав ее в тот карман ташки, которым я пользовался реже всего, я сказал харчевнику, что посыльного не требуется, и спросил, не знает ли он кого-либо по имени Трудо.

— Трудо, сьер? Харчевник призадумался.

— Да. Имя достаточно распространенное…

— Конечно, сьер, я знаю это. Просто пытаюсь вспомнить, кто из знакомых мне и одновременно равных, понимаешь ли, сьер, твоему высокому положению мог бы его носить. Какой-нибудь армигер или же…

— Кто угодно, — сказал я. — Быть может, так зовут официанта, что обслуживал нас?

— Нет, сьер, его имя — Оуэн. Когда-то, сьер, у меня был сосед по имени Трудо — но то было давно, еще до того, как я купил это заведение. Но тебе, надо думать, нужен не он? Тогда есть у меня еще конюх — его зовут Трудо.

— Я хотел бы поговорить с ним. — Харчевник кивнул, причем подбородок его совсем скрылся в складках жира на шее.

— Как пожелаешь, сьер. Хотя он вряд ли сможет много тебе сказать — он издалека, с юга. — Ступени лестницы заскрипели под тяжестью харчевника. — Конечно же, он имел в виду всего лишь южные кварталы города, но никак не дикие, ледяные пустоши дальнего юга. Да еще — с того берега, так что особого смысла ты от него не добьешься. Однако работает на совесть…

— Сдается мне, я знаю, откуда он.

— Вот как? Интересно, сьер; очень интересно! Я слышал, некоторые могут это определять по одежде и по выговору, но не думал, что Трудо попался тебе на глаза, так сказать…

Мы ступили на единственную, размером со столешницу, каменную плиту у подножия лестницы, и харчевник заорал:

— Трудо! Трудо, паралич тебе в поясницу!!! — На зов никто не явился.

Длинные тени на земле уже перестали быть собственно тенями, превратившись в озера мрака, точно черная вода, наподобие той, из Птичьего Озера, поднялась из земли. Сотни людей — поодиночке либо небольшими группами — поспешно шагали к полю со стороны города. Казалось, всех их снедало нетерпение, тяжким грузом лежавшее на плечах. Большая их часть была безоружна, но некоторые имели при себе футляры с рапирами, а чуть вдалеке я увидел белый цветок аверна, привязанный, подобно моему, к древку копья либо посоху.

— Жаль, что они не заходят к нам, — заметил харчевник. — Конечно, кое-кто и заглянет на обратном пути, но — что может быть выгоднее ужинов, заказанных загодя! Откровенно тебе скажу, сьер — потому что вижу человека, который, несмотря на молодость, слишком разумен, чтоб не понимать, что всякое заведение должно приносить выгоду. А цены у меня вполне сносные, и кухня, как я уже говорил, известна на весь город… Тру-у-удо!!! Приходится стараться, сьер, иначе я бы сам помер с голоду — желудок у меня весьма привередлив на этот счет… Трудо, кормушка для блох, где тебя носит?!!

Откуда-то из-за ствола выступил, утирая нос

кулаком, грязный мальчишка.

— Нету его, хозяин!

— Куда он делся? Сбегай, найди! — Я все еще наблюдал за толпой.

— Значит, все они идут на Кровавое Поле? — Кажется, впервые я до конца осознал и почувствовал, что, скорее всего, умру еще до восхода луны. Тревоги по поводу таинственной записки вдруг показались тщетными и мелкими.

— Ну, драться-то, понимаешь ли, будут не все. Многие идут просто поглазеть. Некоторые приходят только раз, потому что один из бойцов — их знакомый, или просто потому, что услышали либо прочли о мономахии. Этих зрелище обычно угнетает, и на обратном пути они заходят ко мне и выпивают не меньше бутылки, чтобы прийти в себя. А кое-кто ходит сюда каждый вечер, или, самое малое, четыре-пять раз в неделю. Эти — специалисты в каком-то одном оружии, и будто бы знают о нем куда больше тех, кто им пользуется. Может, оно и так… После твоей победы, сьер, человека два или три захотят поставить тебе выпивку, и, ежели примешь угощение, объяснят, что ты сделал не так, да в чем твой противник оплошал — только говорить будут все разное.

— Мы будем ужинать в одиночестве…

Сказав это, я услышал тихий шелест босых ног по ступеням за моей спиной. К нам спускались Агия с Доркас. Агия несла мой аверн, казалось, в сумерках сделавшийся еще крупнее.

Я уже рассказывал о том, как сильно влекло меня к Агии. Обычно мы, в беседе с женщиной, говорим так, словно любовь и желание — две отдельных друг от друга сущности. И женщины, зачастую любящие и порой желающие нас, поддерживают эту условность. На самом же деле они — лишь два аспекта единого целого, неразделимые, как, скажем, северная и южная сторона дерева, возле которого я сейчас беседую с харчевником. Желая женщину, мы вскоре проникаемся любовью к ней — за ту снисходительность, с которой она покоряется нам (вот где таится корень моей любви к Текле), а покоряется она именно той (пусть иногда — воображаемой) доле любви, что присутствует в нашем желании. С другой стороны, любя ее, мы вскоре проникаемся и желанием к ней, поскольку разум наш не в силах отказать любимой в непременном атрибуте женщины — привлекательности. Вот почему мужчины порой желают женщин, чьи ноги скованы параличом, а женщины — мужчин, чье влечение направлено лишь на им же подобных.

Однако никто не знает, что порождает чувства, называемые нами любовью и желанием. Половина лица Агии, спускавшейся по лестнице, была озарена лучами заходящего солнца, половина же — скрыта в тени, а подол платья, разорванный едва не до пояса, открывал для всеобщего обозрения шелковистые бедра. И все чувства, утраченные мною так недавно, когда я оттолкнул ее, вернулись ко мне, многократно усилившись. Она, несомненно, поняла это по выражению моего лица. От Доркас, шедшей следом, тоже ничто не укрылось, и она отвела взгляд. Но Агия все еще была зла на меня (возможно, имея на то полное право), и, несмотря на ее вежливую улыбку и даже, быть может, неутоленный зуд в паху, держалась более чем сдержанно.

Я думаю, начала их — в той разнице, что находим мы между женщинами, которым мы, если еще остаемся мужчинами, должны посвятить всю свою жизнь, и женщинами, которых (опять-таки, если мы еще остаемся мужчинами) надлежит одолеть силой либо умом, обойдясь с ними покруче, чем с дикой тварью. Суть в том, что вторые никогда не примут от нас дара, предназначенного первым. Агия наслаждалась тем, как любовался я ею, и, несомненно, наслаждалась бы и моими

ласками, однако мы так и остались бы чужими друг другу, хотя бы я сотни раз излил в нее свое семя. Все это я осознал, пока она спускалась к нам, одной рукой придерживая разорванное платье, а в другой, точно скипетр, неся аверн, — осознал, но, несмотря на это, любил ее, как только мог.

К нам подбежал мальчишка.

— Повариха говорит, Трудо сбежал! Она ходила за водой сама, потому что девчонку отослала куда-то, и видела, как он убегал. И вещей его на конюшне нет!

— Значит, сбежал… — проговорил харчевник. — Когда? Только что?

Мальчишка кивнул.

— Боюсь, сьер, он услышал, что ты его ищешь. Наверное, кто-то подслушал, как ты назвал его имя, и сказал ему. Не украл ли он у тебя чего?

Я покачал головой.

— Он не сделал мне ничего дурного. Напротив — подозреваю, что он хотел оказать мне услугу. Сожалею, что мой визит кончился для тебя потерей работника.

Харчевник развел руками.

— Я еще не все ему выплатил, так что даже выгадаю на этом малость.

Он повернулся, чтобы уйти, и тут Доркас шеп-

нула мне на ухо:

— Северьян, прости, что лишила тебя удовольствия там, наверху. Я вправду не хотела тебе мешать, хотя и люблю тебя.

Где-то невдалеке от нас звонко протрубил горн.

Глава 27
«Он мертв?»

Кровавое Поле, о котором все читатели мои наверняка слышали — хотя некоторые, надеюсь, никогда не посещали его — лежит на северо-западном краю нашей столицы, Нессуса, между кварталами армигеров и конюшнями зенагия Синих Димархиев. Для таких, как я, никогда не бывавших возле Стены, оно достаточно близко от нее, хотя на самом деле от Кровавого Поля до Стены — еще несколько лиг извилистых улиц. Сколько участников оно может вместить за раз — я не знаю. Быть может, барьеры, огораживающие участки для каждой пары, — обычно зрители облокачиваются либо сидят на них, как кому больше нравится, — можно сдвигать так, чтобы мест хватало всем. Я был там всего раз, и поле это, с вытоптанной графой и молчаливыми, апатичными зрителями, показалось мне местом странным и весьма унылым.

На троне я еще совсем недавно, и все это время был занят делами гораздо более насущными и безотлагательными, нежели мономахия. Хо-

рош этот обычай или плох (я лично склоняюсь к последнему мнению), в обществе, подобном нашему, которому просто не выжить без поддержания воинского духа на должном уровне и которое не может позволить себе достаточное количество вооруженных стражей общественного спокойствия, его не уничтожить ничем.

Но — так ли уж плох этот обычай?

Эпохи (судя по читанному мною, многие сотни тысяч лет), объявившие его вне закона, получали взамен лишь убийства, явившиеся результатом ссор между семействами, друзьями и знакомыми, — примерно столько же убийств, сколько должен был предотвратить запрет на мономахию. Но вместо одного умирали двое, ибо закон преследовал убийцу (человека, ставшего преступником не по какой-либо предрасположенности к преступлению, но — лишь волею случая) и казнил его, точно его смерть могла вернуть жизнь пострадавшему. Таким образом, если бы даже, скажем, тысяча законных поединков заканчивалась тысячью смертей (что маловероятно, так как смерть в подобном поединке — явление редкое), но предотвращала пять сотен убийств, положение дел было бы ничем не хуже.

Более того — человек, победивший соперника

в поединке, наверняка будет весьма полезен делу защиты государства, да к тому ж произведет на свет более здоровое потомство, тогда как убийство губит и жертву и убийцу — причем последний, пусть он даже чудом уцелеет, скорее всего просто более жесток и не превосходит убитого ни умом, ни проворством, ни силой.

Однако сколь полезна мономахия для интриг!..

Еще за сотню шагов до Кровавого Поля мы услышали громко, весьма формально выкликаемые имена, которых не заглушал и ропот толпы:

— Кадро из Семнадцати Камней!

— Савва с Луга-За-Межой!

— Лаурентия из Дома Арфы! (Этот голос принадлежал женщине.)

— Кадро из Семнадцати Камней!

Я спросил у Агии, кто это кричит таким образом.

— Они были вызваны — или бросили вызов сами. Выкрикивая свои имена — или приказав делать это слуге — они объявляют во всеуслышание, что явились на поединок. В отличие от противника.

— Кадро из Семнадцати Камней!

Уходящее солнце, чей диск уже наполовину скрылся за непроницаемо-черной Стеной, окра-

сило небо в гуммигут и пурпур, вермильон и ультрамарин, придавая толпам участников и зрителей схожесть с иконописными иерархами, на которых снисходит благодать божия; их словно бы вызвало к жизни чье-то волшебство, готовое развеяться без следа с первым же посвистом ветра.

— Лаурентия из Дома Арфы!

Где-то неподалеку захрипел, точно задохнувшись насмерть, человек.

— Агия, — сказал я, — кричи: «Северьян из Башни Сообразности»!

— Я тебе не служанка! Ори сам, если хочешь!

— Кадро из Семнадцати Камней!

— Ну, что ты на меня уставился?! И зачем я только пошла с тобой… Северьян! Палач Северьян! Северьян из Цитадели! Из Башни Мук! Смерть! Смерть идет!

Моя ладонь хлопнула ее по шее, чуть ниже уха, и Агия упала наземь, выронив шест с привязанным к нему аверном.

Доркас схватила меня за руку:

— Не нужно было так, Северьян!

— Да нет, с ней все в порядке. Я бил ладонью.

— Она еще сильнее возненавидит тебя.

— По-твоему выходит, она и сейчас ненавидит

меня? — Доркас не ответила, а мгновением позже я и сам забыл о своем вопросе — в отдалении, над головами толпы, замаячил в воздухе аверн.

Площадка наша оказалась ровным огороженным кругом, с двумя входами — один против другого.

— Суд аверна, — объявил эфор, — был предложен и принят! Место поединка — здесь! Время — настало! Остается решить, будете ли вы драться обнаженными, или же как-либо иначе. Что скажешь ты?

Прежде чем я успел раскрыть рот, Доркас сказала:

— Обнаженными. На том человеке — доспехи. — Гротескный шлем Серпентриона качнулся из стороны в сторону — противник мой возражал. Шлем тот, как большинство кавалерийских шлемов, оставлял открытыми уши, чтобы носящий его мог лучше слышать происходящее вокруг — особенно приказы командующих. Мне показалось, что в тени за ухом Серпентриона я вижу узкую черную ленту, но в тот момент я не смог вспомнить, где видел подобное раньше.

— Ты отказываешься, гиппарх? — спросил эфор.

— Мужчины моей страны обнажаются, лишь

оставаясь наедине с женщиной.

— На том человеке — доспехи, — снова крикнула Доркас, — а на этом нет даже рубашки.

Голос ее, столь тихий прежде, зазвенел в сумерках, точно колокол.

— Я сниму их.

Серпентрион сбросил плащ и расстегнул плечевые застежки кирасы, тут же упавшей к его ногам. Я ожидал, что грудь у него широка, как у мастера Гурло, однако ж она оказалась еще уже моей.

— Шлем — также.

Серпентрион снова покачал головой, и тогда эфор спросил:

— Твой отказ окончателен?

— Да. — Последовало едва заметное колебание. — Могу лишь сказать, что мне было приказано не снимать его.

Эфор обратился ко мне:

— Полагаю, никто из нас не намерен оконфузить гиппарха, а равно и персону — не стоит и говорить, кто может оказаться ею, — которой он служит. Думаю, наимудрейшим выходом из положения явится предоставление тебе, сьер, иного, равнозначного преимущества. Имеешь ли ты предложения?

Агия, не проронившая ни слова с того момента, как я ударил ее, сказала:

— Откажись от поединка, Северьян. Или прибереги это преимущество на крайний случай.

— Откажись, — сказала и Доркас, отвязывая аверн от жерди.

— Дело зашло слишком далеко, чтобы идти на попятный.

— Принял ли ты решение, сьер? — требовательно спросил эфор.

— Пожалуй, да.

В ташке лежала моя гильдейская маска. Как и все прочие, она была сделана из тонкой кожи и костяных пластинок — для придания жесткости. Сможет ли лист аверна пробить маску, я не знал, однако с удовольствием отметил, как ахнули зрители, стоило мне надеть ее.

— Готовы? Гиппарх? Сьер? Сьер, пусть кто-нибудь подержит твой меч — иного оружия, кроме аверна, в поединке не дозволено.

Я оглянулся в поисках Агии, но она затерялась в толпе. Доркас подала мне смертоносный цветок, а я отдал ей «Терминус Эст».

— Начали!

Первый брошенный лист просвистел у самого моего уха. Серпентрион, сжимая свой аверн в

левой руке, пониже листьев, метнулся ко мне и выбросил правую руку вперед, словно желая выхватить мой цветок. Я вспомнил, что Агия предупреждала о такой опасности, и прижал его к себе — близко, как только можно.

Недолгое время кружили мы на месте, присматриваясь. Затем я нанес удар по его выставленной вперед руке, и Серпентрион парировал его своим цветком. Тогда я занес аверн над головою наподобие меча и тут же сообразил, что нашел идеальную позицию: стебель оказался вне досягаемости противника, а я в любой момент мог ударить или оторвать и метнуть лист.

Последнюю возможность я тут же проверил на практике, отделив один из листьев от стебля и метнув его в лицо противника. Тот, несмотря на свой шлем, пригнулся, и зрители за его спиной поспешили отпрянуть в стороны. Я метнул второй лист, а за ним — третий, столкнувшийся в полете с листом, брошенным Серпентрионом.

Результат столкновения оказался потрясающим. Вместо того чтобы погасить скорость друг друга и упасть на Землю, как обычные клинки, бритвенно-острые листья аверна, переплетясь, закружились в воздухе столь быстро, что еще прежде, чем опуститься хоть кубитом ниже,

превратились в черно-зеленые лохмотья, засверкавшие в лучах заката сотней цветов и оттенков, словно яркий детский волчок, закрученный изо всех сил…

Что-то прижалось к моей спине. Ощущение было таким, как если бы некто неизвестный подошел и встал позади меня, слегка прижавшись своей спиною к моей. Было довольно холодно, и тепло чужого тела оказалось очень приятным.

— Северьян!

Голос принадлежал Доркас, но доносился откуда-то издали.

— Северьян! Да помогите же ему кто-нибудь! Пустите! — Голос ее звенел, точно куранты. Цвета, поначалу принятые мною за радугу вращающихся в воздухе листьев, оказались радугой, повисшей в небе над заходящим солнцем. Мир был огромным пасхальным яйцом, раскрашенным всеми возможными красками. Близ моей головы раздался голос:

— Он мертв?

Кто-то другой рассудительно ответил:

— Да. Эти штуки всегда бьют насмерть. Проходи, если хочешь посмотреть, как его унесут…

— Заявляю о праве победителя на одежду и оружие побежденного, — сказал Серпентрион (голос

его был до странного знакомым). — Отдайте мне этот меч.

Я сел. Сплетшиеся в воздухе листья еще шелестели в нескольких шагах от моих сапог. Над ними, все еще не расставаясь с аверном, стоял Серпентрион. Я раскрыл было рот, чтобы спросить, что произошло, но что-то упало с моей груди на колени. Я опустил взгляд — это оказался лист аверна с окровавленным кончиком.

Увидев, как я поднимаюсь, Серпентрион резко повернулся ко мне и поднял аверн, но эфор, разведя руки в стороны, загородил ему путь.

— Право благородного, солдат! — крикнул какой-то зритель из-за ограды. — Пусть встанет и возьмет оружие!

Ноги почти не слушались. Я огляделся в поисках своего аверна и увидел его только потому, что он лежал у ног Доркас, боровшейся с Агией.

— Но он должен быть мертв! — закричал Серпентрион.

— Тем не менее он жив, гиппарх, — возразил эфор. — Ты вправе продолжить бой, когда он поднимет свое оружие.

Я коснулся стебля своего аверна. Листья его шевельнулись. На миг показалось, что я тронул за хвост некое холоднокровное, но все же живое

существо.

— Сатана! — крикнула Агия.

На миг задержавшись на ней взглядом, я поднял аверн и повернулся к Серпентриону.

Глаз его из-за шлема не было видно, однако все тело его как нельзя красноречивее выражало переполнивший его ужас. На миг он перевел взгляд с меня на Агию, повернулся и побежал прочь, к своему выходу с арены. Зрители загородили ему путь, и он хлестнул аверном направо и налево, как бичом. Раздался крик, за ним — еще. Мой аверн словно бы потянул меня назад — я не сразу понял, что это не аверн, а Доркас, схватившая меня за руку.

— Агилюс! — завизжала неподалеку Агия.

— Лаурентия из Дома Арфы! — раскатилось над полем, словно в ответ ей.

Глава 28
Казнедей

На следующее утро я проснулся на узкой койке в лазарете — в просторной комнате с высоким потолком, среди других больных и раненых. Я был наг и долго, пока сон (а может, то была смерть) не перестал сковывать веки, ощупывал свое тело в поисках ран, отстраненно, как будто о ком-то вовсе постороннем, размышляя о том, как жить дальше без денег и одежды и как объяснить мастеру Палаэмону потерю подаренного им меча и плаща.

В пропаже — вернее, в том, что я каким-то образом сам потерял все это — я не сомневался. Бежавшая по проходу между койками обезьяна с собачьей головой остановилась, взглянула на меня и побежала дальше. И это показалось мне не более странным, чем свет, падавший на мое одеяло сквозь окно, находившееся вне моего поля зрения.

Проснувшись снова, я сел в постели. Какое-то мгновение мне вправду казалось, будто я, капитан учеников, проснулся в нашем дортуаре, а все

прочее — возложение на меня маски, смерть Теклы, поединок — было лишь сном. Такое бывало со мной и после. Но затем я, вместо знакомого с детства металлического потолка, увидел беленую штукатурку, а на соседней койке — человека, сплошь замотанного бинтами. Откинув одеяло, я опустил ноги на пол. У изголовья моей постели спала сидя, привалившись спиною к стене, Доркас. Она была укутана коричневой накидкой, а поперек коленей ее, среди прочих моих пожитков, лежал «Терминус Эст». Мне удалось достать сапоги, чулки, бриджи, плащ и пояс с ташкой, не потревожив ее, но, стоило коснуться меча, она забормотала во сне и крепче прижала его к себе, и потому я оставила меч на месте. Большинство больных уже проснулись и во все глаза смотрели на меня, но никто не сказал ни слова. Дверь в конце комнаты вела на лестницу, спускавшуюся на двор, где били копытами о мостовую боевые кони. Резвившийся в проходе киноцефал вскарабкался на подоконник, и мне показалось, что я еще сплю. Я швырнул в обезьяну поднятой с пола щепкой, и она оскалилась на меня, обнажив зубы, не менее впечатляющие, чем клыки Трискеля.

На двор вышел солдат в кольчуге, чтобы достать что-то из седельной сумы, и я, окликнув его,

спросил, где очутился. Думая, что я спрашиваю, в какой части крепости нахожусь, он указал на одну из башен и сказал, что Зал Правосудия — прямо за ней, а если я пойду с ним, то, пожалуй, смогу раздобыть себе что-нибудь поесть.

Стоило ему сказать это, я понял, что умираю с голоду. Я последовал за ним, и темный коридор привел нас в помещение гораздо менее высокое и светлое, чем лазарет. Здесь двадцать или тридцать димархиев поглощали обед — хлеб, говядину и похлебку из свежей зелени. Мой новый друг посоветовал взять миску и сказать поварам, что мне велено явиться сюда за обедом. Я так и сделал, и повара, несмотря на легкое удивление при виде моего плаща цвета сажи, накормили меня без возражений.

Солдаты, в отличие от них, были — само любопытство. Они спросили, как меня зовут, откуда я и в каком чине (последнее — видимо, полагая, что наша гильдия устроена на военный манер). Они спросили, где мой топор, а когда я просвятил их, чем мы пользуемся в работе, — где мой меч. Я объяснил, что со мной — женщина, которая присмотрит за мечом, и тогда они предположили, что она может удрать с ним, а после присоветовали припрятать для нее хлеба под плащом,

так как женщины в трапезную не допускаются. Оказалось, в походе все они, кто постарше, время от времени берут на содержание женщин — маркитанток, то есть спутниц самого полезного и безопасного свойства. Прошлым летом эти солдаты воевали на севере, а на зиму были отведены в Нессус, где занимались поддержанием общественного порядка. Теперь они снова ожидали отправки на север — самое большее, через неделю. Женщины же их на зиму вернулись в родные деревни, к родителям или родственникам. Тут я спросил, отчего эти женщины не захотели отправиться с солдатами на юг.

— Они-то хотели, — отвечал мой приятель, — как им не хотеть! Да только дело это — безнадежное. Когда кавалерия расчищает армии путь на север, за ней легко поспеть — продвигаемся в лучшие дни на лигу или на две. Если за неделю вычистим три, то — будь уверен, две из них потеряем на следующей. А вот на обратном пути им за нами не угнаться. Пятнадцать лиг в день! Чем они будут кормиться по дороге? Лучше уж подождать зиму. Если на наше место придет новый зенагий, будут у них новые дружки. К тому же кое-кто из старых девчонок и не придет, а вместо них появятся новые — чем плохо? Я слыхал, вчера

вечером принесли еще одного из ваших, из казнедеев, но он был при смерти. Ты еще не видел его?

Я ответил, что — нет.

— Один из патрулей доложил, что видели его в городе; хилиарх услыхал и отправил их привести его — нам, сказал, не сегодня-завтра потребуется. Ребята клянутся, будто пальцем его не тронули, однако вот — на носилках принесли. Не знаю, товарищ он тебе или как, но, может, ты захочешь взглянуть на него.

Я сказал, что обязательно навещу его и, поблагодарив солдат за гостеприимство, покинул трапезную — мне не давала покоя тревога за Доркас, вызванная их расспросами, хотя расспрашивали они наверняка просто из любопытства. Вдобавок слишком уж многое осталось без объяснений — как, например, меня ранили, если только под казнедеем, принесенным накануне в лазарет на носилках, имелся в виду именно я; откуда взялась Доркас… Впрочем, меня не столько тревожили ответы, сколько то смутное ощущение, знакомое каждому, в чьей жизни имеется нечто, не подлежащее огласке: неважно, как бы далек ни был вопрос от запретной темы, следующий может проникнуть в самое сердце ее.

Доркас уже проснулась. Она стояла возле моей

койки, на которую кто-то поставил миску горячей похлебки.

Увидев меня, она так обрадовалась, что радость ее, точно чума, передалась и мне.

— Я уже думала, ты умер, — сказала она. — Проснулась — нет ни тебя, ни одежды и решила, что тебя одели, чтобы похоронить.

— Со мной все в порядке, — ответил я. — Что случилось вчера вечером? — Доркас тут же сделалась предельно серьезна. Я усадил ее рядом с собою на койку и заставил съесть принесенный мною хлеб и суп. Между делом она начала рассказ:

— Ты, наверное, помнишь, как дрался с тем человеком в странном шлеме. Ты надел маску и вышел с ним на арену, хотя я умоляла тебя не делать этого. Он почти сразу же попал тебе в грудь, и ты упал. До сих пор не могу забыть тот лист — он, совсем как пиявка из черного железа, наполовину вошел в твое тело и покраснел, насосавшись крови. А потом — отвалился. Не знаю, как описать… словно все это не могло быть на самом деле. Но все же было — я отчетливо помню, что видела. Ты поднялся и выглядел при этом так… ну, не знаю. Будто не понимал, где находишься, или же какая-то часть тебя унеслась

далеко-далеко… Тот человек хотел тут же добить тебя, но эфор заступился и сказал, что он должен подождать, пока ты не поднимешь свой аверн. И тут твой аверн заизвивался и раскрыл цветок. Тогда я подумала, что он, наверное, распустился прежде, только сейчас поняла, что он, быть может, не раскрывался вовсе — просто я слишком явственно представила себе распустившуюся розу. У него словно бы появилось лицо — такое, как… Если бы яд имел лицо, оно было бы точно таким. Но ты не замечал ничего. Ты поднял аверн, и он — медленно, точно еще не совсем проснулся — потянулся к тебе. Но твой противник, гиппарх, не мог поверить собственным глазам. Он смотрел и смотрел на тебя; та женщина, Агия, что-то крикнула ему, и он пустился бежать. Люди, что смотрели на поединок, не хотели выпускать его — им хотелось видеть чью-либо смерть. Они попытались его остановить, и тогда он…

Глаза Доркас наполнились слезами. Она отвернулась, чтобы скрыть свою слабость, и я сказал:

— Он хлестнул по толпе аверном и, наверное, убил человек десять, да? А что было после?

— Он не просто хлестнул… После первых двух сам аверн метнулся к людям, словно змея. Те, кто был ужален листьями, умерли не сразу — они

закричали, и некоторые бросились бежать, падали, поднимались и снова бежали, как слепые, сбивая с ног других. Наконец какой-то большой, сильный человек ударил гиппарха сзади, и еще подошла женщина с бракемаром — наверное, она тоже дралась с кем-то… Она разрубила аверн — не сбоку, но вдоль стебля, расщепив его надвое. Тогда гиппарха схватили, и я услышала, как ее клинок зазвенел о его шлем. А ты просто стоял на месте, быть может, даже не понимая, что противник сбежал, а аверн медленно тянется к твоему лицу. Я вспомнила, как поступила та женщина, и ударила его твоим мечом. Меч поначалу был так тяжел, а после — словно и вовсе утратил вес. Но, когда я опустила его, удар, казалось, мог снести голову бизону. Только вот я забыла снять с него ножны… Но все же удар выбил из твоих рук аверн, и я увела тебя.

— Куда? — спросил я.

Доркас вздрогнула и макнула кусочек хлеба в миску с дымящимся супом.

— Не знаю. Мне было все равно. Просто — так хорошо было идти с тобой и знать, что я забочусь о тебе, как ты заботился обо мне перед тем, как мы сорвали аверн. Но наступила ночь, и я замерзла — ужасно замерзла. Я укутала тебя плащом по-

плотнее и застегнула его спереди, и ты, казалось, не мерз, потому я завернулась в твою накидку. Платье мое совсем развалилось…

— Помнишь, — сказал я, — там, в харчевне, я собирался купить тебе новое?

Она покачала головой, разжевывая хрустящую корочку.

— Знаешь, кажется, я давным-давно ничего не ела. Желудок очень болел — я из-за этого пила вчера вино… А теперь стало лучше. До этого я даже не понимала, насколько ослабела… Но мне не хотелось нового платья. Носить его пришлось бы долго, и оно постоянно напоминало бы мне о вчерашнем дне. Давай лучше купим платье сегодня, если ты не передумал. Оно будет напоминать мне этот день — день, когда думала что ты умер, а оказалось, что с тобою все хорошо. Как бы там ни было, мы все же вернулись в город. Я надеялась отыскать какое-нибудь место, где можно было бы уложить тебя в постель, но вокруг были только большие особняки с террасами и балюстрадами. Тут к нам подъехали солдаты и спросили, не казнедей ли ты. Я не слышала раньше этого слова, но помнила, что ты говорил о себе, и сказала им, что ты палач, — солдаты всегда казались мне сродни палачам, и я была уверена, что они нам

помогут. Они хотели было усадить тебя в седло, но ты не мог удержаться. Тогда они привязали несколько плащей между двух копий и уложили тебя на них, а концы копий вдели в стремена двух лошадей. Один предложил взять меня в седло, но я отказалась и всю дорогу шла рядом и говорила с тобой, только ты, кажется, не слышал…

Она допила суп.

— А теперь я тоже хочу тебя спросить. Когда я мылась там, за ширмами, то слышала, как вы с Агией шептались о какой-то записке. А потом ты разыскивал кого-то в харчевне. Расскажешь, что произошло?

— Почему же ты не спрашивала об этом прежде?

— Из-за Агии. Я не хотела, чтобы она знала то, что удалось узнать тебе.

— Да ведь она вполне могла и сама додуматься до всего, до чего мог бы додуматься я. Я не слишком-то хорошо знал ее — честно говоря, я, кажется, тебя знаю гораздо лучше, — но все же знаю ее достаточно, чтобы понимать, что она гораздо сообразительнее меня.

Доркас покачала головой.

— Нет. Она из тех женщин, у которых прекрасно получается придумывать загадки, но не

разгадывать те, что придуманы не ими. Пожалуй, она мыслит… как бы это сказать… обиняками. И проследить ход ее мыслей не сможет никто. О таких женщинах говорят, что они мыслят по-мужски, но на самом деле их мышление похоже на мужское еще меньше, чем мышление прочих женщин. Они просто мыслят не по-женски. Да, ход их мыслей тяжело проследить, но это вовсе не говорит об их сообразительности или же глубине ума.

Я рассказал о записке и о том, что в ней было написано, упомянув, что, хоть записка и была уничтожена, я скопировал ее на листе бумаги из харчевни и притом обнаружил, что бумага и чернила — те же самые.

— Значит, кто-то написал ее прямо там, — задумчиво проговорила Доркас. — Видимо, один из слуг — он назвал конюха по имени. Но что это все могло значить?

— Понятия не имею.

— Я могу догадаться, отчего ее положили именно на то место. Там, на этой кушетке, сначала сидела я. Ты не помнишь — официант, принесший поднос, поставил его на стол до того, как я ушла мыться, или после?

— Я помню абсолютно все, — сказал я. — Кроме

прошлой ночи. Агия села в кресло, ты — на кушетку, а после я сел рядом с тобой. Я нес аверн, привязанный к жерди, и меч, и прежде чем сесть, положил жердь с аверном за кушетку. Затем пришла служанка с водой и полотенцами для тебя, потом она вышла и вернулась, принеся мне масло и ветошь…

— Ты, кажется, дал ей что-то, — заметила Доркас.

— Да, я дал ей орихальк, чтобы она принесла ширму. За эти деньги ей, наверное, приходится работать целую неделю… В общем, ты ушла мыться, а вскоре после этого харчевник привел официанта с подносом.

— Вот, значит, почему я ее не видела… Но официант, должно быть, понял, где я сижу, потому что больше свободных мест не было. Он оставил записку под подносом в надежде, что я найду ее, когда вернусь. Еще раз — с чего там начиналось?

— «Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей».

— Значит, записка предназначалась мне. Будь она для тебя, там было бы определенное указание на меня или Агию. Хотя бы по цвету волос… Если бы она была адресована Агии, ее положили бы на другой край стола — так, чтобы ее нашла она.

— Значит, ты напомнила кому-то его мать…

— Да.

На глазах Доркас снова выступили слезы. — Но ты еще слишком молода, чтобы иметь ребенка, который в состоянии написать подобную записку…

— Не помню.

С этими словами она спрятала лицо в широких складках накидки.

Глава 29
Агилюс

Осмотрев меня и решив, что в лечении нет нужды, дежурный лекарь попросил нас покинуть лазарет — мой плащ и меч, как он выразился, «отрицательно влияли на прочих пациентов».

На противоположной стороне того здания, где я обедал с солдатами, нашлась лавочка, с товарами, отвечавшими всем их надобностям. Среди поддельных драгоценностей и прочих безделок, какие солдаты обычно дарят своим возлюбленным, была там и женская одежда. Хотя кошелек мой и был сильно истощен ужином в харчевне «Утраченная Любовь», куда мы так и не вернулись, я смог купить Доркас зимар.

Неподалеку от лавки был вход в Зал Правосудия, перед которым собралась толпа человек в сто. Завидев мой плащ цвета сажи, собравшиеся начали подталкивать друг друга локтями, указывая на меня, и мы вновь отступили на двор, полный горячих боевых коней. Там нас и разыскал бейлиф из Зала Правосудия — величественный человек с высоким, белым, как

кувшин, лбом.

— Ты — казнедей, — сказал он. — И мне было сказано, что ты достаточно искушен в своем ремесле, чтобы отправлять обязанности такового.

Я ответил, что сегодня же могу сделать все необходимое, если его начальство того требует.

— Сегодня? Нет, это невозможно. Слушание будет закончено только вечером.

Я заметил, что он, видимо, нимало не сомневается в том, что подсудимый будет признан виновным, если пришел убедиться в моей пригодности к совершению казни.

— О невиновности не может быть и речи — в конце концов, девять человек погибли, и он был схвачен с поличным. Поскольку он не принадлежит к высшим сословиям и не занимает видного общественного положения, возможность помилования либо апелляции также исключена. Приговор трибунала будет объявлен завтра поутру, посему ты понадобишься не раньше полудня.

Опыта общения с судьями или судебными чиновниками у меня не было (наших пациентов всегда присылали прямо в Цитадель, а с чиновниками, приезжавшими порой для получения справок относительно того или иного дела, всегда беседовал мастер Гурло). Вдобавок мне не терпе-

лось впервые самостоятельно выполнить работу, к которой меня так долго готовили, и потому я спросил, отчего бы хилиарху не устроить казнь при свете факелов еще ночью.

— Как можно? Он должен подобающим образом обдумать и взвесить свое решение! Иначе — как это будет выглядеть? И без того уже множество народу считает, будто военные власти слишком торопливы и даже своенравны! Сказать по чести, гражданский судья, вероятно, ждал бы с неделю, и делу это пошло бы только на пользу — времени было бы достаточно для того, чтобы открылись какие-либо обстоятельства, представляющие дело в ином свете. Конечно, этого не случилось бы — но тем не менее…

— Выходит, завтра после полудня, — сказал я. — Нам потребуется квартира для ночлега. К тому же, мне нужно осмотреть плаху и эшафот и подготовить пациента. Мне нужно письменное разрешение на встречу с ним?

Бейлиф спросил, не можем ли мы переночевать в лазарете. Я покачал головой, и тогда все мы отправились в лазарет, где бейлиф принялся ругаться с дежурным лекарем, который, как я и предполагал, отказался предоставить нам кров еще на одну ночь. Засим последовал долгий спор с

нестроевым унтером зенагия, который объяснил, что нам никак невозможно ночевать в казармах с солдатами, а если мы воспользуемся одной из комнат, зарезервированных для высших чинов, в ней после этого никто не захочет жить. В конце концов для нас очистили крохотную кладовку без окон и принесли туда две кровати и еще кое-какую (изрядно, надо заметить, попользованную) мебель. Оставив там Доркас, я убедился, что не наступлю на прогнившую доску в самый ответственный момент и что голову пациента не придется отпиливать, уложив его на собственное колено, и, согласно нашим традициям, отправился в камеры — представиться пациенту.

Разница (пусть субъективная) между привычными и непривычными тюремными сооружениями — огромна! Спустившись в наши темницы, я в буквальном смысле слова — почувствовал бы, что возвращаюсь домой — хотя бы только для того, чтобы умереть. Да, я понимал бы, что извилистые железные коридоры и узкие, мрачные двери могут повергать заключенных в ужас, но сам нимало не ужаснулся бы. И, удивись этому кто-нибудь из соседей, перечислил бы ему множество разнообразных преимуществ тюремной жизни — чистые простыни, теплые одеяла,

регулярное питание, пристойное освещение, уединение и покой, нарушаемые кем бы то ни было лишь изредка, и так далее.

Теперь же, спускаясь по узкой винтовой лестнице из камня вниз, в темницы, во сто раз меньше наших, я испытывал прямо противоположные чувства. Темнота и нестерпимая вонь давили на меня тяжким грузом. В голове все время вертелась, как ни старался я гнать ее прочь, одна мысль: ведь я и сам волею случая (не поняв приказа либо невольно разозлив чем-нибудь бейлифа) могу оказаться заточенным здесь!

Из-за дверей до меня донесся женский плач. Поскольку бейлиф говорил о мужчине, я решил, что ошибся камерой. Моя должна была быть третьей справа. Двери были вполне обычными — деревянными, окованными железом, однако замки оказались тщательно смазанными. Вот она, военная дисциплина! Я сосчитал двери и отпер нужную, причем плач, стоило мне отодвинуть засов, затих.

Внутри, на соломе, лежал обнаженный человек. Железный ошейник его был прикован цепью к кольцу в стене. Над ним склонилась женщина, также обнаженная, и длинные темные волосы ее, ниспадая, закрывали их лица, точно объеди-

няя их в одно целое. Женщина подняла на меня взгляд, и я узнал Агию.

— Агилюс! — прошипела она.

Лежавший на соломе человек сел. Лица их были столь схожи, что Агия, казалось, держала перед собою зеркало.

— Это был ты, — сказал я, тут же вспомнив мелькнувшую под шлемом черную ленту и то, как вела себя Агия на Кровавом Поле. — Но это невозможно!

— Он умрет, — сказала Агия. — Умрет, потому что ты жив!

Я не нашелся, что ответить ей.

— Это и вправду был Агилюс?

— Конечно. — Голос моего пациента звучал октавой ниже, чем у его сестры, однако вовсе не так твердо. — А ты до сих пор не понял?

Я только покачал головой.

— Там, в лавке, была Агия. В костюме Серпентриона. Она вошла через заднюю дверь, и, когда ты и слышать не захотел о продаже меча, я подал ей знак.

— Мне нельзя было говорить, — сказала Агия, — иначе ты бы понял, что голос — женский. Но кираса скрыла мои груди, а перчатки — руки. А мужской походке подражать проще, чем это

кажется мужчинам.

— Ты хоть разглядел этот меч? Там ведь клеймо! — Агилюс поднял руки, точно держа в них мой меч.

— Ну да, — бесцветным, ничего не выражающим тоном добавила Агия. — Ювиниан. Я видела в харчевне.

Высоко над ними в стене имелось крохотное оконце и сквозь него в камеру вдруг, словно ветер сдвинул с места нависшую над крышей тучу, упал солнечный луч. Я вгляделся в их залитые солнцем лица.

— Вы хотели убить меня. Лишь для того, чтобы завладеть моим мечом…

— Я надеялся, что ты оставишь его в лавке, — сказал Агилюс. — Помнишь? Я хотел убедить тебя бежать переодевшись. Я дал бы тебе и одежду и денег — сколько смог бы.

— Северьян, неужели ты не понимаешь? Этот меч стоит вдесятеро дороже нашей лавки, а эта лавка — все, что у нас есть!

— Вы проделывали такое и прежде. Наверняка. Слишком уж гладко все вышло. Совершенно законное убийство, незачем прятать тело…

— Но и ты собираешься убить Агилюса, разве нет? Ты ведь пришел из-за этого, хотя не знал, кто

за дверью, пока не открыл ее. Чем же ты отличаешься от нас?

— Бой был честным, — несколько мягче сказал Агилюс. — На равном оружии, и условия ты принял. А завтра — будет так же?

— Ты знал, что с наступлением вечера тепло моей руки оживит аверн и он ужалит меня в лицо. А сам был в перчатках, поэтому тебе-то оставалось только подождать. И даже ждать не нужно было — ты до этого наверняка достаточно напрактиковался в метании листьев.

— Ну да, — улыбнулся Агилюс, — перчатки дела не решали. И я было победил. — Он развел руками. — Однако в конечном счете выиграл ты — при помощи какого-то тайного мастерства, непонятного нам с сестрой. Я был обижен тобою трижды, а древний закон гласит, что трижды обиженный вправе требовать у обидчика выполнения любой просьбы. Конечно, этот закон давно не имеет силы, но сестренка говорит, что ты питаешь слабость к древним временам, к эпохе величия вашей гильдии, когда ваша крепость была центром Содружества. Вот моя просьба: освободи меня!

Агия поднялась, отряхнула солому с коленей и бедер и, словно только теперь осознав, что об-

нажена, подняла с пола свое столь памятное для меня парчовое платье и закуталась в него.

— Чем же я обидел тебя, Агилюс? — спросил я. — По-моему, это ты обидел меня. Во всяком случае, пытался обидеть…

— Во-первых, ты заманил меня в ловушку. Ты носил при себе, напоказ всему городу, древность, стоящую дороже виллы, и даже не знал, чем владеешь, хотя владелец обязан это знать, и твое невежество завтра будет стоить мне жизни, если только ты не освободишь меня сегодня. Во-вторых, ты отказался от переговоров о купле-продаже. В нашем же торговом сообществе каждый может назначать любую цену, какую только пожелает, но отказ продать товар по какой бы то ни было цене есть тяжкое преступление. Мы с Агией только рядились в причудливый варварский доспех — ты же носишь в груди сердце варвара. И, в-третьих, ты победил меня в поединке, прибегнув к шулерскому трюку. В отличие от тебя, я обнаружил, что оказался лицом к лицу с силой гораздо выше моего разумения. Это лишило меня мужества, и я бежал — так поступил бы любой на моем месте. И вот — я здесь. И призываю тебя выпустить меня на свободу.

Помимо воли из горла моего вырвался смех,

принесший с собой горечь желчи.

— Ты, которого я имею все основания презирать, просишь меня о том, чего я не сделал бы и для Теклы — той, которую любил больше собственной жизни. Нет. Я — глупец, и, если не был им до сих пор, твоя сестрица, несомненно, сделала из меня глупца. Но все же я не настолько глуп.

Платье Агии упало на пол, и она бросилась ко мне столь стремительно, что я решил, будто она собирается напасть на меня. Однако она, покрыв лицо мое поцелуями, схватила мои ладони и положила одну себе на грудь, другую же — на бархатный холмик меж бедер, на которых, как и на спине, еще оставались гнилые соломины.

— Северьян, я люблю тебя! Я хотела тебя все время, пока мы были вместе, и раз двадцать пыталась отдаться тебе! Разве ты забыл, как я старалась увести тебя в Сад Наслаждений? Он и вправду стал бы для нас садом истинных наслаждений, но… ты не пошел! Хоть раз будь честен… (В ее устах честность словно бы превратилась в нечто ненормальное, наподобие некоей мании.) Разве ты не любишь меня? Возьми меня сейчас… здесь… Агилюс отвернется, я обещаю.

Пальцы ее скользнули по моему животу, пробираясь под пояс, и я не замечал, что другая ее

рука подняла клапан ташки, пока не услышал шелест бумаги.

Я поймал ее запястье, пожалуй, сжав его сильнее, чем следовало, и она хотела было вцепиться ногтями мне в лицо — точно так же порой, не в силах больше вынести мыслей о заточении и боли, делала Текла. Я оттолкнул ее, и на сей раз за ее спиною не оказалось кресла. Агия ударилась головою о стену — и, хотя ее пышные волосы должны были смягчить удар, звук вышел резким, будто это каменщик ударил по кирпичу молотком. Лишившись сил, сползла она по стене вниз и опустилась на солому. Никогда не подумал бы, что Агия способна плакать, но все же она заплакала.

— Что она сделала? — спросил Агилюс, и голос его не выражал ничего, кроме любопытства.

— Ты, без сомнения, видел и сам. Она хотела залезть в мою ташку. — Я выгреб все оставшиеся монеты из кармашка, в котором хранил деньги: два медных орихалька и семь аэсов. — Быть может, хотела украсть письмо к архону Тракса. Однажды я упоминал о нем при ней, однако ношу его не здесь.

— Нет, ей наверняка нужны были деньги. Меня-то здесь кормят, а вот она, должно быть, жутко

голодна.

Я поднял Агию, сунул ей в руки разорванное платье и вывел ее в коридор. Она еще не вполне пришла в себя, но, стоило дать ей орихальк, швырнула его на пол и плюнула на него.

Вернувшись в камеру, я застал Агилюса сидящим скрестив ноги и прислонившись спиною к стене.

— Только не спрашивай о ней меня, — сказал он. — Все твои подозрения верны — этого тебе хватит? Завтра я умру, а она выйдет замуж за того старика, что положил на нее глаз, или еще за кого-нибудь. Чем скорее она это сделает, тем лучше. Раньше я этому был помехой, а теперь меня не станет…

— Да, завтра ты умрешь, — сказал я. — Я как раз хотел поговорить об этом. Тебе все равно, как будешь выглядеть на эшафоте?

Он опустил взгляд к своим рукам, мягким и тонким, лежавшим на коленях в луче солнечного света.

— Нет. Она может прийти. Надеюсь, что не придет, однако — нет, мне не все равно.

Тогда я (как меня учили) велел ему с утра есть поменьше, чтобы не стошнило, когда придет время, и загодя опорожнить мочевой пузырь,

расслабляющийся при ударе. Вдобавок я выложил ему о порядке процедуры всю ту выдумку, что обычно рассказывают приговоренным, чтобы удар оказался для них неожиданным — это делается для того, чтобы человек испытал перед смертью хоть чуточку меньше страха. Я не знал, поверил ли он мне, но надеялся на это — если и существует на свете ложь, праведная пред очами Панкреатора, моя была именно такова.

Покинув камеру, я не нашел на полу своего орихалька. На том месте, куда он упал — и, несомненно, ребром той монеты — на грязных камнях было нацарапано что-то, что могло бы оказаться свирепым лицом Джурупари, или, скажем, картой, испещренной совершенно незнакомыми мне письменами. Я стер рисунок подошвой.

Глава 30
Ночь

Их было пятеро — трое мужчин и две женщины. Ждали за дверьми — только не у самых дверей, а в дюжине шагов от них. В ожидании они разговаривали, по двое-трое одновременно, почти крича; хохотали, размахивали руками, подталкивали друг друга локтем. Некоторое время я наблюдал за ними из тени. Они не могли заметить — либо просто не замечали — меня там, а я вполне мог делать вид, будто не понимаю, зачем они здесь. Могло статься, что у них просто какой-то праздник — все они были слегка пьяны.

Они приблизились — нетерпеливо, но все же не без колебаний, словно решившись преодолеть боязнь быть прогнанными. Один из мужчин, без сомнения, незаконный сын какого-нибудь экзультанта, был гораздо выше меня ростом и почти так же толст, как хозяин харчевни «Утраченная Любовь». На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Рядом с ним, почти прижавшись к нему, шла худая женщина лет двадцати — я никогда не видел взгляда голоднее, чем у нее.

Когда пожилой толстяк оказался передо мною, загородив мне путь брюхом, она подошла ко мне совсем вплотную — чудом казалось то, что тела наши не соприкоснулись. Ее длинные пальцы потянулись к моему плащу, точно гладя мою грудь, однако не касаясь ее, и мне показалось, что я вот-вот паду жертвой какого-то призрака-кровопийцы — суккуба или, быть может, ламии. Остальные, сгрудившись вокруг, едва не прижали меня к стене.

— Значит, завтра, да? А что при этом чувствуешь? Как твое настоящее имя? А он — злодей, да? Чудовище? — Вопросы сыпались градом — видимо, спрашивавшие и не ожидали и даже не желали на них ответов. Им нужны были лишь ощущения от близости ко мне и беседы со мною. — Ты будешь ломать его на колесе? А клеймение будет? А женщин убивать тебе доводилось?

— Да, — сказал я. — Один раз.

Один из мужчин — низенький, хрупкого сложения, с высоким, выпуклым лбом интеллектуала — вложил в мою ладонь азими.

— Я знаю, ваш брат получает не так уж много, а преступник — нищ, от него чаевых ждать не приходится.

Женщина с распущенными седыми космами сунула мне носовой платок, обшитый по краю кружевом.

— Намочи его в крови. Хочешь, вымочи весь или — только уголочек. Я тебе после заплачу.

Все они были омерзительны и жалки, но одного мне стало и вправду жаль. То был человек еще ниже ростом, чем давший мне денег, и еще более седой, чем женщина с распущенными волосами. Тусклый взгляд его был исполнен безумия; казалось, его глазами смотрит на мир тень некоей непрестанной тревоги — подавленной заключением в темнице разума, лишившейся жажды вырваться наружу, но сохранившей все свои силы в целости. Он явно ждал, когда остальные четверо закончат говорить, но этому, видимо, не суждено было произойти никогда, и потому я жестом велел им замолчать и спросил, чего он хочет.

— Г-г-господин, на «Квазаре» была у меня паракои-та — к-к-кукла, так сказать, геникий (То есть часть дома, где жили женщины. Слово греческое.) моей каюты; прекрасная кукла с огромными, темными, точно колодцы, зрачками, а р-р-радужки, окружавшие их, были пурпурными, словно астры или же анютины глазки в весеннем цвету,

г-г-господин; пожалуй, целые с-с-сады цветов потребовались, дабы изготовить эти глаза, это тело, что, казалось, всегда было согрето солнцем! И г-г-где же она теперь, моя красавица, милая моя? Да укрепятся крюки на месте р-р-рук, что украли ее! Сокруши их каменной плитою, господин! Куда пропала она из ящика лимонного дерева, сделанного мной для нее, где не спала она ни разу, лежа ночи напролет со мною — со мною, а вовсе не в ящике, где ждала она меня целыми днями — стражу за стражей, господин! — улыбаясь, когда я укладывал ее туда, и радуясь тому, что вновь улыбнется мне, когда я вернусь и выну ее? Сколь мягки были ее руки — ее маленькие ладошки! Точно г-г-голубки! Она порхала бы по каюте, трепеща ими, словно крылышками, если бы не предпочитала вместо того лежать со мною! Н-н-намотай же к-к-кишки их на свой ворот, вынь очи их и вложи им в уста! Сбрей их мужские члены острою бритвой, сбрей начисто, дабы их девки не узнали их, дабы прогнали их прочь их возлюбленные, дабы с горячих губ шлюх летел им вослед жгучий смех! Да будет воля твоя над преступными, утратившими без остатка чувство сострадания к невинным! Когда же восплачут они, когда же дрогнут сердца их? Что за люди

способны на то, что содеяли они — воры, лицемеры, предатели, убийцы и хищники! Не будь тебя, г-г-господин, что было бы их ночным кошмаром, кто свершил бы возмездие?! Где были бы цепи их, путы, колодки и кандалы? Где были бы иглы, что ослепят их, где был бы жернов, что перемелет суставы их, кто сбросил бы их со скалы и раздробил их кости? О, где же, где же она — любимая, потерянная мною?!

Доркас сорвала маргаритку и воткнула ее в волосы но, пока мы гуляли за стенами крепости (я был закутан в плащ, так что с расстояния в несколько шагов любой сторонний наблюдатель решил бы, что она гуляет одна), цветок закрылся на ночь, и тогда она сорвала взамен один из тех белых, формой подобных трубе, цветов, которые называются луноцветом, поскольку в зеленом свете луны кажутся зелеными. Нам не было нужды в разговорах: мы были одни, и этого нам хватало, и руки наши, крепко сжимая друг дружку, говорили об этом без слов. В крепость вереницами тянулись повозки поставщиков армии — солдаты готовились выступить в поход. На фоне Городской Стены, окружавшей нас с востока и севера, стена, огораживавшая казармы и административные здания, казалась не

более чем детской игрушкой, песчаной постройкой, которую вот-вот смоет случайная волна. К югу и западу от нас простиралось Кровавое Поле. Раздался звук горна, за ним последовали возгласы новых бойцов, разыскивавших своих противников. Наверное, и я и Доркас какое-то время боялись, что другой предложит пойти и посмотреть бои, но ни один из нас не стал предлагать этого.

Горн на Стене протрубил во второй раз, и мы, раздобыв огарок свечи, вернулись в свою комнатушку без окон и очага. Дверь ее не запиралась, но мы придвинули к ней стол, водрузив на него свечу. Я предупредил Доркас, что она вольна уйти, если хочет, и что после ее всю жизнь будут звать палаческой подстилкой, отдающейся прямо под эшафотом за обагренные кровью деньги.

— Что ж, — сказала она, снимая коричневую накидку (свисавшую до пят, а порой, когда она забывала подоткнуть ее, волочившуюся по земле) и оглаживая грубую, желтоватую льняную ткань зимара, — эти деньги уже накормили и одели меня.

Я спросил, не боится ли она.

— Боюсь, — ответила она.

И тут же поспешила добавить:

— Нет, не тебя!

— Чего же?

Я снял одежду. Стоило ей лишь попросить, я не коснулся бы ее и пальцем, однако мне хотелось, чтобы она просила — умоляла — об этом. Тогда наслаждение воздержанием было бы, возможно, даже сильнее, чем удовольствие от обладания ею. К тому же очень приятно было бы осознавать, что, пощади я ее, следующей ночью она будет чувствовать себя еще более обязанной мне.

— Себя самой. Тех мыслей и воспоминаний, что могут вернуться ко мне, если я снова лягу с мужчиной.

— Снова? Ты вспомнила, что бывало у тебя прежде? — Доркас покачала головой.

— Нет. Но я уверена, что — не девственница. Мне много раз хотелось тебя — и вчера и сегодня. Как ты думаешь, для кого я мылась? А прошлой ночью, пока ты спал, держала тебя за руку и представляла себе, будто мы лежим вместе, уже насытившись друг другом. И чувство насыщения оказалось так же знакомо мне, как и желание — выходит, до этого я знала хотя бы одного мужчину. Хочешь, я сниму это, прежде чем задуть свечу?

Тело ее было стройным, груди — высоки и пыш-

ны, а бедра — узки. Она выглядела до странного по-детски и в то же время — вполне созревшей женщиной.

— Ты такая маленькая, — сказал я, прижимая ее к себе.

— А ты — такой большой…

Тогда я понял, что все мои старания не сделать ей больно — и в ту ночь и во все последующие — будут напрасны. Понял я и то, что уже не смогу удержаться. Мгновением раньше смог бы, попроси она о том, но теперь… Я не мог. Я стремился вперед, ничуть не боясь напороться на рожон привязанности и, быть может, ревности.

Однако распятым на колу оказалось вовсе не мое, но ее тело. Мы стояли посреди комнаты, я гладил ее и целовал груди, округлые, точно половинки чудесных мягких плодов, а после поднял ее, и вместе упали мы на одну из кроватей. Доркас вскрикнула от боли и наслаждения и оттолкнула меня, дабы тут же вновь привлечь к себе.

— Как хорошо… как хорошо…

Она укусила меня в плечо. Тело ее выгнулось, словно туго натянутый лук.

Позже мы сдвинули кровати, чтобы лечь рядом. Во второй раз все вышло медленнее; от третьего же она отказалась, сказав:

— Тебе завтра понадобятся силы.

— Тогда тебе-то что за забота?

— Будь по-нашему, ни единый мужчина не скитался бы без приюта и не проливал крови. Но ведь миром правят не женщины… И все вы — палачи, каждый в своем роде…

Той ночью пошел дождь — столь сильный, что казалось, будто по черепице над нашими головами грохочет вечный, всеочищающий, всесокрушающий водопад. Я задремал, и мне приснилось, будто мир перевернулся кверху ногами, и Гьолл извергает на нас все воды свои, всю свою рыбу, и ил, и все водяные цветы. Я снова видел лицо, явившееся передо мною под водой, когда я едва не утонул. Огромное, кораллово-белое, оно улыбалось с неба, обнажив в улыбке игольно-острые зубы.

Тракс называют Градом Без Окон… Быть может, подумал я, наша каморка — приготовление к жизни в Траксе? Да, Тракс будет таким же… А может быть, мы с Доркас — уже там, и он вовсе не так уж далеко на севере, как я полагал или как внушали мне…

Доркас поднялась, чтобы выйти, и я отправился с нею — одной ей расхаживать ночью по крепости, где так много солдат, было бы небезопасно.

Коридор, куда выходила дверь нашей комнаты, пролегал вдоль наружной стены со множеством амбразур, сквозь каждую из которых внутрь заплескивала дождевая вода.

Мне не хотелось вынимать из ножен «Терминус Эст», но столь большой меч в случае чего быстро не выхватить… Вернувшись в комнату и снова придвинув стол к дверям, я извлек из ташки брусок и принялся оттачивать лезвие, пока рабочая его часть — последняя треть — не разделила надвое парящую в воздухе нить. Протерев и смазав клинок, я прислонил меч к стене у изголовья.

Завтра я в первый раз выйду на эшафот, если только хилиарх в последний момент не решит проявить милосердие. Такая возможность, такой риск — присутствуют всегда. История показывает, что каждая эпоха отличается своим, общепризнанным неврозом, и наш, как говорил мастер Палаэмон, — милосердие. Что ж, все лучше, чем ничего. Вдобавок, если людской закон не нуждается в последовательности, то и правосудие быть последовательным вовсе не обязано. В книге с коричневым переплетом был приведен диалог между двумя мистиками, один из которых утверждал, будто культура есть результат представления Предвечного в виде существа

логичного и справедливого, самой сутью своею вынужденного выполнять свои обещания и угрозы. Думаю, будь оно так, мы — на грани падения, причем вторжение с севера, сопротивляясь которому столь многие отдали свои жизни, подобно ветру, что рушит на землю насквозь прогнившее дерево.

Правосудие, справедливость — понятия высшего порядка; в ту ночь я был молод и посему желал только высокого. Наверное, именно поэтому мне хотелось, чтобы наша гильдия вновь обрела вес и влияние, какими обладала когда-то. (Да, я желал этого и после изгнания!) Быть может, по той же причине любовь ко всему живому, столь сильная во мне, пока я был ребенком, к тому моменту, как я нашел возле Медвежьей Башни беднягу Трискеля, истекающего кровью, стала лишь воспоминанием. В конце концов, жизнь не принадлежит к высшим понятиям; во многих случаях она и вовсе — нечто, противоположное чистоте. Теперь, хотя времени прошло совсем немного, я стал мудрее, и понимаю, что обладать всем, и низшим и высшим, гораздо лучше, чем только высшим.

Значит, завтра я лишу Агилюса жизни, если только хилиарх не дарует ему помилование.

Лишу жизни… Кто знает, что может означать это? Тело есть совокупность клеток (когда мастер Палаэмон говорил об этом, я неизменно представлял себе наши темницы). Будучи разделено на две достаточно большие части, оно гибнет. Но к чему оплакивать гибель совокупности клеток? Такая совокупность гибнет всякий раз, как в духовку пекаря отправляется очередной комок теста! Если человек — всего лишь совокупность, колония клеток, то человек — ничто. Но инстинктивно мы понимаем, что человек все-таки есть нечто большее. Что же случается с этой, главной его частью, когда гибнут клетки?

Возможно, она гибнет вместе с ними, только медленнее. На свете есть множество зданий, мостов и туннелей, населенных духами, но я слышал, что в тех случаях, когда дух принадлежит человеку, а не стихии, со временем он появляется все реже и реже, пока, в конце концов, не исчезнет вовсе. Историографы утверждают, будто в далеком прошлом люди не знали других миров, кроме Урса, не боялись зверей, населявших его в те времена, и свободно путешествовали с нашего континента на северный, однако ж никто никогда не видел призраков этих людей!

Возможно также, что это нечто погибает сразу

же — или уходит к звездам. Конечно, Урс — не более чем захолустная деревушка в бескрайних просторах мироздания; если дом человека, живущего в деревне, сожжен соседями, он уйдет из деревни прочь или же сгорит вместе с домом. Но в нашем случае вопрос — ушел он или сгорел — остается открытым…

Мастер Гурло, свершивший множество казней, не раз говаривал, что лишь глупец боится мелких погрешностей в отправлении ритуала — скажем, поскользнуться в крови или, не заметив, что пациент носил парик, попытаться поднять отрубленную голову за волосы. Гораздо опаснее, утратив твердость духа, позволить рукам задрожать, отчего удар выйдет неуклюж, или же, поддавшись чувству гнева, превратить акт правосудия в тривиальную месть… Прежде чем снова заснуть, я изо всех сил постарался очистить разум свой от страха и гнева.

Глава 31
Тень палача

В обязанности наши входит и долгое стояние на эшафоте в ожидании пациента — без плаща, в маске, с обнаженным мечом в руках. Некоторые говорят, будто таким образом палач служит символом вездесущего правосудия, но я полагаю, причина — в толпе. Ей просто нужно нечто, фокусирующее внимание и внушающее ощущение значительности того, что должно вскоре произойти.

Толпа — это никак не сумма индивидуумов, составляющих ее. Скорее, она — особого вида животное, лишенное дара речи и даже настоящего сознания, рождающееся, когда люди собираются вместе, и умирающее, стоит лишь им разойтись. Эшафот перед Залом Правосудия был окружен кольцом димархиев с пиками наперевес, а их офицер с пистолетом, пожалуй, мог бы убить пятьдесят или шестьдесят человек, прежде чем у него вырвут оружие, собьют с ног и затопчут. И все же лучше предоставить толпе некий всем понятный символ власти, точку фокуса, притяги-

вающую взгляд.

Люди, собравшиеся поглазеть на казнь, вовсе не были в большинстве своем бедны. Кровавое Поле — один из лучших кварталов города, и я видел в толпе довольно много красного и желтого шелка и лиц, вымытых с утра душистым мылом (мы с Доркас умывались в колодце на дворе). Подобная публика не так легка на подъем, как бедняки, но, будучи раздражена, становится гораздо более опасной — этих людей не ошеломить демонстрацией силы, да к тому ж они, что бы там ни утверждали различные демагоги, куда как храбрее.

Так, я стоял на эшафоте, положив руки на эфес «Терминуса», вглядываясь в толпу, и тень моя падала на заранее установленную нужным образом плаху. Хилиарха видно не было — позже я обнаружил, что он наблюдает за процедурой из окна. Я поискал в толпе Агию, но не нашел. Доркас стояла на ступенях Зала Правосудия — бейлиф по моей просьбе зарезервировал для нее местечко.

Толстяк, подстерегший меня накануне, подобрался к эшафоту насколько мог близко — острие пики едва не уперлось в его брюхо. Женщина с голодными глазами стояла справа от него, а седовласая — слева. Данный ею платок я заткнул за

голенище сапога. Низенького, что дал мне азими, и тусклоглазого, так странно говорившего заики не было видно нигде. Я поднял взгляд к крышам — оттуда им, несмотря на маленький рост, было бы все прекрасно видно — и, хотя не смог отыскать их, они скорее всего были именно там.

Четверо сержантов в высоких парадных шлемах привели Агилюса. Вначале толпа раздалась, точно воды Птичьего Озера перед носом Хильдегриновой лодки, затем показались алые плюмажи, блеснули доспехи, и, наконец, я увидел его темные волосы и скуластое запрокинутое (цепь сковывала его руки за спиною так, что лопатки соприкасались) лицо. Я вспомнил, как элегантен был он в доспехах офицера Дворцовой Стражи, с распластанной на груди золотой химерой. Мне сделалось очень жаль, что конвоируют его не Серпентрионы, для которых он был в каком-то смысле своим, а простые исколотые-изрубленные солдаты, закованные в обычную — пусть и отполированную до блеска — сталь. Да, с него сорвали все его великолепное облачение, а я ждал его на эшафоте в той же гильдейской маске цвета сажи, в которой накануне дрался с ним… Глупые старухи верят, будто Всевышний Судия дарует нам победы в награду и карает за грехи поражениями

— вспомнив об этом, я почувствовал, что награда моя далеко превосходит ту, которую я заслужил.

Миг, другой — Агилюс взобрался на эшафот, и краткая церемония началась. Потом солдаты поставили его на колени, и я поднял меч, навсегда заслонив Агилюсу солнце.

Если клинок должным образом наточен, а удар нанесен верно, ощущаешь лишь легкую задержку при разделении надвое спинного хребта, а затем лезвие тяжко врубается в плаху. Я мог бы поклясться, что почувствовал запах крови Агилюса во влажном, выполосканном ливнем воздухе еще до того, как голова его упала в подставленную корзину. Толпа отпрянула назад и тут же рванулась вперед, к самым остриям пик. Я явственно слышал сопение толстяка — точно такие же звуки он издавал бы, потея в конвульсиях оргазма над телом какой-нибудь наемной женщины. Где-то вдалеке раздался крик — то был голос Агии, узнанный мной безошибочно, точно лицо, озаренное вспышкой молнии, и тембр его был таков, будто она не видела смерти брата, но почувствовала ее наступление.

Трудности палаческого ремесла не завершаются после свершения казни. Порою после казни как раз и начинается самое хлопотное. Голову,

подняв ее за волосы и показав толпе, можно бросить обратно в корзину. Но обезглавленное тело (способное, кстати, истекать потоками крови еще долго после того, как прекратится работа сердца) следует убрать прочь — достойным, но притом и позорным образом. Более того, убрать его следует не просто куда-нибудь, но — в определенное место, где оно будет ограждено от посягательств. Экзультанта, согласно обычаям, можно положить поперек седла его собственного коня и тут же передать семье. Однако персону низкого ранга надлежит убрать в какое-либо место упокоения, недоступное пожирателям мертвечины, и при этом — по крайней мере, пока вокруг имеются сторонние наблюдатели, тащить волоком. Палач не может выполнить эту задачу сам — он и без того обременен головой казненного и своим оружием. Из прочих официальных лиц — солдат, судейских и им подобных — редко кто добровольно вызывается выполнить сей ритуал. (В Цитадели это делали двое подмастерьев, так что затруднений не возникало.) Хилиарх, истинный кавалерист по выучке и, несомненно, душевной склонности, решил эту задачу, приказав привязать тело длинной веревкой к седлу вьючной лошади. Однако согласия животного при этом

спросить позабыли, и лошадь, будучи скорее рабочей, чем боевой, испугалась крови и ринулась было бежать. Словом, время, понадобившееся, чтобы доставить беднягу Агилюса в квадратный дворик, освобожденный от публики, оказалось для нас весьма и весьма насыщенным.

Я принялся чистить сапоги, но тут ко мне подошел бейлиф. Завидев его, я подумал, что он принес мне мой гонорар, но он сказал, что хилиарх желает уплатить мне лично. Я ответил, что не ожидал такой чести.

— Он видел все, — сказал бейлиф, — и остался очень доволен. Велел также передать, что ты и женщина, путешествующая с тобою, можете переночевать здесь, если пожелаете.

— Мы уйдем с наступлением сумерек, — отвечал я. — Так будет безопаснее.

Бейлиф на миг задумался и кивнул, выказав ума более, чем я ожидал.

— Да, у этого негодяя, должно быть, имеются друзья и родные, хотя ты вряд ли знаешь о них больше, чем я… Но, надо думать, с подобной опасностью тебе приходится сталкиваться часто.

— Меня предупреждали о ней более опытные члены нашей гильдии, — ответил я.

Да, я сказал ему, что мы уйдем с наступлением

сумерек, но на самом деле мы ждали, пока совсем не стемнеет — отчасти ради пущей безопасности, отчасти же ради того, чтоб поужинать в казармах перед уходом.

Конечно, мы не могли сразу же отправиться к Стене и покинуть город — ворота (о местоположении коих я, кстати, имел лишь самое смутное представление) были заперты на ночь. Вдобавок все наперебой предупреждали нас, что между Стеной и казармами нет ни гостиниц, ни постоялых дворов. Итак, нам предстояло затеряться в городе и найти место для ночлега, откуда назавтра можно будет быстро добраться до ворот. Бейлиф подробно объяснил мне дорогу, и все же мы заблудились, но поняли это не сразу, а в путь отправились в самом радостном настроении. Хилиарх хотел было отдать мне плату из рук в руки, вместо того чтобы швырнуть деньги наземь, как того требует обычай, и мне пришлось отговорить его — ради его же собственной репутации. Я в подробностях рассказал Доркас о происшедшем (инцидент, надо заметить, порадовал меня не меньше, чем огорчил). Стоило мне закончить, она с чисто женской практичностью спросила:

— Значит, он хорошо заплатил тебе?

— Услуги одного подмастерья стоят вдвое мень-

ше. Я получил плату мастера! И, конечно же, кое-какие чаевые, связанные с церемонией. Теперь у меня, несмотря даже на все, потраченное с Агией, денег больше, чем тогда, когда я покидал нашу башню, понимаешь? Пожалуй, ремесло нашей гильдии вполне прокормит нас в дороге!

Доркас плотнее закуталась в накидку.

— Я надеялась, что тебе никогда больше не придется прибегать к нему. Ну, разве лишь изредка… После казни тебе было так плохо, и я тебя понимаю.

— Нервы… Боялся, что что-нибудь пойдет не так.

— Тебе было жаль его. Я видела.

— Наверное. Он был братом Агии и, пожалуй, отличался от нее только полом…

— Ты тоскуешь по Агии, правда? Она так нравилась тебе?

— Я знал ее всего день — гораздо меньше, чем знаю тебя. И, выйди все, как она хотела, я был бы мертв. Один из тех двух авернов наверняка прикончил бы меня.

— Но лист вонзился в тебя, а ты не умер. — Я до сих пор часто вспоминаю, каким тоном она это сказала. И сейчас, закрыв глаза, снова слышу ее голос и ощущаю потрясение, которое почувство-

вал, осознав, что именно этой мысли избегал с того самого момента, как вновь поднялся с земли и увидел Агилюса с цветком в руке. Да, лист не убил меня, но я отвратил от этого свой разум — так человек, перенесший смертельную болезнь, прибегает к тысячам уловок, чтобы не смотреть в лицо смерти, или женщина, оставшись одна в большом доме, избегает смотреть в зеркала и занимает себя обычными делами, чтобы случайно не увидеть то существо, чьи шаги слышатся порою с лестницы.

Да, я выжил, хотя должен был умереть. Собственная жизнь показалась мне наваждением. Сунув руку за пазуху, я осторожно ощупал свою плоть и нашел нечто наподобие свежего шрама. Но ранка не кровоточила и совсем не болела.

— Значит, укол листа не смертелен, — сказал я. — Вот и все.

— Но Агия говорила…

— Слишком многое из того, что она говорила, оказалось ложью.

Мы взошли на покатый холмик, залитый зеленым лунным светом. Впереди виднелась черная линия Стены, казавшейся, подобно горам издали, ближе, чем на самом деле. Огни Нессуса позади сияли, словно фальшивый закат, мало-помалу

угасая с наступлением ночи. Я остановился на вершине холма, чтобы полюбоваться ими, и Цоркас взяла меня за руку.

— Так много домов… Сколько же народу в городе?

— Никто не знает.

— И всех их мы оставим позади… Северьян, Тракс — это далеко?

— Да, я уже говорил. У первого порога. Я ведь не зову тебя идти со мной, ты знаешь это.

— Однако мне хочется. Но… Северьян, что, если я когда-нибудь потом захочу вернуться? Ты отпустишь меня?

— Тебе будет опасно идти назад одной, — ответил я. — Поэтому, наверное, попытаюсь отговорить. Но связывать и запирать не стану, если ты это имеешь в виду.

— Ты говорил, что сделал копию записки, которую кто-то прислал мне в харчевне — помнишь? Но так и не показал. Покажи сейчас.

— Я в точности передал тебе, что там говорилось, а записка ведь не настоящая. Ту выбросила Агия. Наверное, она думала, что кто-то — быть может, Хильдегрин — пытается предостеречь меня.

С этими словами я открыл ташку. Нащупав записку, пальцы мои наткнулись на что-то еще

— холодное, странной формы.

— Что там? — спросила Доркас, увидев выражение моего лица.

Я вытащил странный предмет. Он был лишь самую малость больше и толще орихалька. Холодный материал, из которого он был сделан, засверкал звездою в лучах луны. Мне показалось, что в руке у меня — маяк, видный всему городу; я тут же сунул вещицу обратно в ташку и опустил клапан.

Доркас сжимала мое запястье так, словно пальцы ее превратились в тесный для меня браслет из золота и слоновой кости.

— Что это было? — прошептала она. Я встряхнул головой, надеясь, что от этого в ней хоть немного прояснится.

— Это — не мое. Я даже не знал… Самоцвет, драгоценный камень…

— Не может быть. Разве ты не почувствовал тепла? Вот драгоценный камень — на твоем мече. А что ты вытаскивал из ташки?

Я взглянул на опал, венчавший эфес. Да, он блестел при свете луны, однако на предмет, извлеченный мною из ташки, был похож не более, чем стеклянная безделушка — на солнце.

— Коготь Миротворца, — сказал я. — Агия суну-

ла его туда, когда мы врезались в алтарь, чтобы его не нашли при ней в случае обыска. Потом Агилюс объявил бы о своем праве победителя, и они получили бы камень назад, но я остался жив, и тогда она хотела стащить его там, в камере…

Но Доркас не смотрела на меня. Взгляд ее был обращен к городу, окутанному сиянием мириадов светильников.

— Северьян, — сказала она, — этого не может быть. — Над городом, словно летучая гора из сновидений, парило огромное здание — с башнями, контрфорсами и сводчатой крышей. Из окон его струился багровый свет.

Я хотел было сказать что-то в отрицание чуда, происшедшего на моих глазах, но прежде чем успел хотя бы открыть рот, здание исчезло, словно пузырь в фонтане, оставив за собою лишь каскады искр.

Глава 32
Пьеса

Лишь после этого видения осознал я свою любовь к Доркас. Мы пошли вниз по дороге, пролегавшей через вершину холма, в темноту. Мысли наши были полностью поглощены увиденным, и души наши, пройдя через те несколько секунд, точно сквозь дверь, никогда прежде не открывавшуюся и захлопнувшуюся навеки, соединились без помех.

Я не знаю, куда мы шли. Помню лишь дорогу, петлявшую по склону холма, арчатый мост у подножия и еще одну дорогу, огражденную на протяжении лиги переносной деревянной оградой. И, куда бы мы ни направлялись, говорили мы не о себе, но только о нашем видении и его возможных значениях. В начале нашего пути Доркас была для меня лишь случайной попутчицей, которую я желал и жалел, в конце же его я любил ее так, как не любил ни одно человеческое существо. Нет, вовсе не оттого, что любовь моя к Текле уменьшилась — напротив, полюбив Доркас, я полюбил Теклу еще больше, ибо Доркас

стала моим вторым «я» ведь и Текл было словно бы две — одна столь же ужасна, сколь прекрасна другая) и полюбила Теклу вместе со мною.

— Как ты думаешь, — спросила она, — кто-нибудь, кроме нас, видел это?

Я еще не думал об этом, но ответил, что, хотя здание было видно всего лишь мгновение, произошло все над величайшим из городов, и, если даже десятки миллионов людей не заметили его, сотни все равно обратили внимание.

— Но что, если это — видение, предназначенное только нам?

— Доркас, у меня прежде никогда не бывало видений.

— А я и не знаю, бывали ли видения у меня. Когда я пытаюсь вспомнить, что было с мной до того, как я помогла тебе выбраться из воды, то вспоминаю лишь, будто была под водою сама. А до того — только яркие, мельчайшие осколки миража. Наперсток, лежащий на куске бархата, тявканье собачонки за дверью… Ничего подобного. Ничего похожего на то, что мы видели с тобой.

Слова ее напомнили мне о записке, которую я, собственно говоря, и искал, когда нащупал Коготь, а она, в свою очередь, о книге в коричневом

переплете, хранившейся в соседнем отделении ташки. Я спросил Доркас, хочет ли она взглянуть на книгу, принадлежавшую Текле, когда мы найдем подходящее место для привала.

— Да, — отвечала она. — Когда мы снова будем сидеть у огня, как в той харчевне…

— Эта реликвия — мы, конечно, вернем ее Пелеринам перед уходом из города — и наш разговор напомнили мне то, о чем я читал однажды. Ты знаешь о Ключе к Мирозданию?

Доркас тихо засмеялась.

— Нет, Северьян. Я едва помню собственное имя — что я могу знать о Ключе к Мирозданию?

— Нет, я, пожалуй, неверно выразился. Знакома ли тебе идея, будто на свете есть тайный ключ к мирозданию? Фраза, сочетание слов, или, как говорят некоторые, всего одно слово, которое якобы могут исторгнуть уста некоей статуи, или же его можно прочесть в старинном пергаментном свитке, или узнать от анахорета, живущего за далекими морями?

— Его знают младенцы, — сказала Доркас. — Знают до того, как выучатся говорить. А выучившись, забывают. Однажды мне кто-то говорил об этом.

— Да, именно это я и имел в виду. В коричневой

книге собраны древние мифы, и есть целый раздел, где перечислены все ключи к мирозданию — все то, что люди якобы узнавали от мистагогов с далеких миров, или вычитывали из волшебного пополь-вуха, или получали в озарении, постясь в дуплах священных деревьев… Мы с Теклой читали их и говорили о них, и суть одного из этих ключей была в том, что все на свете имеет три ипостаси, три смысла. Первая — практическая, как сказано в книге, «доступная взору оратая». Вот корова жует пучок травы, и трава реальна, и корова реальна; эта ипостась мира столь же важна и истинна, как и все остальные. Вторая — отображение мира в самом себе. Каждый предмет имеет связь со всеми прочими, и посему мудрый может из наблюдений над одним предметом извлечь знание обо всех остальных. Это называется ипостасью ворожей — именно ею пользуется тот, кто предсказывает удачную встречу по змеиным следам на песке или пророчит счастье в любви, если поверх патронессы одной масти выпадет курфюрст другой.

— А третья? — спросила Доркас.

— Третья ипостась — воплощение Панкреатора. Поскольку все в мире берет свое начало в Панкреаторе и им же приводится в движение, весь мир

есть воплощение его воли. В этом — реальность высшего порядка.

— Выходит, то, что мы видели, — небесное знамение? — Я покачал головой.

— В книге сказано, будто небесным знамением является все вокруг нас. И столб в этой ограде, и то, как ветви того дерева нависают над ней… Некоторые из знамений выражают эту третью ипостась с большей готовностью, нежели прочие.

Шагов сто после этого мы прошли в молчании. Затем Доркас заговорила:

— Пожалуй, если то, что написано в книге шатлены Теклы, правда, то у людей все наоборот. Мы видели, как огромное здание взмыло в воздух и пропало, верно?

— Я видел лишь, как оно висело над городом. Оно в самом деле взлетало вверх?

Доркас кивнула. Светлые волосы ее блеснули в свете луны.

— По-моему, третья, как ты говорил, ипостась — очевидна. Вторую найти труднее, а первую — казалось бы, самую простую — вовсе невозможно.

Я хотел сказать, что понимаю ее — по крайней мере, насчет первой ипостаси, но тут в некотором

отдалении от нас раздался грохот — раскатистый, точно гром.

— Что это?! — воскликнула Доркас, схватив меня за руку.

Прикосновение ее маленькой, теплой ладони оказалось очень приятным.

— Не знаю. Похоже, это — за той рощицей впереди.

— Да, — кивнула она, — теперь я слышу голоса.

— Значит, твой слух острее моего.

За рощицей снова загрохотало — еще громче и продолжительнее прежнего. Впрочем, наверное, мы просто подошли ближе. Мне показалось, что сквозь заросли молодых буков пробивается свет огней.

— Вон там! — Доркас указала куда-то чуть севернее деревьев. — Это не звезда — слишком низко и слишком быстро движется.

— Наверное, фонарь. На крыше фургона или в чьей-то руке.

Грохот возобновился, и на этот раз я узнал в нем барабанную дробь. Теперь и я слышал голоса, и один из них звучал еще басовитее и, пожалуй, громче, чем барабан.

Обогнув рощу, мы увидели с полсотни человек, собравшихся вокруг небольшого помоста. На по-

мосте, меж двух пылающих факелов, возвышался великан, державший под мышкой, на манер тамтама, литавру. Справа от него стоял богато одетый человек небольшого роста, а слева — самая чувственная и прекрасная из всех виденных мною женщин, почти нагая.

— Что ж, все в сборе, — громко и быстро говорил маленький человек. — Все в сборе. Кто у нас тут? Любовь и красота? — Он указал на женщину. — Сила? Храбрость? — Взмах тростью в сторону великана. — Хитрость? Таинственность? — Он ударил себя в грудь. — Порок? — Снова жест в сторону великана. — И… взгляните-ка, кто к нам пожаловал! Наш старый враг, Смерть! Рано ли, поздно, но он приходит обязательно!

С этими словами он указал на меня, и лица публики — все как одно повернулись в нашу сторону.

То были Балдандерс с доктором Талосом. Что же они, вездесущи? Женщину, насколько мне помнилось, я видел впервые.

— Смерть! — говорил доктор Талос. — Смерть явилась к нам! Вчера и сегодня я думал, что ты не придешь никогда! Извини, старый друг, ошибся!

Я ждал, что публика рассмеется его мрачноватой шутке, но — нет. Два-три человека что-то

пробормотали себе под нос, какая-то старуха плюнула в ладонь и двумя пальцами указала на землю.

— Кого же привел он с собой? — Доктор Талос подался вперед, рассматривая Доркас в свете факелов. — Ну конечно, Невинность! Вот теперь и вправду все в сборе! Представление вот-вот начнется! Нервных просим не смотреть! Никогда в жизни не видели вы ничего подобного! Все в сборе! Все на местах!

Тем временем прекрасная женщина исчезла. Магнетизм в голосе доктора был столь силен, что я даже не заметил ее ухода.

Опиши я сейчас пьесу доктора Талоса такой, какой она показалась мне, одному из участвовавших в представлении, вы просто не поймете ничего. Если же я опишу ее так, как видела ее публика (что я и намерен сделать, ибо для данного повествования так будет правильнее), вы мне, наверное, не поверите. В драме сей, представленной силами пяти человек, двое из которых выступали впервые и даже не знали ролей, маршем шли армии, играли оркестры, падал снег и сам Урс содрогался. Да, доктор многого требовал от воображения зрителей, но призвал себе на помощь комментарии, простую и действенную

механику, тени-силуэты, падавшие на экран, голографические проекторы, шумовые эффекты, зеркальные задники и прочие доступные сценические средства, и в целом удивительно преуспел, о чем свидетельствовали рыдания, вопли и вздохи, время от времени доносившиеся до нас из темноты.

И все же он потерпел поражение. Ему хотелось общения, он жаждал поведать публике великую историю, существовавшую лишь в его голове и неспособную воплотиться в простые слова, однако ни один зритель (а уж тем более — мы, двигавшиеся по сцене и говорившие по его указке) так и не понял толком, о чем она. Это (как говорил доктор Талос) можно было бы выразить лишь колокольным звоном, грохотом взрывов да — порой — ритуальными позами. Но под конец оказалось, что даже этих средств недостаточно. Там была сцена, в которой доктор Талос дрался с Балдандерсом, пока они не разбили лица друг друга в кровь; была сцена, в которой Балдандерс разыскивал объятую ужасом Иоленту (так звали прекраснейшую из женщин) в залах подземного дворца, и в конце концов сел на крышку сундука, в котором она пряталась. В заключительной части сцена превратилась в комнату для допро-

сов, Балдандерс, доктор и Доркас с Иолентой были привязаны к разнообразным пыточным конструкциям, и каждого из них я — на глазах затаившей дыхание публики — подверг пыткам, столь же экзотичным, сколь и неэффективным, если применить их на деле. В этой сцене я не мог не заметить, как странно заропотала публика, когда я готовился якобы вывернуть из суставов ноги Доркас. Я не знал, что зрителям полагалось увидеть, как Балдандерс освобождается от оков. Цепь его с лязгом упала на помост, несколько женщин завизжали. Я украдкой оглянулся на доктора в ожидании указаний, но он, освободившись еще раньше Балдандерса, уже прыгнул к краю помоста.

— Табло! — крикнул он. — Табло! — Я уже знал, что это означает, и замер на месте.

— Почтеннейшая публика! Сколь восхитительно внимание, коим почтили вы наше представление! Теперь мы покорнейше просим поделиться с нами не только вашим драгоценным временем, но и содержимым ваших кошельков! В заключительной части пьесы вы увидите, что случится дальше, после того, как чудовище, наконец, вырвалось на свободу!

Доктор протянул к публике свою высокую шля-

пу, и в нее со звоном упали несколько монет. Не удовлетворившись этим, он спрыгнул в публику и пошел по рядам.

— Помните: чудовище на свободе, и теперь ничто не мешает удовлетворению его звериных желаний! Помните, что я, его мучитель, ныне связан и отдан ему на милость! Помните, что вы еще не раскрыли — благодарю тебя, сьер! — тайны загадочной фигуры, мелькнувшей в окне перед взором Графини! Спасибо. Помните, что там, над подземельем, которое сейчас перед вами, плачущая статуя — спасибо — все еще роет землю под корнями рябины! Ну же! Вы щедро поделились с нами своим временем — не скупитесь же, когда дело дошло до денег! Некоторые воистину проявили щедрость, но ведь мы представляем для всех! Где же серебряные азими, что дождем должны сыпаться в мою старую шляпу?! Не заставляйте троих платить за всех! У кого нет азими, сойдет и орихальк, а уж аэс-то найдется в каждом кармане!

В конце концов доктор удовлетворился собранным и, быстро вернувшись на место, скользнул в свои путы, которыми якобы накрепко был привязан к доске, усеянной острыми шипами. Балдандерс заревел и потянулся ко мне, выставив

на обозрение публики вторую цепь, удерживавшую его на месте.

— Заметь его, — шепнул мне доктор Талос. — Отбивайся факелом.

Я сделал вид, будто только сейчас заметил, что руки Балдандерса свободны, и выдернул из гнезда в углу сцены факел. В тот же миг оба факела страшно зашипели, вспыхнули голубым и зеленым пламенем, осыпали сцену снопами искр, но огонь тут же приугас, языки его съежились до обычного размера. Я ткнул факелом в Балдандерса и, повинуясь указаниям доктора, закричал:

— Нет! Назад! Назад!

Балдандерс отвечал еще более яростным ревом. Цепь натянулась так, что декорация, к которой он был прикован, пошатнулась и заскрипела. На губах его — в буквальном смысле — выступила пена: две струйки густой белой жидкости потекли из уголков рта по подбородку, оросив белыми, точно снежные хлопья, каплями его костюм черного со ржавчинкой цвета. В публике завизжали. Цепь разорвалась со звуком хлопающего бича. Безумие в лице великана повергало в ужас, и я скорее попробовал бы остановить лавину в горах, чем встал бы на его пути, но не успел я и шагу ступить, как он вырвал из моей руки факел и

сбил меня с ног его железной рукоятью.

Я поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выхватил из гнезда второй факел и с обоими шагнул к краю помоста. Женский визг утонул в воплях мужчин — точно сотня палачей разом принялась за сотню пациентов. Вскочив на ноги, я было ринулся к Доркас, чтобы схватить ее и бежать под прикрытие рощи, но тут увидел доктора Талоса. Он, исполненный злобного веселья — иначе это не назовешь — уже вновь освободился от пут и развлекался вовсю. Иолента высвободилась тоже, и прекрасное лицо ее не выражало ничего, кроме облегчения.

— Замечательно! — воскликнул доктор Талос. — Прекрасно! Балдандерс, можешь вернуться, незачем держать нас впотьмах. Что ж, господин палач, понравился ли тебе сценический дебют твоей девушки? Для новичков — да еще без репетиций — вы выступили прекрасно!

Я как-то ухитрился кивнуть.

— Вот только, когда Балдандерс сбил тебя с ног… Ты должен простить его — он понимал, что ты не догадаешься упасть сам. Идем. Балдандерс наделен множеством талантов, но дара разыскивать среди травы потерянное в суматохе среди них не значится. За сценой есть фонари, и вы с

Невинностью поможете нам.

Я не понял, о чем он, но через несколько мгновений факелы были водружены на место, и мы принялись обыскивать утоптанную землю перед помостом при свете тусклых фонарей.

— Здесь имеется элемент риска, — объяснил доктор Талос, — и мне это, должен признаться, нравится. Сбор денег — вещь верная; к концу первого акта я могу предсказать, сколько окажется в шляпе, с точностью до орихалька. Но вот оброненное на землю!.. Мы можем найти всего-то пару яблок да репку, а может статься, находки превзойдут самые смелые мечты! Однажды мы нашли маленького поросенка. Отменного — так сказал Балдандерс, поедая его. А однажды мы нашли маленького младенчика. Раз попалась трость с золотым набалдашником — она до сих пор со мною. Старинные броши, туфли… Туфли нам попадаются особенно часто. А вот женский зонтик… — Он поднял находку. — Очень пригодится завтра, в дороге, дабы укрыть от солнца нашу добрую Иоленту.

Иолента выпрямилась, словно усердно изживая привычку сутулиться. При этом спина ее изогнулась назад, словно для того, чтобы уравновесить тяжесть полных грудей.

— Я очень устала, доктор, — сказала она. — Если мы пойдем ночевать в гостиницу, идем сейчас же!

Я и сам валился с ног от усталости.

— Ночевать? В гостиницу? Какое преступное разбазаривание средств! Подумай, дорогая моя: ближайшая гостиница, самое меньшее, в лиге отсюда, а собирая помост и прочие пожитки, мы с Балдандерсом провозимся не меньше стражи, даже при помощи дружественного нам Ангела Смерти. Таким образом, когда мы доберемся до гостиницы, солнце взойдет над горизонтом, запоют петухи, не менее тысячи разных дурней проснутся, примутся хлопать дверьми, выплескивать на мостовую помои…

Балдандерс хрюкнул (видимо, в знак согласия) и топнул ногой, точно хотел раздавить какую-нибудь мелкую, ядовитую тварь, прятавшуюся в траве.

Доктор Талос распростер руки в стороны, как бы обнимая все мироздание.

— Здесь же, дорогая моя, под звездами, каковые есть личная и нежно любимая собственность Предвечного, у нас есть все, что только может потребоваться для здорового отдыха. Воздух достаточно прохладен, чтобы спящие как следует

оценили теплые одеяла и согревающий огонь костра; и, заметь, ни намека на дождь. Здесь встанем мы лагерем, здесь назавтра устроим роскошный завтрак, отсюда вновь отправимся в путь — обновленными, радуясь наступлению нового дня!

— Кстати о завтраке, — сказал я. — У вас есть какая-нибудь еда? Мы с Доркас голодны.

— Конечно! Я видел — Балдандерс только что нашел целую корзину ямса.

Должно быть, среди «почтеннейшей публики» сегодня оказалось немало крестьян, возвращавшихся с рынка с нераспроданным товаром. Кроме ямса мы в конце концов обнаружили еще пару сквобов и с десяток стеблей молодого сахарного тростника. Одеял оказалось немного, но все же это было лучше, чем ничего. Доктор Талос заявил, что ему постель не требуется — он посидит у огня, а позже, быть может, вздремнет в кресле, незадолго до того служившем троном Автарха и скамьей Инквизитора.

Глава 33
Пять ног

Наверное, целую стражу я не мог заснуть. Вскоре сделалось очевидно, что доктор Талос и вправду не собирается спать, но я не терял надежды, что он — в силу каких-нибудь причин — хотя бы удалится на время. Сначала он сидел у огня, словно бы в глубокой задумчивости, затем встал и принялся расхаживать из стороны в сторону. Лицо его было неподвижно, но весьма выразительно легкое движение брови или наклон головы могли совершенно изменить его выражение. Пока он гулял у костра, я видел сквозь полусомкнутые веки, как печаль лисьей маски его лица сменялась ликованием, тут же уступавшим место вожделению, сменявшемуся скукой, или решимостью, или же одной из дюжин других эмоций, которым мне не подыскать названий.

Наконец он начал сшибать тростью головки диких цветов и вскоре обезглавил их все на десяток шагов от костра. Я подождал, пока его прямая, энергическая фигура не скроется из виду, а свист трости станет почти не слышен, и тогда осторож-

но извлек из ташки камень.

Он озарил ночь, точно звезда, упавшая с неба мне в ладонь. Доркас уже спала, и, как ни хотелось рассмотреть самоцвет вместе с нею, я не стал тревожить ее сон. Холодное голубое сиянье было столь ярким, что я боялся, что доктор, как бы далеко ни забрел, может заметить его. В голову пришла по-детски озорная идея взглянуть сквозь камень на пламя костра, словно сквозь линзу, и я приставил его к глазу, но тут же опустил вновь — привычный мир с фигурами спящих в траве мгновенно превратился в сноп бешено пляшущих искр.

Не помню, сколько лет было мне, когда умер мастер Мальрубиус. Во всяком случае — задолго до того, как я стал капитаном; выходит, я был еще совсем мал. Однако прекрасно помню, как мастер Палаэмон заменил его на посту наставника учеников. Мастер Мальрубиус занимал эту должность с тех самых пор, как я узнал, что на свете существуют подобные вещи, и после смерти его мне многие недели — а, может, и месяцы — казалось, что мастер Палаэмон (хотя его я любил едва ли не больше) не сможет стать нашим наставником в том же смысле, в каком был им мастер Мальрубиус. Нереальность проис-

ходящего, путаница в мыслях усугублялись еще ощущением, будто мастер Мальрубиус вовсе не умер и даже не ушел от нас, что на самом деле он просто лежит в своей каюте, в той же кровати, где спал каждую ночь, пока обучал и наставлял нас. Есть такая поговорка: «С глаз долой — из сердца вон», — но в данном случае выходило наоборот: сделавшись незримым, присутствие мастера Мальрубиуса стало куда более ощутимым, чем прежде. Мастер Палаэмон отказывался подтвердить, что он в самом деле никогда не вернется, и посему каждое деяние свое я мерил двойною мерой: «Разрешит ли мастер Палаэмон?» и «Что сказал бы мастер Мальрубиус?» (Он так ничего и не сказал… Палач не пойдет в Башню Исцеления, как бы ни захворал. Говорят — не знаю, правду ли, нет ли, — будто виною тому старые счеты.) Если бы я писал все это для развлечения или же в назидание читателю, то не стал бы здесь отвлекаться на описание мастера Мальрубиуса, к тому моменту, как я спрятал Коготь обратно в ташку, давным-давно обратившегося во прах. Но у исторического повествования — свои нужды. Я мало разбираюсь в литературной стилистике, но обучаюсь по ходу дела и нахожу, что ремесло сие не так уж отличается от моего прежнего.

Десятки и сотни людей приходят смотреть на казнь. Я видел, как под тяжестью зрителей рушились балконы, одним ударом убивавшие больше народу, чем я за всю свою карьеру. Эти десятки и сотни людей вполне можно уподобить тем, кто читает книги.

Но, кроме зевак, наблюдающих казнь, имеются и другие, кто также должен быть удовлетворен. Это — представители власти, от имени которой действует палач, это — те, кто платит палачу, чтобы смерть приговоренного оказалась легкой (или мучительной), и, конечно же, сам палач.

Зрители останутся довольны, если казнь пройдет без проволочек; если последнее слово приговоренного будет сочетать в себе краткость и красноречие; если занесенный клинок на миг задержится, сверкая в солнечных лучах, прежде чем опустится, и им будет предоставлена возможность затаить дыхание, подталкивая друг дружку локтями; и, наконец, если струя крови после отделения головы будет достаточно впечатляющей. Так же и вы, кто придет однажды в библиотеку мастера Ультана, потребуете от меня спорого, без проволочек, хода повествования; персонажей, которым позволено говорить лишь кратко, но красноречиво; драматических пауз, означающих,

что вот-вот случится нечто важное; возбуждения чувств и достаточного количества крови.

Власти — хилиархи и архоны, от имени коих выступает палач, останутся (если позволите мне продолжить сию фигуру речи) довольны, если приговоренный не сможет спастись бегством или же взбунтовать толпу и в заключительной части процедуры будет неоспоримо мертв. Они подобны импульсам, побуждающим меня к писанию и требующим, чтобы главный предмет работы оставался во главе угла, а не сбежал в предисловие, алфавитный указатель или вовсе в другую книгу; чтобы он не затерялся среди риторики; и чтобы завершающий работу вывод оказался удовлетворительным.

Тех же, кто платит казнедею, дабы он сделал смерть приговоренного безболезненной или мучительной, можно уподобить литературным традициям и общепринятым схемам, которые взывают ко мне, требуя следовать им. Помню, однажды, ненастным зимним днем, когда ледяные струи дождя стучали в окна нашей классной комнаты, мастер Мальрубиус — очевидно, поняв, что мы не в настроении для серьезной работы, или же и сам будучи в не подходящем для нее расположении духа — поведал нам о некоем ма-

стере Веренфриде из нашей гильдии, жившем в старые времена. Оказавшись в жестокой нужде, он принял плату и от врагов осужденного, и от его друзей, но мастерство его было столь высоко, что обе партии, стоявшие по разные стороны эшафота, остались вполне довольны увиденным. Таким же образом и враждебные партии литературных традиций навязывают свои мнения тому, кто пишет исторические повествования — будь он хоть самим Автархом. Одни желают легкости, другие — богатства ощущений, доставленных процедурой… чтения. И мне, отнюдь не наделенному мастерством мастера Веренфрида, предстоит разрешить ту же дилемму, что и ему. В этом я и стараюсь преуспеть.

Что же остается? Сам казнедей; то есть я. Ему вовсе не достаточно всеобщих похвал. Недостаточно и того, что казнь свершена по всем правилам, согласно всем требованиям наставников и древних традиций. В довершение ко всему, дабы ощутить полное удовлетворение собою, когда настанет миг и Время поднимет за волосы на потеху толпе его собственную седую голову, он должен сообщить процедуре некую — пусть мельчайшую — черточку, изобретенную им самим и никогда не повторяемую дважды. Только

тогда он может чувствовать себя свободным художником.

В ту ночь, когда я делил постель с Балдандерсом, мне снился странный сон, и я без колебаний изложил его в своем повествовании: пересказ снов вполне укладывается в литературные традиции. А в то время, которое я описываю сейчас, когда мы с Доркас спали под звездным небом в обществе Балдандерса, Иоленты и доктора Талоса, сидевшего у огня, я видел нечто меньшее — а может, и большее, — чем просто сон. Это уже выходит за рамки традиций, посему я заранее предупреждаю вас, своих будущих читателей, что это не имеет почти никакого отношения к событиям, которые последуют вскоре, и я пересказываю его лишь ради собственного удовольствия. Впрочем, все-таки он, войдя в мое сознание и оставшись в нем навек, несомненно, оказал определенное влияние на последующую часть повествования…

Надежно спрятав Коготь, я вытянулся на одеяле у костра. Голова Доркас покоилась близ моей, ноги Иоленты едва не касались моих ног, а Балдандерс лежал по другую сторону костра, и толстые подошвы его башмаков находились в опасной близости от тлевших углей. Возле его плеча, спинкой к костру, стояло кресло доктора

Талоса. Не знаю, вправду ли сидел он в нем, вглядываясь в ночь; в то время, что будет описано ниже, я порой ощущал его присутствие, а порой чувствовал, что его нет. По-моему, уже начинало светать — небо сделалось чуть светлее.

Шаги, достигшие моих ушей — тяжелые, однако мягкие, — почти не потревожили моего сна. Затем услышал я и дыханье — сопение зверя. Глаза мои были еще открыты, однако, скованный сном, я даже не повернул головы. Приблизившись, зверь обнюхал мое лицо и одежду. То был Трискель, тут же улегшийся рядом и прижавшийся ко мне спиной. Я не удивлялся, что он сумел отыскать меня, — помню лишь, что обрадовался этому.

Вскоре я снова услышал шаги — на сей раз это была медленная, твердая поступь человека. Я тут же вспомнил звуки шагов мастера Мальрубиуса, вместе с нами спускавшегося в темницы во время обхода камер, и понял, что это — он. Плащ его был в пыли — как всегда, кроме самых торжественных случаев, — и он, как обычно, закутался в него, усевшись на ящик с декорациями.

— Северьян, перечисли мне семь основ правления. — Говорить оказалось трудно, однако (во сне, если это был сон) я умудрился раскрыть рот:

— Не помню, чтобы мы изучали эти вещи, мастер.

— Ты всегда был самым беззаботным из моих мальчиков…

Он погрузился в молчание, и я, точно в озарении, почувствовал, что должен ответить, иначе произойдет нечто ужасное.

— Анархия… — неуверенно начал я.

— Сие есть отсутствие какого бы то ни было правления. Анархия предшествует любой форме правления, я учил вас этому в классе. Перечисли же семь основ.

— Преданность персоне правителя. Преданность династии либо иному порядку преемственности. Преданность правящему сословию. Преданность кодексу, регулирующему принципы правления. Преданность единственно закону. Преданность большей или меньшей совокупности выборщиков, являющихся творцами закона. Преданность абстракции, объединяющей в себе совокупность выборщиков, совокупности лиц, их избравших, и ряду прочих элементов, большей частью — идеального свойства.

— Терпимо. Какая же — самая ранняя меж ними, а какая — высшая?

— Основы правления перечислены в хроно-

логическом порядке, мастер. Но прежде ты не спрашивал, какая из них — высшая.

Мастер Мальрубиус склонился ко мне. Глаза его пылали ярче углей костра.

— Какая меж ними — высшая, Северьян?

— Последняя, мастер?

— То есть преданность абстракции, объединяющей в себе совокупность выборщиков, совокупности лиц, их избравших, и ряду прочих элементов, большей частью — идеального свойства?

— Да, мастер.

— Какого же рода, Северьян, твоя собственная преданность Божественной Сущности?

Я молчал. Быть может, размышлял — но, если так, сознание мое, объятое сном, не могло проследить хода мысли. Вместо того оно целиком сосредоточилось на реалиях окружающего мира. Небо надо мною, во всем его величии, казалось, было сотворено единственно ради меня и теперь выставлено передо мною, дабы я мог осмотреть его. Я лежал на земле, точно на женщине, и самый воздух вокруг был восхитителен, словно тонкий хрусталь, и игрист, точно вино.

— Отвечай же, Северьян.

— Первого. Если она вообще имеется.

— То есть это — преданность личности правителя?

— Да, так как преемственности здесь нет.

— Животное, лежащее подле тебя, отдаст за тебя жизнь. Какого рода его преданность тебе?

— Первого?

Ответом мне было молчание. Я сел. Мастер Мальрубиус исчез. Исчез вместе с ним и Трискель — лишь бок мой еще хранил тепло его тела.

Глава 34
Утро

— Ты не спишь? — сказал доктор Талос. — Уверен, ты отменно выспался!

— Мне снился странный сон, — ответил я, озираясь вокруг.

— Здесь нет никого, кроме нас. — Словно успокаивая ребенка, доктор указал на Балдандерса и спящих женщин.

— Мне снился мой пес. Он пропал несколько лет назад, а теперь будто бы вернулся и улегся рядом. Проснувшись, я еще чувствовал тепло его тела.

— Ты лежал совсем рядом с костром, — заметил доктор Талос. — Никакого пса здесь не было.

— А человека, одетого так же, как я? — Доктор Талос покачал головой.

— Я не мог бы его не заметить!

— Но мог задремать.

— Разве что — раньше, еще вечером. Я бодрствую уже две стражи.

— Давай я постерегу сцену и декорации, — предложил я. — Поспи, если хочешь.

Суть состояла в том, что я просто-напросто бо-

ялся обратно ложиться.

Несколько мгновений доктор колебался.

— Весьма любезно с твоей стороны, — сказал он и растянулся на моем одеяле, усеянном капельками росы.

Я сел на его место, развернув кресло так, чтобы следить за костром. Некоторое время я оставался наедине со своими мыслями: сначала — об увиденном сне, затем — о Когте, всесильной реликвии, отданной случаем в мои руки. Наконец Иолента — к немалой радости моей — заворочалась, встала и потянулась, подняв изящные ручки к небу.

— Есть тут вода? — спросила она. — Мне нужно умыться.

Я ответил, что Балдандерс, по-моему, приносил воду для ужина откуда-то со стороны рощи. Кивнув, она отправилась на поиски ручья. Ну что ж, по крайней мере, ее пробуждение отвлекло на себя мои мысли… Я перевел взгляд с удалявшейся Иоленты на лежавшую ничком Доркас. Красота Иоленты была совершенна. Ни одна из женщин, что встречал я в жизни, не могла сравняться с нею. Высокая, статная Текла рядом с Иолентой показалась бы по-мужски грубоватой, а неяркая русоволосая Доркас выглядела бы совсем

ребенком, как и Валерия, давно забытая девочка, встреченная мной в Атриуме Времени…

И все же к Иоленте меня не влекло так, как к Агии; я не любил ее так, как любил Теклу; не желал с нею того единства помыслов и чувств, что возникло между мною и Доркас. Да, меня влекло к ней, как влекло бы всякого, увидевшего ее, но влечение это было сродни влечению к женщине с картины. И, даже восхищаясь ее красотой, я не мог не заметить (еще накануне, на сцене), как неуклюже ходит она, столь грациозная, пока стоит неподвижно. Округлые бедра ее терлись друг о друга, словно красота обременяла ее подобно младенцу во чреве. Вернувшись из рощи, поблескивая капельками воды на ресницах, с лицом, чистым и совершенным, как изгиб радуги, она ничуть не нарушила моего ощущения одиночества.

— … я говорю: у нас остались фрукты, если хочешь. Доктор вчера велел оставить что-нибудь на завтрак.

Говорила она хрипловато, с легким придыханием — такой голос можно слушать, как музыку.

— Прости, — отвечал я, — я задумался. Да, от фруктов я не отказался бы. Очень любезно с твоей стороны.

— Если хочешь, пойди и возьми сам. Вон там, за стойкой с доспехами.

«Доспехи» были всего лишь тканью, натянутой на проволочный каркас и выкрашенной серебряной краской. За стойкой я отыскал старую корзину с кистью винограда, яблоком и гранатом.

— Я, пожалуй, тоже поем, — сказала Иолента. — Винограду.

Я отдал ей виноград и, решив, что Доркас, скорее всего, предпочла бы яблоко, положил его возле ее руки, а гранат взял себе.

— Выращен каким-нибудь экзультантским садовником под стеклянной крышей, — заметила Иолента, разглядывая свой виноград. — Для натурального рановато. Что ж, бродячая жизнь, наверное, не так уж плоха. И я получаю треть от сбора.

— Разве ты не выступала с доктором и Балдандерсом раньше?

— Ты не помнишь меня? Странно. — Бросив в рот виноградину, она — по крайней мере, так мне показалось — проглотила ее целиком. — Нет, не выступала. Только репетировала. Но эта девушка вклинилась в сюжет так внезапно, что все пришлось поменять.

— Наверное, я внес еще большую путаницу — она ведь появлялась на сцене гораздо реже.

— Да, но на тебя мы рассчитывали. На репетициях доктор Талос исполнял вместе со своей и твою роль и говорил то, что должен был говорить ты.

— Значит, он рассчитывал на мое возвращение… — При этих словах доктор вздрогнул и сел. Сна у него не было ни в одном глазу.

— Конечно же, конечно! Ведь тогда, за завтраком, мы сказали тебе, где нас искать, и, не появись ты вчера вечером, не стали бы представлять «Великие Сцены Из» и подождали бы еще денек. Иолента, тебе отныне полагается не треть, а четверть поступлений — поделиться с партнершей будет только справедливо.

Иолента, пожав плечами, проглотила еще одну виноградину.

— Буди ее, Северьян. Пора трогаться. Я разбужу Балдандерса, и мы разделим деньги и ношу.

— Я не пойду с вами, — сказал я. Доктор вопросительно воззрился на меня.

— Мне нужно вернуться в город. Там у меня дело к Ордену Пелерин.

— Тогда ты можешь идти с нами до главной дороги. По ней будет гораздо скорее.

Быть может, оттого, что доктор не стал ни о чем расспрашивать, мне показалось, что он знает больше, чем хочет показать.

Иолента, не обращавшая внимания на нашу беседу, подавила зевок.

— До вечера мне нужно будет поспать еще, а то мои глаза будут выглядеть хуже, чем надо.

— Хорошо, — ответил я доктору, — но, когда мы выйдем к дороге, я должен буду покинуть вас.

Доктор, отвернувшись, уже будил великана, тряся его и охаживая по плечам тростью.

— Как пожелаешь, — сказал он — возможно, мне, возможно, Иоленте.

Я погладил Доркас по голове и шепнул ей на ухо, что пора вставать.

— Зачем ты это сделал? Мне снился такой прекрасный сон — очень подробный, все, как на самом деле…

— Мне — тоже. До того, как я проснулся.

— Значит, ты уже давно на ногах? А яблоко — мне?

— Боюсь, это — все, что достанется тебе на завтрак.

— А мне и не нужно большего. Взгляни, какое круглое, красное! Как там говорилось — «красен, как яблоки…». Нет, не помню. Хочешь откусить?

— Я уже ел. Мне достался гранат.

— Оно и заметно — у тебя все губы измазаны соком. Я уж решила, что ты всю ночь сосал кровь.

Наверное, слова ее здорово потрясли меня — Доркас тут же добавила:

— Ты — совсем как черная летучая мышь, нависшая надо мной…

«Балдандерс уже сидел и тер глаза кулаками, словно обиженный ребенок.

— Ужасно, когда приходится вставать в такую рань, верно? — сказала ему Доркас. — Тебе тоже снился сон, добрый человек?

— Никаких снов, — отвечал Балдандерс. — Мне никогда ничего не снится.

Доктор Талос взглянул в мою сторону и покачал головой, точно желая сказать: «Случай безнадежный».

Балдандерс, с виду вполне пришедший в себя, уставился на Доркас:

— А ты кто такая?

— Я…

Доркас испуганно взглянула на меня.

— Это Доркас, — сказал я.

— Да. Разве ты не помнишь? Мы встречались вчера вечером за кулисами. Ты… твой друг познакомил нас, и сказал, что тебя не нужно бояться,

потому что ты злой только понарошку. На сцене. И я ответила, что понимаю, потому что Северьян, например, творит ужасные вещи, а сам — такой хороший, добрый… — Тут она снова оглянулась на меня. — Помнишь, Северьян?

— Конечно. Пожалуй, тебе незачем бояться Балдандерса, хоть он и забыл тебя. Да, он огромен, но величина его — все равно, что мой плащ цвета сажи, делает его гораздо страшнее, чем он есть.

— Чудесная у тебя память, — сказал Доркас Балдандерс. — Вот бы и мне так все помнить…

Голос его рокотал, словно катящийся с горы валун. Пока мы беседовали, доктор Талос извлек откуда-то денежный ящик и теперь встряхнул его, чтобы привлечь наше внимание.

— Друзья мои! Я обещал вам честно и поровну разделить доходы от нашего представления, и, когда дележ будет завершен, мы отправимся в путь. Балдандерс, повернись сюда и протяни руку. Сьер Северьян, дамы, не будете ли вы так любезны тоже подойти ко мне?

Конечно, от меня не укрылось, что ранее доктор говорил о дележе денег, собранных им накануне вечером, на четыре части, однако я полагал, что обделенным останется Балдандерс, казалось, находившийся у доктора в рабстве. Но теперь,

пошарив в ящике, доктор Талос бросил в ладонь великана блестящий азими, другой дал мне, третий — Доркас, и пригоршню орихальков — Иоленте. Затем он принялся раздавать нам орихальки по одному.

— Как вы можете видеть, пока что все это — настоящее, — сказал он. — Но, как ни горько мне сообщать вам об этом, подозрительных монет тоже хватает. По окончании тех, что сомнений не вызывают, мы разделим поровну и их.

— А свои ты уже взял, доктор? — спросила Иолента. — Пожалуй, это тоже лучше было сделать при всех.

Руки доктора, отсчитывавшие нам монеты, на миг замерли в воздухе.

— Себе я не беру ничего, — сказал он. Доркас взглянула на меня, словно ожидая подтверждения своему мнению, и прошептала:

— Но это несправедливо.

— В самом деле, несправедливо, доктор, — поддержал ее я. — Ты не меньше нашего участвовал в представлении, и собирал деньги, и, судя по всему, помост и декорации — твои. Тебе причитается вдвое больше, чем любому из нас!

— Я не возьму ничего, — медленно проговорил доктор Талос. Впервые я видел его в замешатель-

стве. — Для меня удовольствие — управлять тем, что теперь можно назвать труппой. Я написал пьесу, которую мы представляли; мне… — Он огляделся, словно не зная, что сказать. — Мне нравится доспех, в котором я выступал перед публикой. Другой награды, кроме этого удовольствия, мне не нужно. Теперь, друзья мои, вы можете видеть, что орихальков на круг не хватает. Дабы быть точным, осталось только два. Кто пожелает, может забрать оба, отказавшись от своей доли аэсов и сомнительной монеты. Северьян? Иолента?

— Я возьму их, — к моему удивлению, объявила Доркас.

— Прекрасно. Не стану брать на себя смелость судить о подлинности оставшегося — просто раздам его вам. Но предупреждаю: пускайте их в ход с осторожностью. Наказания за распространение фальшивой монеты суровы, хотя за Стеной… Что это?

Проследив направление его взгляда, я увидел, что к нам приближается человек в поношенных серых одеждах.

Глава 35
Гефор

Не понимаю, отчего, но встречать пришедшего, сидя на земле, считается оскорбительным. Человек в сером приближался; обе женщины встали, и я последовал их примеру, и даже Балдандерс поднялся на ноги, посему, когда пришелец подошел к нам, сидящим оставался лишь доктор Талос, занимавший наше единственное кресло.

Да, менее впечатляющей фигуры трудно было бы себе вообразить! Человек этот и вообще-то был невысок ростом, а из-за того, что одежда была ему велика, казался еще меньше. Вялый подбородок его порос неопрятной щетиной; подойдя, он снял засаленную шапчонку, обнажив голову, облысевшую по бокам к затылку — так, что остатки волос на ней образовывали извилистую линию, делая темя его похожим на старый, нечищеный бургиньот с незамысловатым гербом. Я помнил, что где-то видел этого человека прежде, однако узнал его не сразу.

— Повелители! — заговорил он. — О, повелители и повелительницы мироздания! Вы, дамы

шелковововласые, в шелка облаченные, и вы, господа, правящие империями и повелевающие армиями В-врагов нашей Ф-фото-сферы! Вы, чьи башни тверже камня, сильнее д-д-дуба, что распускает листья и после лесного п-пожара! И ты, мой господин, темный властелин, торжество с-смерти, вице-король над ночью! Д-долго служил я на кораблях серебропарусных, по сту мачт, достигавших самых з-з-звезд, долго плавал под их сверкающими кливерами, и Плеяды горели у нас за кормой, но никогда и нигде не встречал никого, подобного тебе! Зовусь я Г-г-гефором и пришел служить тебе — чистить плащ твой, точить ог-ромный меч, таскать за тобою корзину с глазами жертв твоих. Повелитель, подобными лунам Вертанди, умершим вместе с солнцем. Ч-что станется с ними, блестящи-ми игруньями, когда угаснет солнце? Долго ли будут гореть факелы? И потянутся к ним руки з-з-замерзающих — увы! — чаши тех факелов холоднее льда, холоднее мертвых лун Вертанди, холоднее глаз м-м-мертвецов! Где сила та, что пенила озера? Где та империя, где Армии Солнца под золотыми стягами на длинных пиках? Где шелковововласые женщины, лишь накануне любившие нас?

— Я так понимаю, ты был среди нашей публи-

ки, — сказал доктор Талос. — Вполне сочувствую твоему желанию снова посмотреть представление, но мы будем к твоим услугам не раньше вечера — а к вечеру надеемся быть в некотором удалении отсюда.

Гефор, встречавший меня возле Зала Правосудия, в обществе толстяка, женщины с голодными глазами и прочих, казалось, и не слышал его. Он смотрел на меня, бросая порой взгляды на Доркас с Балдандерсом.

— Он ранил тебя? Вывернул суставы, и я увидел кровь твою, алую, точно на Троицын день… Какая ч-ч-честь для тебя! Ты тоже служишь ему, и служение твое выше моего!

Доркас, покачав головой, отвернулась. Великан молча смотрел на Гефора.

— Ты, безусловно, понимаешь, — сказал доктор, — что все это было лишь театральным представлением.

(Я, помнится, подумал, что, если б публика не забыла об этом в нужный момент, когда Балдандерс спрыгнул со сцены, нам пришлось бы разрешать довольно сложную дилемму.)

— Я понимаю больше, чем ты думаешь — я, старый капитан, старый лейтенант, старый кок на своем старом камбузе, варящий суп, похлебку для

умирающих зверушек! Мой повелитель реален, а где твои армии? Где империи твои? Да источит ли настоящая рана фальшивую кровь? Где сиянье шелка волос? Где сила твоя, когда кровь ушла в землю? Я, старый к-к-капитан старого, дряхлого судна — с матросами, чернеющими на фоне серебра парусов, и Угольной С-с-скалой за кормою — соберу ее в стеклянную чашу!

Пожалуй, здесь стоит отметить, что в то время я не обращал внимания на заикание Гефора, хотя память моя позволяет теперь зафиксировать его на бумаге. Он пел, он бурлил словами, брызжа слюной сквозь бреши в зубах. Возможно, тугодум Балдандерс понимал его. Доркас же, я уверен, он казался слишком отталкивающим, и она вряд ли разобрала хоть что-нибудь. Она стояла, отвернувшись, точно от альзабо, с чавканьем и хрустом вгрызающегося в падаль. Ну, а Иолента вообще не вслушивалась в то, что не касалось ее лично.

— Ты сам можешь видеть, что этой женщине никто не причинил вреда. — Доктор Талос встал и спрятал денежный ящик. — Мы всегда рады побеседовать с тем, кто оценил по достоинству наше представление, но, боюсь, нам пора за работу. Ты позволишь?..

Теперь, беседуя исключительно с доктором,

Гефор снова надел шапку, надвинув ее почти до самых бровей.

— Штивка? В ней никто не сравнится со мною, старым с-суперкарго, шипчандлером, старым стюардом и с-с-стивидором! Кто еще вставит орех обратно в скорлупу, кто поместит птенца обратно в яйцо? Кто уложит обратно в кокон, свисающий с ветки, словно опустевший с-с-саркофаг, выпорхнувшую из него б-б-бабочку? Я свершу это ради моего повелителя! Я буду следовать за господином моим в-в-всюду, куда ни направит он стопы свои!

Я лишь кивнул, не зная, что на это сказать. В тот же миг Балдандерс — видимо, уловив из сказанного, что пора паковаться — снял задник и принялся сворачивать его. Гефор с неожиданным проворством упаковал декорацию для Палат Инквизитора и смотал провода прожекторов. Доктор Талос взглянул на меня, словно говоря: «Что ж, теперь ты отвечаешь за него — так же, как я за Балдандерса».

— Таких на свете множество, — сказал я. — Они наслаждаются болью, их тянет к нам, как обычного человека тянуло бы к Доркас с Иолентой.

— Воображаю, — кивнул доктор. — Некоторые полагают, будто идеальный слуга — тот, кто слу-

жит единственно из любви к хозяину, идеальный крестьянин — тот, кто роется в земле единственно из любви к природе, а идеальная наложница — та, что раздвигает ноги десять раз за ночь единственно из любви к совокуплению… Увы, сих сказочных существ никто не видел живьем.

Прошло около стражи, и мы отправились в путь. Наш маленький театр был аккуратно уложен в огромную телегу, составленную из частей помоста. Балдандерс, кативший ее, нес еще кое-что на спине. Доктор Талос, Иолента и я шли впереди, а Гефор тащился за Балдандерсом на расстоянии, быть может, сотни шагов.

— Совсем как я, — сказала Доркас, оглянувшись. — А доктор — точно Агия, только не такой злой. Помнишь? Она не смогла прогнать меня, и, в конце концов, ты заставил ее прекратить…

Я помнил все и спросил, отчего она следовала за нами с таким упорством.

— Я не знала никого, кроме вас. И одиночество казалось куда страшнее Агии…

— Значит, ты все же боялась Агии?

— Да, очень! И до сих пор боюсь. Но… Не знаю, где я была до этого, но, похоже, была совсем одна — ужасно долго. Я больше не хочу оставаться одна. Ты, наверное, не поймешь этого; быть может,

это тебе не понравится, но…

— Что?

— Если бы даже ты возненавидел меня, как Агия, я все равно пошла бы за вами.

— Но Агия вряд ли так уж возненавидела тебя. — Доркас подняла на меня взгляд. Я и сейчас вижу перед собою ее пикантное лицо, словно отражающееся в тихом омуте чернильницы. Быть может, оно было слегка утомленным и бледным, слишком детским, чтобы быть прекрасным, но глаза ее взирали на меня, словно лазурь небесной тверди потаенного мира, томящегося в ожидании Человека, и могли бы сравниться даже с глазами Иоленты.

— Она ненавидела меня, — тихо сказала Доркас. — И сейчас ненавидит еще сильнее. Помнишь, после поединка ты был совсем не в себе? Ты даже не оглянулся, когда я уводила тебя. А я оглянулась — и видела ее лицо.

Иолента заявила, что не хочет идти пешком.

— Я повезу тебя, — раздался позади глухой, низкий голос Балдандерса.

— Как? — Она оглянулась. — Поверх всего этого? — Балдандерс не отвечал.

— Да, я хочу ехать, но не на куче скарба, как дура! Даже не думай!

Я словно воочию увидел печальный кивок великана.

Да, Иолента боялась выглядеть глупо… То, что я сейчас собираюсь написать, наверняка покажется вам глупым, хотя это — чистая правда. Что ж, читатель, веселись за мой счет. В тот миг я был поражен тем, насколько я везуч и как везло мне с того момента, когда я покинул Цитадель. Я был уверен, что Доркас не только любит меня, но и является верным моим другом, хотя мы — лишь несколько дней как встретились. Тяжкая поступь великана позади напомнила мне, как много людей бродят по Урсу совсем одни. Я понял (по крайней мере, мне казалось, что понял), отчего Балдандерс предпочел повиноваться доктору и всю свою недюжинную силу отдавать выполнению любых возлагаемых на него задач.

Кто-то, коснувшись моего плеча, отвлек меня от грез. То был Гефор, безмолвно подошедший сзади.

— Повелитель…

Я велел ему не звать меня повелителем и объяснил, что я — всего лишь подмастерье нашей гильдии, который вряд ли когда-нибудь возвысится даже до звания мастера. Он покорно кивнул. Губы его разомкнулись вновь, обнажив

сломанные резцы.

— Повелитель, куда мы направляемся?

— К воротам, — отвечал я.

Солгав ему, я солгал и самому себе — солгал, будто хотел, чтобы Гефор следовал не за мною, а за доктором и Балдандерсом. Правда же заключалась в том, что я вспомнил сверхъестественную красоту Когтя и подумал, как хорошо было бы не возвращаться в центр города, а унести камень с собою в Тракс. Я указал в сторону Стены, возвышавшейся перед нами в отдалении, точно обычная крепостная стена — перед мышью. Стена была черна, словно грозовая туча, и, несомненно, множеству туч в вышине преграждала путь.

— Я понесу твой меч, Повелитель?

Предложение казалось вполне искренним, однако я вспомнил, какой заговор сплели Агия с братом, желая заполучить «Терминус Эст», и со всею возможной твердостью сказал:

— Нет. Ни за что и никогда.

— Повелитель, мне больно видеть, как ты идешь пешком, неся его на плече. Должно быть, он очень тяжел!

Пока я объяснял (и это было чистой правдой), что меч вовсе не так тяжел, как кажется с виду, мы обогнули невысокий, покатый холмик и в полу-

лиге впереди увидели прямую, широкую дорогу, ведшую к проему в Стене. Дорога была запружена телегами, фургонами и прочим транспортом. Люди возле ворот казались мелкими мошками, а тягловый скот — муравьями, волокущими к муравейнику былинки. Доктор Талос обернулся к нам, продолжая идти спиною вперед, и указал на Стену — так гордо, точно выстроил ее сам.

— Некоторые из вас, думаю, видят ее впервые. Северьян, дамы, бывали ли вы раньше так близко к Стене? Даже Иолента покачала головой.

— Нет, — ответил я. — Я всю жизнь провел так близко к центру города, что Стена, если подняться на самый верх башни, в зал со стеклянной крышей, и взглянуть на север, казалась лишь темной полоской на горизонте. Признаюсь, я поражен.

— На совесть работали древние, не так ли? Подумай — прошло столько тысячелетий, но осталось еще множество незастроенной земли, по которой мы шли сегодня! Городу есть куда расти! Я вижу, Балдандерс качает головой. Неужели ты не понимаешь, дражайший мой пациент, что на месте всех этих лугов и кущ однажды, в будущем, вырастут дома и пролягут улицы?

— Они — не для разрастания Нессуса, — отвечал Балдандерс.

— Конечно, конечно! Несомненно, ты уже побывал там и знаешь все досконально! — Доктор подмигнул нам. — Балдандерс старше меня и потому уверен, будто знает все на свете. Иногда.

Вскоре мы оказались шагах в ста от дороги, и внимание Иоленты привлекло движение.

— Если здесь есть наемные паланкины, ты должен нанять один для меня, — сказала она доктору. — Я не смогу играть вечером, если весь день буду идти пешком.

Он покачал головой.

— Ты забываешь, что у меня нет денег. Если ты отыщешь паланкин, то, конечно же, вольна нанять его, если хочешь. А если не сможешь играть вечером, твоя ученица заменит тебя.

— Моя ученица? — Доктор указал на Доркас.

— Я уверен, ей не терпится попробовать себя в главной роли, и сыграет она на славу. Отчего я, по-твоему, позволил ей присоединиться к нам и участвовать в представлении? Так будет даже лучше — не придется писать еще одну женскую роль!

— Ты глуп. Она пойдет с Северьяном. Разве утром он не сказал, что собирается вернуться в город, искать… — Иолента шагнула ко мне, еще прекраснее в гневе. — Как ты назвал их — Ман-

тильи?

— Пелерины.

Тут же человек, ехавший почти по самой обочине верхом на мерихипе, придержал своего скакуна.

— Если ты ищешь Пелерин, — сказал он, — нам по пути. Но не в город, а — туда, за ворота. Вчера ночью он ушли по этой дороге.

Ускорив шаг, я ухватился за луку его седла и спросил, уверен ли он в достоверности этой информации.

— Ночью я спал в гостинице, и прочие постояльцы разбудили меня, ринувшись на улицу за их благословением, — отвечал он. — Я выглянул в окно и увидел их шествие. Слуги тащили хоругви кверху ногами, жрицы рвали на себе одежды… — Лицо его — длинное, усталое, насмешливое — расколола пополам кривая улыбка. — Не знаю, что у них стряслось, но, ты уж поверь мне, уход их был впечатляющ и несомненен, как сказал медведь, стоя на поляне среди остатков пикника!

Доктор Талос склонился к Иоленте.

— Пожалуй, — шепнул он ей, — ангел мук и твоя ученица останутся с нами еще на некоторое время.

Как позже выяснилось, он был прав лишь отча-

сти. Без сомнения, вы, возможно, множество раз видевшие Стену и каждый день проезжавшие сквозь те или иные ее ворота, на чем свет стоит клянете мою нерасторопность, и все же я, прежде чем продолжить свое жизнеописание, ради пущей уверенности, скажу о ней несколько слов.

О высоте я уже говорил. Пожалуй, редкая птица сможет перелететь Стену — возможно, две или три, если не считать орла, огромного горного тераторниса, дикого гуся и им подобных. Именно такой вышины ожидал я, когда мы достигли подножия Стены: на этот счет ошибиться трудно, ибо она отчетливо видна на многие лиги вокруг, и облака, плывущие мимо нее, кажутся лишь рябью на глади озера. Сооружена она из того же черного металла, что и стены Цитадели, и потому, видимо, показалась мне не столь уж ужасной — все здания, которые видел я в городе, были выстроены из камня или кирпича, но материал Стены был знаком мне с раннего детства.

Но пройти в ворота оказалось — все равно что спуститься в шахту, и я не смог сдержать дрожи. Пожалуй, все вокруг, кроме доктора Талоса с Балдандерсом, чувствовали то же, что и я. Доркас крепче сжала мою руку, а Гефор опустил взгляд к земле. Иолента, похоже, считала, что доктор, с

которым она только что ссорилась, обязательно защитит ее, но, когда он, не отреагировав на прикосновение к плечу, продолжал шагать вперед и по-прежнему беззаботно постукивать по мостовой тростью, к изумлению моему, оставила его и взялась за стремя человека, ехавшего верхом на мерихипе.

Над нами возвышались стены створа ворот, в которых через равные интервалы были прорезаны окна, застекленные неким материалом, гораздо прочнее и прозрачнее обычного стекла. За окнами виднелись силуэты — мужчины, женщины, и какие-то странные человекоподобные создания — возможно, какогены, существа, для которых аверн был обычным цветком, как для нас — маргаритка или иван-да-марья. Иные же казались зверьми, очень похожими на людей — странно было видеть разум во взгляде повернутой к окну рогатой головы и острые клыки в устах, раскрывшихся, дабы что-то сказать. Я спросил доктора Талоса, кто это такие.

— Солдаты, — отвечал он. — Пандуры Автарха…

Иолента, от страха прижавшаяся полной грудью к бедру всадника на мерихипе, добавила шепотом:

— …чей пот — злато для подданных.

— Прямо — там, внутри Стены?

— Точно мыши. Впрочем, я так понимаю, при ее невероятной толщине там, внутри, места хватает. В коридорах и галереях ее обитает бесчисленное множество солдат, готовых оборонять Стену, подобно термитам северных пампасов, обороняющим свои земляные жилища со старый дуб высотой. Мы с Балдандерсом проходим ворота уже в четвертый раз — я уже рассказывал, что по пути на юг мы вошли в Нессус через эти ворота, а год спустя покинули его через другие, что зовутся Печальными. Недавно, возвращаясь с юга, мы шли через еще одни южные ворота — Хвалебные. И каждый раз любовались Стеной изнутри, как вы сейчас, и лица этих слуг Автарха так же взирали на нас. Не сомневаюсь, что среди них есть и те, кто выслеживает неких определенных преступников, и, завидев одного из таких, они устремятся наружу и схватят его.

Тут в разговор вступил человек, ехавший на мерихипе (как я узнал позже, имя его было Иона):

— Прошу прощения, оптимат, но я невольно слышал твои слова. Могу рассказать больше, если тебе будет угодно. — Доктор Талос покосился на меня. Глаза его сверкнули.

— Что ж, мы будем рады, но прежде сделаем одну оговорку. Разговор пойдет лишь о Стене и тех, кто обитает внутри нее. Это означает, что мы не станем задавать вопросов, касающихся лично тебя, и, в свою очередь, ждем от тебя той же любезности.

Всадник сдвинул на затылок потертую шляпу, и я заметил, что вместо правой руки у него — стальной протез.

— Ты понимаешь меня лучше, чем хотелось бы, как сказал один человек, глядя в зеркало! Признаюсь, я надеялся спросить тебя, зачем ты путешествуешь в обществе казнедея и отчего эта дама, прекраснейшая из всех, что мне доводилось видеть, идет пешком в пыли.

Иолента, отпустив его стремя, сказала:

— С виду ты беден и немолод, добрый человек. Тебе вряд ли подобает расспрашивать обо мне.

Даже в густой тени ворот я увидел, как прихлынула кровь к щекам всадника. Все, сказанное Иолентой, было сущей правдой: одежда его была поношенной и испачканной в дорожной пыли, хотя и чище, чем у Гефора, а обветренное лицо — изборождено морщинами. Наверное, целую дюжину шагов он проехал молча, но затем все же заговорил снова. Тон голоса его — ровного, ни

высокого, ни низкого — был исполнен суховатого юмора.

— В старые времена владыки нашего мира не боялись никого, кроме собственного народа. Дабы оборонить себя, они выстроили великую крепость на холме в северной части города, еще не называвшегося Нессусом, ибо река еще не была отравлена. Многих разгневала постройка той цитадели, ибо они полагали законным правом своим без помех повергнуть владык во прах, когда того пожелают. Но другие уходили в плаванье на кораблях, странствовавших меж звезд, и возвращались с богатой добычей и новыми знаниями. И вот однажды вернулась из плаванья женщина, не привезшая с собой ничего, кроме пригоршни черных семян:...

— А-а, — перебил его доктор Талос, — так ты — профессиональный сказитель! Следовало предупредить об этом с самого начала, ибо мы, как ты, должно быть, видишь, — тоже нечто подобное.

Иона покачал головой.

— Нет, из всех сказок я знаю только эту. — Он склонился к Иоленте. — Позволено ли мне продолжить, о прекраснейшая из женщин?

Мое внимание привлекли дневной свет вперe-

ди и сумятица в потоке экипажей, перегородивших дорогу — некоторые, желая повернуть назад, нахлестывали упряжки и пытались бичами расчистить себе путь.

— …и показала она семена те владыкам человеческим, и сказала, что, если не покорятся ей, бросит она семена в море, положив тем конец миру. Ее схватили и разорвали на куски, ибо господство их было абсолютным стократ против нашего Автарха…

— …да увидит он Новое Солнце, — пробормотала Ио-лента.

— Чего же они так испугались? — спросила Доркас, еще крепче сжав мою руку.

Тут же она ахнула, разразившись слезами, и спрятала лицо в ладонях — щеку ее задел железный кончик плети. Протолкавшись вперед, я поймал за лодыжку ударившего ее возничего и стащил его с облучка. К этому времени ворота уже гудели от божбы, ругани, воплей раненых и рева испуганных животных. Если Иона и продолжал свой рассказ, я его не слышал.

Возница, сброшенный мной с облучка, должно быть, умер мгновенно. Дабы произвести впечатление на Доркас, я хотел подвергнуть его казни, называемой у нас «Два абрикоса», но он упал

прямо под ноги толпы и тяжелые колеса телег. Даже крик его в общей суматохе не был услышан никем.

Здесь, мой читатель, проведя тебя, от ворот до ворот — от запертой, окутанной туманом решетки ворот некрополя до этих, в клубах дыма и пыли, быть может, величайших во всей вселенной и во все времена, — я сделаю паузу. Войдя в первые, я начал путь, что привел меня ко вторым, войдя же во вторые, пошел новой дорогой — длинной и долгой, лесами и полями за пределами Града Несокрушимого, среди гор и северных джунглей.

Здесь, в начале ее, самое время сделать привал. И если ты, читатель, откажешься следовать за мною дальше, я не виню тебя. Дорога сия — нелегка.

Примечание переводчика

Переводя эту книгу — с языка, пока еще не существующего, — на английский, я мог бы с легкостью избавиться от многих затруднений, просто-напросто изобретая необходимые термины, но делать этого, конечно же, не стал. Поэтому во многих случаях я был вынужден заменять еще не открытые концепции их ближайшими эквивалентами двадцатого века. Понятия, наподобие пельтаста, андрогина или экзульпанта, как раз и являются такими заменами, скорее ассоциативными, нежели описательными. Слово металл обычно (хотя не всегда) означает вещество, подобное тому, что подразумевают под этим названием мои современники.

Встречающиеся в рукописи наименования видов животных, возникших в результате биогенетических манипуляций либо скрещивания с инопланетными породами, я заменил названиями подобных им вымерших существ. (Впрочем, Северьян порой и сам признает, что некоторые вымершие виды были восстановлены позднее.) Природа ездовых и тягловых животных из ориги-

нального текста зачастую неясна. Я взял на себя смелость называть их конями либо лошадьми, хотя это не вполне верно. Кони «Книги Нового Солнца», несомненно, резвее и выносливее тех, что известны нам, — скорость, развиваемая теми, что используются в военных целях, очевидно, вполне позволяет совершать кавалерийские атаки на противника, имеющего вооружение высоких энергий. В некоторых местах для передачи надписей либо высказываний на языке, который Северьян полагает мертвым, использована латынь. О природе «древнего языка» оригинала судить не берусь.

В заключение выражаю искреннюю благодарность тем, кто предшествовал мне в изучении этого постисторического мира, — особенно коллекционерам (слишком многочисленным, чтобы назвать их поименно), позволившим мне осмотреть артефакты, сохранившиеся на протяжении многих столетий будущего, а также тем, кто любезно предоставил мне возможность посещения и фотосъемки немногих дошедших до нас построек той эпохи.

Дж. В.